

ISSN 2587-7844

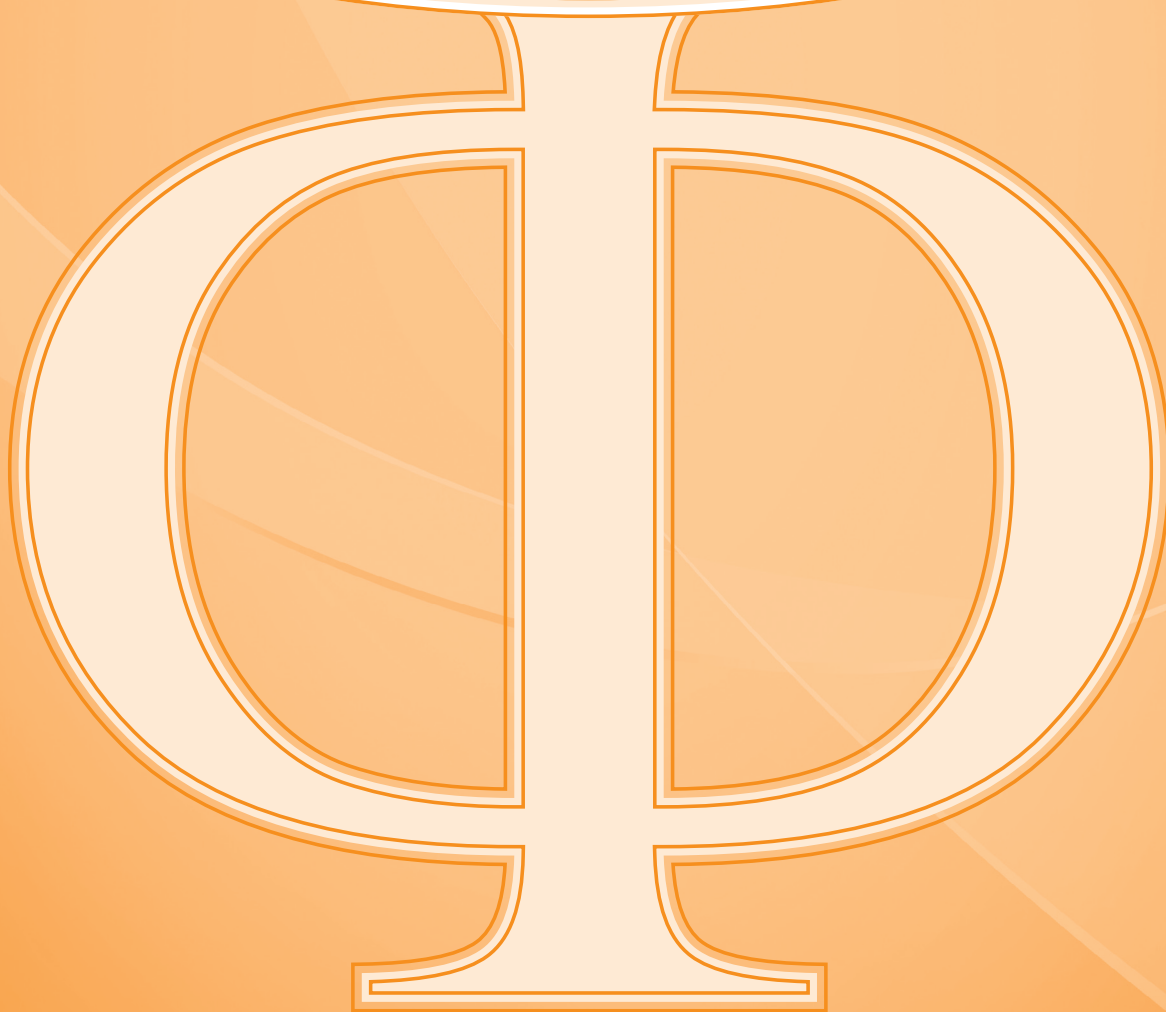
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2024. № 4 (29)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Роскомнадзоре Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований

Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Россия, 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещен на платформе публикации SciUp

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Y., DSc (Philology), Professor, University of Zagreb (Croatia)

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Нурғали Кадиша Рустембекқызы, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
Nurgali K.R., DSc (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Пикколо Лаура, профессор, Университет Рома Тре (Италия)
Piccolo L., Professor, Roma Tre University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD (Philology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Тышковска-Каспршак Эльжбета, доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Tyszkowska-Kasprzak E., DSc (Philology), Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., DSc (Philology), Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Черняк М.А., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Chernyak M.A., DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Чугунекова А.Н., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии языкознания, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан)
Chugunekova A.N., DSc (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Studies and Sayano-Altai Turkology of Linguistics, N.F. Katanov Khakass State University (Abakan, Russia).

Шмелёва Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., DSc (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

И.В. Архипова
ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ И ИХ РЕВЕРБАЛИЗАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)
I.V. Arkhipova
VERBAL DERIVATIVES AND THEIR REVERBALIZATION
(BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

[4]

А.Д. Васильев
СЛОВЕСНАЯ МИМИКРИЯ
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ
A.D. Vasilyev
VERBAL MIMICRY AS A KIND OF VERBAL MAGIC

[15]

М.В. Шибаетов, А.В. Кипчатова
ДИАГНОСТИКА ПРИЗНАКОВ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА
В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ
СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
M.V. Shibaev, A.V. Kipchatova
DETECTION OF TERRORISM PROPAGANDA FEATURES
IN THE FRAMEWORK OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

[25]

СОВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: ИДЕОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

Л.В. Дубаков
«SILENTIUM» ЭЛЛЫ КРЫЛОВОЙ:
(НЕ)БУДДИЙСКОЕ МОЛЧАНИЕ
L.V. Dubakov
SILENTIUM BY ELLA KRYLOVA:
(NON)BUDDHIST SILENCE

[42]

Т.Ю. Климова
АНАКРЕОНТИКА А. КОБЕНКОВА
T.Yu. Klimova
ANACREONTICS BY A. KOBENKOV

[51]

О.Б. Спесивцева
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ВИЗУАЛЬНОСТИ
В НОВЕЛЛЕ Н. РЕРИХА «ИКОННЫЙ ТЕРЕМ»
O.B. Spesivtseva
LITERARY DEVICES OF CREATING VISUALITY
IN NICHOLAS ROERICH'S SHORT STORY *THE ICON TEREM*

[64]

И.Г. Прудюс, М.А. Журавлев
НАРРАТИВНАЯ ИНТРИГА В РОМАНЕ Т. ПИНЧОНА
«ВРОЖДЕННЫЙ ПОРОК»
I.G. Prudius, M.A. Zhuravlev
THE NARRATIVE INTRIGUE
IN THE T. PYNCHON'S NOVEL *INHERENT VICE*

[77]

СЛОВО МОЛОДЫМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ

Е.В. Алексеевич
СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПЕКТР
ЛИТЕРАТУРНОГО ТИПА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА»
В РУССКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.
Y.V. Alekseyevich
SEMANTICS AND FUNCTIONAL SPECTRUM
OF 'A MAN OF NO IMPORTANCE' AS A LITERARY TYPE
IN RUSSIAN PROSE AT THE TURN OF 20th – 21st CENTURIES

[90]

М.А. Бипперт, А.Э. Мороз
МИФОЛОГЕМЫ МОСКВЫ,
ИЛИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ
ПРОДОЛЖАЕТ ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО
M.A. Bippert, A.E. Moroz
MYTHOLOGEMES OF MOSCOW,
OR HOW THE MODERN *MOSCOW TEXT*
CONTINUES TRADITIONS OF THE PAST

[102]

В.В. Дашчинский
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СМЫСЛОБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ
БИБЛИОНИМОВ^{INTRA} В ПОВЕСТИ
«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВТОРОГО ПОРЯДКА»
Е.Ю. ЛУКИНА
V.V. Dashchinsky
THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC ROLE
OF BIBLIONYMS^{INTRA} IN E.Yu. LUKIN'S NOVEL
PEDAGOGICAL POEM OF THE SECOND ORDER

[112]

К.А. Суровцева
«БАЛЛАДА О ТОВАРИЩЕ»: К ПРОБЛЕМЕ
ЖАНРОВЫХ ПРЕЛОМЛЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ПОЭЗИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО
K.A. Surovtseva
*THE BALLAD ABOUT A COMRADE: ON THE PROBLEM
OF GENRE REFRACTIONS OF HISTORICAL MEMORY
IN A.T. TVARDOVSKY'S POETRY*

[125]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[134]

УДК 811.112.2`36

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ И ИХ РЕВЕРБАЛИЗАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются немецкие отглагольные дериваты (аффиксальные и безаффиксные) в контексте их обратной трансформации, т.е. ревербализации в производящие глаголы акциональной (статальной, процессуальной, событийной) семантики.

Цель исследования – выявление таксисного функционала отглагольных имен, входящих в состав ревербализующихся предложных конструкций с темпоральными предлогами. Объектом исследования являются немецкие отглагольные дериваты различной лексической и словообразовательной семантики, употребляемые с темпоральными предлогами *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis*. Предметом исследования являются ревербализующиеся конструкции на базе предложных отглагольных имен немецкого языка, которые трансформируются в глаголы или глагольные предикации тождественной/аналогичной семантики и реализуют таксисные функции одновременности, предшествования и следования.

Основными методами исследования являются: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный, трансформационный, метод компонентного анализа.

Результаты исследования. Трансформы предложно-именных конструкций с темпоральными предлогами указывают на то, что немецкие отглагольные дериваты сохраняют как лексические значения производящих глаголов, так и их «скрытые» глагольные признаки переходности, результативности и др. значение.

Заключение. Результаты данной работы вносят определенный вклад в дериватологию и теорию таксиса, а также могут применяться для дальнейших функционально-грамматических исследований на базе немецкого и других языков.

Ключевые слова: *отглагольные дериваты, ревербализация, трансформация, темпоральные предлоги, темпоральные союзы, таксисный функционал, таксисная функция, одновременность, предшествование, следование.*

Постановка проблемы и обзор научной литературы. Вопросы описания лексической, деривационной и аспектуальной семантики отглагольных дериватов немецкого языка рассматриваются в ряде работ современных отечественных и зарубежных исследователей. Так, отечественный лингвист Е.В. Болотова исследует семантику процессуальных и агентивных девербатов [Болотова, 2019]. И.В. Волкова определяет языковой статус отглагольных имен в современном немецком языке [Волкова, 2015]. Н.Н. Зольникова описывает дериваты различной деривационной семантики в немецком языке [Зольникова, 2015]. Г.Р. Искандарова рассматривает категорию *nomina actionis* в лингвистике [Искандарова, 2014]. Р.Х. Каримова и Е.В. Болотова проводят структурно-семантический анализ производных с суффиксом *-ung* в немецком языке [Каримова, Болотова, 2020]. Е.Н. Каткова и И.В. Архипова исследуют деривационную

семантику немецких девербативов в лингвистическом и лингводидактическом аспектах [Каткова, Архипова, 2020] Л.П. Колоколова и Р.Х. Каримова системно освещают вопрос функционально-семантического моделирования словообразования в немецком и русском языках [Колоколова, Каримова, 2021]. Ю.В. Ланских рассматривает немецкий субстантивированный инфинитив как событийное имя, в том числе в диахроническом аспекте [Ланских, 2019]. З.А. Мирошникова и О.В. Матасова проводят сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов в немецком и русском языках [Мирошникова, Матасова, 2016]. Работы зарубежных лингвистов также освещают проблемы семантики и синтаксиса отглагольных имен на -ung [Knobloch, 2002; Rosdeutscher, Kamp, 2010].

Актуальность данного исследования связана с недостаточной разработанностью проблемы таксисного функционала отглагольных дериватов немецкого языка.

Цель и методология исследования (материалы, методы). Цель исследования – выявление таксисного функционала отглагольных имен, входящих в состав ревербализующихся предложных конструкций с темпоральными предлогами.

В ходе данного исследования использованы метод направленной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный и контекстуальный методы, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Эмпирический материал получен из электронной базы Лейпцигского национального корпуса¹ и Немецкого словаря². Материалом исследования послужили немецкие высказывания, содержащие ревербализующиеся конструкции с отглагольными дериватами с темпоральными предлогами.

Объектом рассмотрения являются немецкие отглагольные дериваты, употребляемые с темпоральными предлогами. Предметом рассмотрения являются ревербализующиеся конструкции на базе предложных отглагольных дериватов немецкого языка, трансформирующиеся в глагольные предикации тождественной семантики и реализующие определенные таксисные функции одновременности и разновременности (предшествования, следования).

Результаты исследования и их обсуждение. Отглагольные дериваты являются синтаксическими дериватами. Синтаксические дериваты – это слова с транспозиционным значением, которые сохраняют семантику производящих их основ. В нашем случае отглагольные дериваты (т.е. отглагольные имена существительные, или девербативы), будучи именами производными, наследуют и сохраняют семантику производящих их глаголов.

Отглагольные дериваты наследуют вербогенную семантику производящих их глаголов. При сочетании с предлогами обстоятельственной семантики они входят в состав *ревербализующих конструкций*, которые могут быть обратно трансформированы в глагольные предикации аналогичной лексической семантики. Ревербализуемые имена являются *таксисными* именами (термин наш. – И.А.). Присущее им свойство таксисности заключается в их способности реализовать таксисно-хронологическое значение одновременности, предшествования и следования.

¹ LC – Leipzig Corpora (Лейпцигский корпус).

² LC – DWDS (Электронный словарь немецкого языка).

В состав ревербализующихся конструкций с обстоятельственными предложениями темпоральной семантики входят следующие группы отглагольных дериватов:

- (1) статальные, акциональные, процессуальные и событийные имена на -en;
- (2) акциональные и событийные отглагольные имена на -ung;
- (3) акциональные отглагольные имена на -t и -e;
- (4) безаффиксные отглагольные имена акциональной семантики.

Ревербализующиеся конструкции с отглагольными дериватами на -en.

Отглагольные дериваты на -en сохраняют вербальную семантику производящих их глаголов в максимальной степени. Таковыми являются статальные (*das Stehen, das Sitzen, das Liegen* и др.), процессуальные (*das Schlafen, das Erwachen, das Nachdenken, das Beobachten, das Schweigen, das Schauen, das Sehen, das Zuhören* и др.), акциональные (*das Schwimmen, das Gehen, das Laufen* и др.) и событийные имена (*das Erscheinen, das Eintreffen* и др.). При употреблении с предложениями темпоральной семантики *in, bei, mit, nach, seit, bis, vor, während* они входят в состав ревербализующихся конструкций, которые трансформируются в темпоральные придаточные предложения с временными союзами аналогичной семантики *wenn, als, während, bis, vor, seit, seitdem, nachdem, ehe, bevor*. Например:

(1) *Im Liegen* ist es freilich bequemer, aber weil ich mir bei der Lektüre seitenweise Notizen mache, muss ich mich wohl an den Schreibtisch setzen (LC). → *Wenn man liegt*, ist es freilich bequemer, aber weil ich mir bei der Lektüre seitenweise Notizen mache, muss ich mich wohl an den Schreibtisch setzen;

(2) In seinem Monolog ertappt er seinen Vater *beim Schauen einer Oper im Fernsehen* (LC). → In seinem Monolog ertappt er seinen Vater, *wenn er eine Oper im Fernsehen schaut*;

(3) *Beim Laufen* machte sie nach zwei Kilometern schlapp (LC). → *Als sie lief*, *Beim* machte sie nach zwei Kilometern schlapp;

(4) *Beim Schwimmen* wird der gesamte Körper trainiert... (LC). → *Wenn man schwimmt*, wird der gesamte Körper trainiert...;

(5) *Nach dem Erwachen* begeben sich die Insekten auf Nahrungssuche und werden zumindest in einem normalen Haushalt nicht fündig (LC). → *Nachdem die Insekten erwacht sind*, begeben sie sich auf Nahrungssuche und werden zumindest in einem normalen Haushalt nicht fündig.

В высказывании (1) статальный дериват *das Liegen* с темпоральным предложением *in* трансформируется в темпоральное придаточное предложение с союзом *wenn* и реализует таксисную функцию одновременности. В высказывании (2) процессуальный дериват с предложением *bei* в темпоральном значении актуализует таксисную функцию одновременности. Он трансформируется в глагольную предикацию с временным союзом *als*. Высказывания (4) и (5) содержат акциональные имена с темпоральным союзом *bei* и ревербализуются в глаголы той же процессуальной семантики. Эти имена входят в состав полученных в результате трансформации конструкций с темпоральными союзами *wenn* и *als*. В примерах (4–5) отглагольные имена *das Schwimmen* и *das Laufen* реализуют таксисный

функционал одновременности. В высказывании (6) процессуальный дериват *das Erwachen* с предлогом *nach* трансформируется в темпоральное придаточное с союзом *nachdem*. Он принимает участие (наряду с глагольными предикатами) в актуализации таксисного значения следования.

В высказываниях (6–8) с событийными отглагольными дериватами *das Erscheinen* и *das Eintreffen* с темпоральными предлогами *mit, seit, bis, vor* выражены таксисные значения одновременности (см. пример 6), следования (см. пример 7) и предшествования (см. примеры 7 и 8). Факт реализации событийным девербативом таксисных функций одновременности и разновременности подтверждают трансформация предложно-именных конструкций в конструкции с временными придаточными:

(6) *Mit dem Erscheinen von Windows Server 2022 stellt sich die Frage nach einer reibungslosen Migration (LC).* → *Wenn Windows Server 2022 erscheint, stellt sich die Frage nach einer reibungslosen Migration;*

(7) *Seit seinem Erscheinen rätselt die halbe Stadt um den Sinn hinter der Aktion (LC).* → *Seit er erschienen ist, rätselt die halbe Stadt um den Sinn hinter der Aktion;*

(8) *Bis zum Erscheinen des ersten Buches von Vanessa Kaiser dauerte es dann noch eine Weile, letztlich bis Ende Oktober (LC).* → *Bis das erste Buch von Vanessa Kaiser erschienen war, dauerte es dann noch eine Weile, letztlich bis Ende Oktober;*

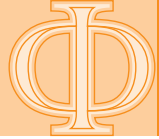
(9) *Vordem Eintreffender amerikanischen Soldaten sprengte eine Wehrmachtseinheit am 1. Mai 1945 die Innbrücke zwischen Simbach und Braunau (DWDS).* → *Bevor die amerikanischen Soldaten eingetroffen waren, sprengte eine Wehrmachtseinheit am 1. Mai 1945 die Innbrücke zwischen Simbach und Braunau.*

Ревербализующиеся конструкции с отглагольными дериватами на -ung.

В состав ревербализующихся конструкций входят акциональные и событийные имена на -ung (например, *die Verbreitung, die Verschickung, die Einarbeitung, die Einführung, die Erläuterung, die Abklärung, die Unternehmung, die Trennung, die Scheidung, die Auflösung* и др.). Они ревербализуются в производящие глаголы, а предложные конструкции с временными предлогами трансформируются в темпоральные придаточные с временными союзами *wenn, als, seit, bis, nachdem* и др.

В следующих высказываниях, содержащих акциональные дериваты *die Verbreitung, die Unterhaltung, die Einarbeitung, die Einführung, die Erläuterung, die Abklärung* с предлогами *mit, bei, nach*, реализованы таксисные значения одновременности (см. примеры 10–13) и следования (см. пример 14). Наряду с лексической семантикой отглагольные имена сохраняют и «скрытые» глагольные признаки, в частности признак переходности. Трансформы акциональных имен на -ung (см. примеры 10–14) сохраняют актантную структуру производящих их переходных глаголов действия *verbreiten, einarbeiten, einführen, erläutern, abklären*. Ср.:

(10) *Mit Verbreitung dieser Methode wurden die sozialen Rahmenbedingungen zunehmend aus der Untersuchung der Politischen Ökonomie eliminiert (DWDS).* → *Als sich diese Methode verbreitete, wurden die sozialen Rahmenbedingungen zunehmend aus der Untersuchung der Politischen Ökonomie eliminiert;*

(11) *Bei der Einarbeitung in die verschiedenen Themen der Stelle* hat das Thema Bundestagswahl die absolute Priorität (LC). → *Wenn man in die verschiedenen Themen der Stelle einarbeitet*, hat das Thema Bundestagswahl die absolute Priorität;

(12) *Mit der Einführung der Schulpflicht* ging es sehr stark darum, die Kinder moralisch zu erziehen (LC). → *Als man die Schulpflicht einführte*, ging es sehr stark darum, die Kinder moralisch zu erziehen;

(13) *Bei Erläuterung des Sachverhalts* bemerkten die Beamten, dass beide unter Einfluss von Betäubungsmitteln standen (LC). → *Als man den Sachverhalt erläuterte*, bemerkten die Beamten, dass beide unter Einfluss von Betäubungsmitteln standen;

(14) *Nach der Abklärung der inhaltlichen Ausgestaltung der Reformmodelle* befaßte sich die Fach-AG eingehend mit den verfassungs-, unterhalts- und steuerrechtlichen Fragen, die sich im Zusammenhang mit den Reformmodellen ergeben... (DWDS). → *Nachdem die inhaltliche Ausgestaltung der Reformmodelle abgeklärt worden war*, befaßte sich die Fach-AG eingehend mit den verfassungs-, unterhalts- und steuerrechtlichen Fragen, die sich im Zusammenhang mit den Reformmodellen ergeben...

В состав полученных трансформ входят производящие глаголы с подлежащим *man* или в форме пассивного залога (см. пример 14: *Nach der Abklärung der inhaltlichen Ausgestaltung der Reformmodelle... → Nachdem die inhaltliche Ausgestaltung der Reformmodelle abgeklärt worden war...*).

Кроме того, следует отметить ряд «переходных» случаев, когда акциональные имена на -ung в субстанциональном окружении, т.е. при употреблении с артиклем, притяжательными/указательными местоимениями или препозитивными прилагательными/причастиями теряют глагольные признаки и получают «определенные» значения результата действия. Ср. примеры 13 и 15, а также 16 и 17:

(15) *Mit dieser Erläuterung* erklärte das Landratsamt gestern eine Falschmeldung, mit der die Kreisverwaltung am vergangenen Freitag eine Teilerklärung für den unerwarteten Anstieg der Sieben-Tage-Inzidenz kurz vor Pfingsten geben wollte (LC);

(16) *Bei der Versorgung der deutschen Krankenhäuser mit Blutspenden* gibt es fast jedes Jahr das befürchtete Sommerloch (LC). → *Wenn man die deutschen Krankenhäuser mit Blutspenden versorgt*, gibt es fast jedes Jahr das befürchtete Sommerloch;

(17) *Nach notärztlicher Versorgung* wurde sie in das Krankenhaus nach Lübbecke gebracht (LC).

Если в высказывании (13) при сохранении глагольных признаков синтаксический дериват *die Erläuterung* трансформируется в глагольную предикацию (см. *Bei Erläuterung des Sachverhalts* bemerkten die Beamten... → *Als man den Sachverhalt erläuterte*, bemerkten die Beamten...), то в примере (15) этот девербатив, употребляясь с указательным местоимением, теряет глагольность и не может быть ревербализован. Соответственно, он «утрачивает» свою таксисную функцию.

В примере (16) отглагольный дериват *die Versorgung* с предлогом *bei* в темпоральном значении сохраняет глагольность и может быть ревербализован

в производящий глагол *versorgen* (см. трансформу *Bei der Versorgung der deutschen Krankenhäuser mit Blutspenden... → Wenn man die deutschen Krankenhäuser mit Blutspenden versorgt...*). В другом контекстуальном окружении, в частности с препозитивным артрибутом, трансформация становится невозможной, поскольку дериват приобретает предметное значение (*die Versorgung* в значении *обеспечение, снабжение* в высказывании 17).

Особый случай представляют те событийные дериваты, обратная трансформация которых требует привлечения дополнительных лексических средств, в частности событийного глагола *stattfinden* (*die Unternehmung* в значении «предприятие/поход») (см. *bei der Unternehmung gegen Algier* в высказывании 21), а также *die Unterhaltung / die Unterredung* в значении «беседа» (см. примеры 18–20). Ср.:

(18) *Während der Unternehmung* gibt Laura zu, wie sehr sie mit Felix' Erklärung hadert (LC). → *Während die Unternehmung stattfindet*, gibt Laura zu, wie sehr sie mit Felix' Erklärung hadert;

(19) *Nach der Unterhaltung mit Herrn Dr. Seidel* waren wir uns einig (DWDS). → *Nachdem die Unterhaltung stattgefunden hatte*, waren wir uns mit Herrn Dr. Seidel einig;

(20) *Vor der Unterredung mit CLINTON* hatte ARAFAT erklärt, er versuche den US-Präsidenten dazu zu bewegen, Druck auf die Israelis auszuüben und die bislang unterzeichneten Abkommen durchzusetzen (DWDS). → *Bevor die Unterredung mit CLINTON stattgefunden hatte*, hatte ARAFAT erklärt, er versuche den US-Präsidenten dazu zu bewegen, Druck auf die Israelis auszuüben und die bislang unterzeichneten Abkommen durchzusetzen;

(21) Er zeichnete sich 1784/85 *bei der Unternehmung gegen Algier*, unter Antoni Barceló, aus und deckte dann mit zwei Fregatten die Küste Spaniens gegen die Anfälle der Barbareskenstaaten (DWDS).

В следующих примерах предложные конструкции с событийными дериватами *die Trennung, die Scheidung, die Auflösung* являются ревербализующимися, и их трансформация не требует привлечения дополнительных лексико-грамматических средств. Эти имена при их употреблении с темпоральными предлогами *nach* и *seit* реализуют таксисную функцию следования. Ср.:

(22) *Nach der Trennung von Freundin Leoni Nowak* war er dem Alkohol verfallen (LC). → *Nachdem er sich von Freundin Leoni Nowak getrennt hatte*, war er dem Alkohol verfallen;

(23) *Nach der Scheidung von Moore* erhielt sie rund zwölf Millionen Euro von ihrem Ex-Mann und verarbeitete die Vorkommnisse in ihren Memoiren (LC). → *Nachdem sie von Moore geschieden war*, erhielt sie rund zwölf Millionen Euro von ihrem Ex-Mann und verarbeitete die Vorkommnisse in ihren Memoiren;

(24) *Seit der Auflösung der Band* ist die Berlinererin solo unterwegs (LC). → *Seit sich aufgelöst hat*, ist die Berlinererin solo unterwegs.

Ревербализующиеся конструкции с отглагольными дериватами на -е и -t.

В состав ревербализующихся конструкций входят отглагольные дериваты на -е и -t (*die Abfahrt, die Abreise, die Anreise, die Ankunft, die Reise, die Flucht* и др.). При употреблении с предлогами темпоральной семантики *mit, bei, während, nach, vor, seit, bis* они трансформируются в темпоральные придаточные с союзами тождественной семантики и реализуют таксисную функцию одновременности и разновременности. Например:

(25) *Nach Abreise der Testpersonen* stand fest, dass das Experiment hinsichtlich der Infektionslage durchaus kontrollierbar war (LC). → *Nachdem die Testpersonen abgereist waren*, stand fest, dass das Experiment hinsichtlich der Infektionslage durchaus kontrollierbar war;

(26) *Nach der Abfahrt in Bormio* spürte ich zwar leichte Schmerzen (LC). → *Nachdem ich in Bormio abgefahren war*, spürte ich zwar leichte Schmerzen;

(27) *Bis zu seiner Ausreise in die BRD* lebte und arbeitete er mit seiner Familie in Friedrichroda (LC). → *Bis er in die BRD ausgereist war*, lebte und arbeitete er mit seiner Familie in Friedrichroda.

В высказываниях (26–27) дериваты *die Abreise* и *die Abfahrt* с темпоральным предлогом *nach* трансформированы в глагольные предикации с союзом *nachdem*, что указывает на реализации ими таксисной функции следования. Факт актуализации девербативом *die Ausreise* таксисного значения предшествования подтверждает следующая трансформа: *Bis zu seiner Ausreise in die BRD ...* → *Bis er in die BRD ausgereist war ...*

Ревербализующиеся конструкции с безаффиксными отглагольными дериватами акциональной семантики. В состав ревербализующихся конструкций с предлогами темпоральной семантики входят безаффиксные отглагольные дериваты со значением акциональности (*der Auftritt, der Abgang, der Fortgang, der Weggang, der Wegzug, der Auszug, der Anzug, der Abzug, der Umzug* и др.). Ср.:

(28) *Nach dem Weggang der langjährigen Pfarrerin* war die Stelle zwei Jahre lang vacant (LC). → *Nachdem die langjährige Pfarrerin weggegangen war*, war die Stelle zwei Jahre lang vacant;

(29) Donald Trump hat *vor seinem Auszug aus dem Weißen Haus* eine Notiz für seinen Amtsnachfolger Joe Biden im Oval Office hinterlassen (LC). → Donald Trump hat, *bevor er aus dem Weißen Haus ausgezogen ist*, eine Notiz für seinen Amtsnachfolger Joe Biden im Oval Office hinterlassen;

(30) *Bis zu seinem Umzug vor fünf Monaten* wohnte Selim noch bei seiner Familie (LC). → *Bis Selim vor fünf Monaten ausgezogen war*, wohnte er noch bei seiner Familie.

В приведенных высказываниях акциональные дериваты *der Weggang, der Auszug, der Umzug* ревербализуются в производящие глаголы, сохраняя их аспектуальные признаки, в частности результативность. Сочетаясь с темпоральными предлогами *nach, vor, bis*, они трансформируются в глагольные предикации с временными союзами *nachdem, bevor u bis*. Они реализуют таксисную функцию следования (см. пример 28) и предшествования (см. примеры 29–30).

Заключение. Немецкие отглагольные дериваты входят в состав предложных ревербализующихся конструкций с предлогами темпоральной семантики *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis*. К ним относятся статальные, акциональные, процессуальные и событийные имена на *-en*, а также акциональные и событийные имена на *-ung*, акциональные имена на *-t, -e* и безаффиксные имена акциональной семантики. Они подлежат ревербализации и являются таксисными. В случае употребления с темпоральными предлогами они трансформируются в глагольные предикации тождественной семантики со схожими временными союзами. Полученные трансформы указывают на то, что немецкие отглагольные дериваты сохраняют как лексические значения производящих глаголов, так и их «скрытые» глагольные признаки переходности, результативности и др. Таксисный функционал немецких отглагольных дериватов с темпоральными предлогами состоит в реализации или сореализации (наряду с глаголами) категориальных значений одновременности, предшествования и следования.

Библиографический список

1. Болотова Е.В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4, № 1. С. 108–112.
2. Волкова И.В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2015. № 34. С. 147–154.
3. Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
4. Искандарова Г.Р. К вопросу о категории *nomina actionis* в лингвистике // Наука и современность. 2014. № 30. С. 178–182.
5. Каримова Р.Х., Болотова Е.В. Структурно-семантический анализ производных с суффиксом *-ung* в немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 72–79.
6. Каткова Е.Н., Архипова И.В. Деривационная семантика deverбативов: лингвистический и лингводидактический аспекты // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 38–42.
7. Колоколова Л.П., Каримова Р.Х. Функционально-семантическое моделирование словообразования (на материале русского и немецкого языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (159). С. 148–155.
8. Ланских Ю.В. Субстантивированный инфинитив как событийное имя (синхронно-диахроническое рассмотрение) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2019. № 4 (63). С. 85–89.
9. Мирошникова З.А., Матасова О.В. Сопоставительный анализ деривационных рядов deverбативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 101–108.

10. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nenn derivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft 27. 2002. S. 333–362.
11. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns // The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks / Ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. 2010. P. 169–215.

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: irarch@yandex.ru

VERBAL DERIVATIVES AND THEIR REVERBALIZATION (based on the German language)

I.V. Arkhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines German verbal derivatives (affixed and non-affixed) in the context of their reverse transformation, i.e. reverbalization into generating verbs of actional (statal, procedural, event) semantics.

The purpose of the article is to identify the taxis functionality of verbal names included in reverbalizing prepositional constructions with temporal prepositions. The object of the study is German verbal derivatives of various lexical and word-formative semantics, used with the temporal prepositions *während, bei, in, mit, nach, vor, seit, bis*. The subject of the study is reverbalizing constructions based on prepositional verbal nouns of the German language, which are transformed into verbs or verbal predications of identical/similar semantics and implement the taxi functions of simultaneity, precedence, and succession.

The main research *methods* are the following: hypothetico-deductive, inductive, descriptive, contextual, transformational, component analysis method.

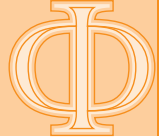
Research results. Transformations of prepositional-nominal constructions with temporal prepositions indicate that German verbal derivatives retain both the lexical meanings of producing verbs and their 'hidden' verbal signs of transitivity, effectiveness, etc.

Conclusion. The results of this work make a certain contribution to derivatology and taxis theory, and can also be applied to further functional-grammatical research based on German and other languages.

Keywords: *verbal derivatives, reverbalization, transformation, temporal prepositions, temporal conjunctions, taxis functional, taxis function, simultaneity, precedence, succession.*

References

1. Bolotova E.V. On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts // Reports of the Bashkir University. 2019. Vol. 4, No. 1. P. 108–112.
2. Volkova I.V. On the Status of Verbal Nouns in Modern German // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2015. No. 34. P. 147–154.
3. Zolnikova N.N. Word-Formation Models of Verbal Nouns in the German Language // Science and Culture of Russia. 2015. Vol. 1. P. 225–229.
4. Iskandarov G.R. On the Category of Nomina Actionis in Linguistics // Science and Modernity. 2014. No. 30. P. 178–182.
5. Karimova R.Kh., Bolotova E.V. Structural and Semantic Analysis of Derivatives with the Suffix *-ung* in German // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2020. No. 5 (211). P. 72–79.
6. Katkova E.N., Arkhipova I.V. Derivational semantics of deverbatives: linguistic and linguodidactic aspects // Actual problems of philology and methods of teaching foreign languages. 2020. Vol. 14. P. 38–42.

7. Kolokolova L.P., Karimova R.Kh. Functional and semantic modeling of word formation (based on the Russian and German languages) // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2021. No. 6 (159). P. 148–155.
8. Lanskih Yu.V. Substantivized infinitive as an event name (synchronic-diachronic consideration) // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2019. No. 4 (63). P. 85–89.
9. Miroshnikova Z.A., Matasova O.V. Comparative analysis of derivational series of deverbatives (based on the Russian and German languages) // Science and Society. 2016. No. 1 (24). P. 101–108.
10. Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft 27. 2002. S. 333–362.
11. Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns // The Semantics of Nominalizations across Languages and Frameworks. Ed. by M. Rathert and A. Alexiadou. 2010. P. 169–215.

About the author

Arkhipova, Irina V. – DSc (Philology), Professor, Department of Roman and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: irarch@yandex.ru

УДК 81-114.2

СЛОВЕСНАЯ МИМИКРИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

В функции одного из главных инструментов формирования и преобразования мира человека на протяжении всей истории неизменно фигурирует вербальная магия. Сегодня она выступает прежде всего в текстах религиозной риторики, коммерческой рекламы и политической пропаганды.

Современный российский официальный дискурс зачастую строится на использовании советских словесных символов, наполняемых, однако, качественно иным содержанием.

Цель исследования – выявление и анализ трансмутируемой советской словесной символики в российской официальной речевой коммуникации.

Методы исследования традиционные: семантико-стилистический, сравнительно-сопоставительный, контекстный, дискурсивный.

Результаты исследования. Рассмотрение представленных в статье ряда примеров словопотребления из российского официально-пропагандистского дискурса позволяет сделать вывод об активной эксплуатации советских вербальных символов. Конечно, сегодня они наполнены совершенно иной, чем прежде, семантикой. Такой способ использования слов вполне может быть квалифицирован как *с л о в е с н а я м и м и к р и я*.

Выводы. Словесная мимикрия, активно используемая в современной российской пропаганде, – манипулятивный прием, нацеленный на внедрение в сознание аудитории требуемых аксиологических ориентиров и идеологических установок, заключенных в уже известную звукобуквенную оболочку. Словесная мимикрия основывается на эклектике и многочисленных контаминациях, зачастую внутренне противоречивых.

Ключевые слова: *вербальная магия, официальный дискурс, политическая пропаганда, советская словесная символика, манипулятивные операции в речекоммуникативной сфере, словесная мимикрия.*

Понимание основополагающей роли именованного чего-, кого-либо для построения в сознании картины мира, несомненно, очень важно как свидетельство первостепенной значимости лексико-семантического уровня языка. Присвоение какому-то объекту определенного имени в прошлом давало ему статус полноценного элемента бытия, а потому было вполне сопоставимо с собственно созданием артефакта: «Называние есть творение – в высшей степени обычная мифологема у всех народов» [Дьяконов, 1990, с. 32]¹.

С этим очевидно связаны суждения лингвистов о соотношении денотата – и соответствующего ему именованного: «Напрасно стали бы мы в истории языка

¹ «То, что не названо, не существует». Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 14.

искать того древнейшего периода, когда человек вполне сознавал свое слово: в старину он только менее отделял от него свою мысль. Потому слово <...> понималось в теснейшей связи с тем, что́ выражает» (здесь и далее разрядка наша. – А.В.) [Буслаев, 1848, с. 8]. – «Слово есть сама́ вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих *слово* и *вещь*², сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений» [Потебня, 1976, с. 173]³.

Поскольку именование дает реалии бесспорное право на бытие, постольку и ее переименование могло осмысляться – согласно постулатам вербальной магии (см. [Васильев, 2013, с. 33–37; 2024, с. 30–35]) – как решительное изменение сущности предмета. Вербальная магия широко применяется и сегодня, например в религиозной риторике, коммерческой рекламе и политической пропаганде.

В современной российской речекоммуникативной практике вербальная магия используется довольно широко. Возможно, это отчасти объясняется вытеснением подлинного творчества как созидания его посильной имитацией – *креативом*. Это буквально наглядно наблюдается в переделках (*римэйках*) советских художественных фильмов. Конечно, изготовленные таким легкодоступным способом киноленты несут в себе совершенно иные идейные установки и этические ориентиры, нежели их канонические прототипы. Но, вероятно, именно такими были критерии предоставления их производителям госбюджетного финансирования.

В области ведомственного строительства наиболее эпохальной реализацией вербальной магии стало превращение *милиции* в *полицию* (подробнее см. [Васильев, 2019, с. 91–103]) – впрочем, вероятно, соответствующее новоутвержденному социально-экономическому укладу (правда, четкая и бесспорная его дефиниция сейчас не представляется возможной).

Однако наиболее активно вербально-магические операции применяются к называнию фрагментов Времени и участков Пространства. И такой подход не случаен: безошибочная ориентация человека и социума именно во временном и пространственном континууме дает возможность не только для более или менее комфортного существования и самоощущения, но и для выживания вообще.

По-видимому, в любом календаре любого государства константно присутствуют некие сакральные отрезки времени. Это – официально установленные в соответствии с определенными идеологическими ориентирами дни, предназначенные для празднования исторических событий, которые сыграли в истории

² Ср. этимологию славянского *věťь (русское и церковнославянское вещь), возводимую к индоевропейскому *uektos/*uktos ‘сказанное, изреченное’; таким образом, вещь – это ‘то, что можно назвать’ [Трубачёв, 1988, с. 9].

³ Такое понимание связи слова и вещи эксплуатировалось, в частности, и в советском офицозе сталинского периода, когда «отождествлялись знак и денотат, что усиливало требование реалистичности изображения, доводя его иногда до абсурда» [Романенко, 2003, с. 288].

данной страны наиболее выдающуюся роль. Естественно, с уничтожением советской власти и советский календарь с его набором праздничных дат был решительно трансформирован. Правда, например, 1 Мая пока сохраняется. Но не как советский (и не только!) День международной солидарности трудящихся, а как классово нейтральный Праздник Весны и Труда. Естественным образом исчезла и советская Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября). Взамен ее административно возник День согласия и примирения (и тоже 7 ноября), вероятно, как символ окончательного классового мира. Однако и он был замещен еще менее внятным широким массам Днем народного единства (4 ноября). Наряду с указанными, в качестве государственного праздника зафиксировано Рождество Христово (в конституционно светском государстве и, как заявляют высокие руководители, в многоконфессиональной стране⁴) и т.п. (подробнее см. [Васильев, 2013, с. 268–278]).

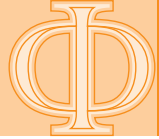
В своеобразной гармонии с трансформациями календаря выступают топонимические новации. Их вектор с самого начала реформ также был недвусмысленным: избавиться от советских именовании и заместить их по возможности якобы исторически первичными, а потому – правильными. Впрочем, даже наиболее известный пример этой деятельности оказался не вполне убедительным: северная столица, превращенная в 1991 г. из Ленинграда в Санкт-Петербург (оставшийся при этом административным центром Ленинградской области, как и Екатеринбург – Свердловской), при своем возникновении была шведской крепостью Ньюэнсканс (по-немецки Ниеншанц), что и было «историческим именем» многострадального города.

Воздавая должное активности реформаторов от топонимии, следует сказать, что в неутомимости они не только не уступают на номофильском поприще своим предшественникам-революционерам, но, возможно, даже превзошли их, в частности, затруднив согражданам ориентацию в окружающем пространстве [Васильев, 2020, 2, с. 167–181].

В большой степени подобные процессы можно наблюдать на примере именовании общественных организаций, прежде всего молодежных. Так, известно, что в Советском Союзе⁵ существовала для юношества трехступенчатая система гражданского воспитания: младшеклассники становились октябрятами (в честь Октябрьской революции), школьники чуть постарше – пионерами (то есть членами Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина), старшеклассники – комсомольцами (членами Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи). Все эти организации были массовыми и (под руководством идейно

⁴ Например, В. Путин – при передаче в войска списка иконы Спаса Нерукотворного 27.03.24. URL: [/https://tass.ru](https://tass.ru)>politika

⁵ Некоторые речедатели склонны почти постоянно именовать его *бывшим* – видимо, подчеркивая тем самым и исчезновение Страны Советов, и личную преданность новому социально-экономическому строю.

выдержанных взрослых) занимались определенной деятельностью, давая при этом юношеству плодотворные навыки бытия в составе коллектива (а не «команды», как сегодня).

В современной России появились молодежные организации, также имеющие в своей деятельности определенные цели и претендующие на добровольное в них участие, но одновременно – и на массовость. Это «Молодая гвардия Единой России», иначе – «Молодая гвардия» (с 2005 г.). Следует учитывать, что именно так – «Молодая гвардия» – именовалась советская подпольная антифашистская комсомольская организация (1942 г., г. Краснодон), члены которой были преданы оккупантами и их пособниками жестоким пыткам и мучительной смерти. В этом случае очевидно присвоение новоучрежденным образованием героического ореола юных краснодонцев.

В 2022 г. было учреждено также «Движение первых» (ср. *пионер* – ‘первый; первопроходец’), а недавно при Российском военно-историческом обществе создана «Страна Героев» – система лагерей для школьников. Ее название – очевидный фрагмент текста «Марша энтузиастов», песни из советского художественного фильма «Светлый путь» 1940 г.: «Здравствуй, с т р а н а г е р о е в, Страна мечтателей, страна ученых!»).

До известной степени выделяющимся из ряда подобных именовании можно считать «Общероссийский народный фронт» («Народный фронт»), созданный в 2011 г. Но и здесь есть прецеденты: существовали европейские а н т и - ф а ш и с т с к и е «Народные фронты» («Народный фронт – форма организации широких народных масс, объединяющихся вокруг рабочего класса для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс» [МАС₂, 1982, с. 389]). Ср. также позднейшее: в перестроечном СССР «Народный фронт, общественное объединение, деятельность которого направлена главным образом на борьбу за национальное возрождение» [ТССРЯ, 2001, с. 495] – собственно, главной целью этих «народных фронтов» был безусловный выход ряда республик из состава Советского Союза, что и было успешно осуществлено.

Известны и менее удачные, то есть не санкционированные официально, попытки реактуализации вербальных символов советского периода. Так, предложение депутата Госдумы С. Бабурина впредь именоваться *народными избранниками* (как в СССР) его коллеги решительно отвергли⁶. Совсем недавно депутат А. Гурулев предложил вернуть в официально-правовой оборот словосочетание *враг народа*: «Острая необходимость в советском понятии *враг народа*. Враги есть, понятия не существует»⁷. И эта инициатива также не нашла поддержки: хотя словосочетание беспрепятственно используется для перифрастического обозначения т.н. *иноагентов*⁸ – в первую очередь открытых противников СВО,

⁶ Вести недели. РТР. 27.09.04, то есть сами депутаты не считают себя *избранными народом*.

⁷ URL: absatr.media.12.07.23

⁸ Их статус в РФ определен и закреплен юридически с 2012 г.

его применение в качестве термина способно существенно снизить пропагандистскую эффективность многих публичных речевых актов. Ведь эта фраза на протяжении ряда лет выступает важнейшим компонентом манипулятивного инструментария, в функции «носителя скрытой угрозы» [Расторгуев, 2003, с. 243], ассоциативно отсылая аудиторию к «сталинским репрессиям». Отсюда – главная причина невозможности ее введения в оборот в современной ситуации (подробнее см. [Васильев, 2023а, с. 6–11]; ср. сегодняшний характер использования существительного *коллаборант* [Васильев, 2023б]).

Так как в послесоветском общественном дискурсе естественно возникла весьма ощутимая лакуна – отсутствие общепринятого вокатива, столь необходимого «социального артикля»⁹, то время от времени становятся известными попытки внедрения разных его вариантов. В их числе и доминировавший ранее. Ср.: «– Вот вы выходите и начинаете [речь]: “Уважаемые *господа!*” А дальше что?! На самом деле [возникает] недоверие, потому что одни себя “*господами*” не считают, а другие – не хотят видеть рядом с собой “*господ*”. А когда обращаются “*товарищи, друзья*” – тут все понятно, – перенастранивал тональность общей риторики в парламенте председатель Госдумы Вячеслав Володин. Советское приветствие [? – А.В.] “*товарищ*” сразу подхватили участники больших парламентских слушаний, собравшиеся для обсуждения предстоящих изменений в налоговом законодательстве»¹⁰.

Следует отметить, что для значительной части этой аудитории обращение *товарищ* было вполне привычным, хотя и основательно забытым. Ведь многие из присутствовавших совершенно добровольно ранее состояли в Коммунистической партии Советского Союза (тогда – правившей), затем, однако, превратившись в новоизобретенную «эли́ту» (см. [Калашников, 2003, с. 297; Расторгуев, 2003, с. 374; Васильев, 2013, с. 447–499]¹¹). Поскольку же официально доминирующим остается вектор антисоветизма, то и реанимация такого вокатива маловероятна (см. также [Васильев, 2013, с. 500–542]).

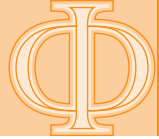
Широко тиражируемый тезис «Россия – великая держава», до некоторой степени оправдываемый размерами территории страны (приобретенной, впрочем, усилиями далеких предков), обычно аргументируется тремя, казалось бы, бесспорными фактами: победа в Великой Отечественной войне, выход в космос, наличие ядерного арсенала. Однако все эти достижения совершены именно Советским Союзом, но вовсе не РФ, не способной даже на собственное производство гвоздей – об этом и подобном с удивлением иногда узнают российские высокие руководители¹².

⁹ Пелевин В.О. Generation «П». М., 1999. С. 82.

¹⁰ URL: <https://finance.rambler.ru.economics/52807224.23.05.24>

¹¹ Также: Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. М., 2003. С. 53–54. Можно вспомнить, что в некоторых арго присутствует семантически удачное существительное подельник [Дубягин, Бронников, 1991, с. 135; Хукка, 1992, с. 138].

¹² URL: <https://ria.ru.14.04.22>

Приблизительно таким же образом в СМИ всячески восхваляют многих спортсменов российского происхождения, выступающих за иностранные команды и под чужим флагом, упорно называя этих гастролеров *российскими* атлетами.

По-видимому, вербально-манипулятивные операции, примеры которых здесь приведены, по крайней мере, отчасти связаны с фундаментальными положениями. Ряд элементов уважаемой государственной символики современной России характеризуется несомненной контаминацией – если учитывать, что, согласно ст. 1 главы 1 Конституции РФ, она «есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Так, изображенный на гербе двуглавый орел – очевидная репликация герба Российской империи; этой же империи ранее принадлежал сегодняшний флаг¹³; музыка гимна – это музыка гимна низвергнутого СССР, правда, с наложением совсем иного текста, однако написанного тем же талантливым и высокопринципиальным автором.

Время от времени будто бы спорадически¹⁴ возникают малорезультативные дискуссии и смелые предложения об узаконении некоей *национальной идеи* [Васильев, 2013, с. 150–154]. Например, П. Толстой, депутат фракции «Единая Россия», заявил: «...Вместо того, чтобы прописывать в Конституции запрет на идеологию, нужна *надежная национальная*¹⁵ идеология, которая обеспечит процветание нашей страны в будущем»¹⁶. Ранее В. Путин говорил: «Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными отношениями, но носила и идеологический характер. Даже придумали общность людей – советский народ <...>. Мы говорим про российский народ¹⁷, но это пока не то <...>. Есть только одно, что может заменить то, что было в Советском Союзе. Это *общероссийский патриотизм*»¹⁸. Вероятно, для душевного равновесия государствообразующего народа был изобретен *русский мир*. Это, наверное, самый впечатляющий пример абсолютного отрыва словесного маркера от фантомного денотата [Васильев, 2024, с. 194–196].

В 2022 г. были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – вероятно, как адекватный субститут табуированной идеологии. Судя по многим выступлениям в СМИ, клише *традиционные (духовно-нравственные) ценности* стало привычным элементом речей руководителей разных рангов: то ли присягой

¹³ Ср. недавний спуск на воду подводной лодки «Александр III» (2024).

¹⁴ Хотя это скорее информационные выпады для зондажа общественного мнения и его подготовки к новым реформам.

¹⁵ О сегодняшнем характере употребления слов *нация, национальный* (см. [Васильев, 2024, с. 119–147]).

¹⁶ То есть «какой будет Россия в 2050 году» [Там же]. URL: <https://www.er-duma.ru/news.24.09.19> – в чрезвычайно отдаленной перспективе.

¹⁷ См. [Васильев, Васильева, 2020].

¹⁸ URL: <http://www.vesti.ru/doc.htm?id=417067&cid=5.27.12.10>

на верность, то ли вербальным символом веры¹⁹. Проводятся многочисленные съезды, слеты, сборы, форумы, выставки, парады, смотры и т.п. действия, которые призваны верифицировать реальность мифогенов. Для этого же предназначена бодрая статистика, свидетельствующая о массовой поддержке новоиспеченных организаций.

Справедливо суждение: «Идеология <...> сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем» [Зиновьев, 1990, ч. 1, с. 226]. Сегодняшние российские вербальные имитации идеологии, включая почти ритуальные обязательные lamentации о «миллионах невинных жертв сталинских репрессий» и приснопамятных советских галошах²⁰, характеризуются явной эклектичностью.

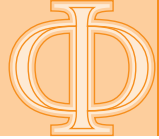
На основании анализа представленных выше номинаций допустимо заключить, что в современном российском официальном дискурсе активно используется особый манипулятивный прием. Его можно определить как *с л о в е с н у ю м и м и к р и ю*, то есть пропагандистское приспособление вербальных символов прошлого (прежде всего – советского) с наполнением их содержанием, соответствующим неким новым целям. Это – частная разновидность вербальной магии, с помощью которой выстраиваются необходимые дискурсивные декорации.

Библиографический список

1. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.
2. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020.
3. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013.
4. Васильев А.Д. Кавычки при клише как знак конвенциональной оценки // Сибирский филологический форум. 2023а. № 3 (24). С. 4–14.
5. Васильев А.Д. Манипуляции словами: управление сознанием. Красноярск, 2024.
6. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023б. № 1 (22). С. 4–13.
7. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019.

¹⁹ Ср. описание общественной активности литературного персонажа: Егор Скумбриевич «умело и выгодно использовал взаимный и всесторонний обман <...>. Егор произносил правильные речи о советской общественности, о культработе, о профучебе и о кружках самодеятельности. Но за всеми этими горячими словами ничего не было» (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф. И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Новосибирск, 1957. С. 501). При внешней идеологической правильности своего поведения Скумбриевич вместе с другими чиновниками «Геркулеса» активно помогал подпольному миллионеру Кореяко расхищать госбюджетные средства.

²⁰ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15266.08.05.12>

8. Васильев А.Д., Васильева С.П. *Русский – российский?* Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 152–160.
9. Дубягин Ю.П., Бронников А.Г. (общ. ред.). Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
10. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
11. Зиновьев А.А. Зияющие высоты: в 2 т. М., 1990.
12. Калашников М. Вперед, в СССР-2. М., 2003.
13. Потехня А.А. Мысль и язык // Потехня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
14. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003.
15. Романенко А.П. Образ риторика в советской словесной культуре. М., 2003.
16. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1982. Т. 2 (МАС₂).
17. Толковый словарь современного русского языка. М., 2001 (ТССРЯ).
18. Трубачев О.Н. Этимология и славянская пракультура // Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры: всесоюзная конференция. Л., 1988. С. 9–10.
19. Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: словарь-справочник. Н. Новгород, 1992.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

VERBAL MIMICRY AS A KIND OF VERBAL MAGIC

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Verbal magic has always been one of the main tools for shaping and transforming the human world throughout history. Today it appears primarily in religious rhetoric, commercial advertising and political propaganda.

Modern Russian official discourse is often based on the use of Soviet verbal symbols, filled, however, with a qualitatively different content.

The purpose of the study is to identify and analyze transmuted Soviet verbal symbols in Russian official speech communication.

Traditional research methods: semantic-stylistic, comparative, contextual, and discursive.

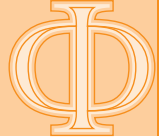
Research results. Consideration of a number of examples of word usage presented in the article from the Russian official propaganda discourse helps us to conclude about an active exploitation of Soviet verbal symbols. Today they are filled with completely different semantics than before. This way of using words may well be qualified as verbal mimicry.

Conclusions. Verbal mimicry, which is actively used in modern Russian propaganda, is a manipulative technique aimed at introducing into the consciousness of the audience the required axiological guidelines and ideological attitudes enclosed in an already well-known sound-letter shell. Verbal mimicry is based on eclecticism and numerous contaminations, often internally contradictory.

Keywords: *verbal magic, official discourse, political propaganda, Soviet verbal symbolism, manipulative operations in the speech-communicative sphere, verbal mimicry.*

References

1. Buslaev F.I. On the influence of Christianity on the Slavic language. Moscow, 1848.
2. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. In 2 vol. Krasnoyarsk, 2020.
3. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013.
4. Vasilyev A.D. Quotation marks in cliches as a sign of conventional assessment // Siberian Philological Forum. 2023. No. 3 (24). P. 4–14.
5. Vasilyev A.D. Manipulation of words: mind control. Krasnoyarsk, 2024.
6. Vasilyev A.D. On the verbal correction of the worldview // Siberian Philological Forum. 2023. No. 1 (22). P. 4–13.
7. Vasilyev A.D. Transformations of words. Modern lexical and semantic processes. Krasnoyarsk, 2019.
8. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. Russian – Russian? The question of identification and self-identification // Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafiev. 2020. No. 1 (51). P. 152–160.
9. Dubyagin Yu.P., Bronnikov A.G. (general ed.). Explanatory dictionary of criminal jargon. Moscow, 1991.

10. Dyakonov I.M. Archaic myths of the East and West. Moscow, 1990.
11. Zinoviev A.A. Gaping heights. In 2 vol. Moscow, 1990.
12. Kalashnikov M. Forward, in the USSR-2. Moscow, 2003.
13. Potebnya A.A. Thought and language // Potebnya A.A. Aesthetics and poetics. Moscow, 1976. P. 35–220.
14. Rastorguev S.P. Philosophy of information warfare. Moscow, 2003.
15. Romanenko A.P. The image of the rhetorician in Soviet verbal culture. Moscow, 2003.
16. Dictionary of the Russian language [MAS₂]. In 4 vol. 2. Moscow, 1982.
17. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow, 2001.
18. Trubachev O.N. Etymology and Slavic prakulture // All-Union Conference “Methodology and methodology of historical dictionary research, historical study of Slavic languages, Slavic writing and culture”. Leningrad, 1988. P. 9–10.
19. Hukka V.S. Jargon and abbreviation of tattoos of the criminal world. Dictionary-reference book. N. Novgorod, 1992.

About the author

Vasilyev, Alexander D. – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: vasileva@kspu.ru

УДК 81'44

ДИАГНОСТИКА ПРИЗНАКОВ ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА В РАМКАХ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

М.В. Шибает (Красноярск, Россия)

А.В. Кипчатова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Ситуация, сложившаяся в современной лингвоэкспертной практике, может быть охарактеризована как методический плюрализм, при котором соседствуют ведомственные методические разработки РФЦСЭ Минюста РФ, МВД РФ, ФСБ РФ и разработки негосударственных экспертов. Тогда как для государственного эксперта выбор используемой методики задан авторитарно, негосударственный эксперт более гибок в вопросе выбора инструментария для работы, что актуализирует проблему выбора такой модели анализа, которая будет удобна в использовании и результаты которой будут понятны целевой аудитории экспертных заключений, обладающей преимущественно юридическим образованием.

Цель статьи заключается в предложении оптимальной для судебно-экспертной деятельности модели анализа вербальной пропаганды терроризма.

Основным материалом исследования послужил архив заключений судебных лингвистических экспертиз, назначенных в рамках судопроизводства по ст. 205.2 УК РФ и проведенных специалистами АНО СЭ «Контекст» с 2021 по 2024 г.

Методы работы с материалом включают в себя семантический анализ (например, лексикографический и компонентный анализ), экспликацию смысловых компонентов с помощью семантической декомпозиции и синонимического перифраза, коммуникативно-прагматический метод, контекстный анализ, референциальный анализ, риторический анализ, семиотический анализ.

В *результате* проведения исследования авторы предлагают модель лингвистического анализа вербальной пропаганды терроризма, основанную на выявлении таких признаков, как: специфический субъектный состав коммуникативной ситуации, вербализация идеологии насилия, наличие коммуникативной цели убеждения адресата, образ проявляющего агрессию коллективного актора, образ насильственного способа совершения действий.

Ключевые слова: пропаганда, судебная лингвистическая экспертиза, терроризм, убеждение, идеология.

Обзор научной литературы. Будучи широкоупотребительным и эффективным средством воздействия на массы и личность, пропаганда многократно становилась предметом изучения смежных с лингвистикой наук. Это и психология (напр., [Войстасек, 1981; Бернейс, 2022]), и философия (напр., [Эллюль, 2023]), и политология (напр., [Ласуэлл, 2021]). Убеждение (как ключевой пропагандообразующий процесс) имеет еще более длительную историю изучения, начинающуюся с [Аристотель, 2021] и продолжающуюся

в рамках неориторических работ по теории аргументации (напр., [Ивин, 1997; Перельман и др., 1987; Еемеерен и др., 2021; Концептуальная систематика аргументации, 2013; Мисюк, 2009; 2010]).

Более узко, в рамках судебной лингвистической экспертологии пропаганда становилась предметом рассмотрения, например в трудах лингвистов [Баранов, 2007; 2017; Кукушкина и др., 2011; Осадчий, 2013].

Подход, реализуемый в данном исследовании, подразумевает движение от противоправного действия к тексту, что актуализирует идею необходимости уточнения, что именно понимается под пропагандой терроризма в рамках актуального российского законодательства.

Определение **пропаганды терроризма** дано в прим. 1.1. к ст. 205.2 УК РФ: «В настоящей статье под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности» [Уголовный кодекс..., 2023].

Напрямую из данного определения проистекает следующий вывод: экспертная диагностика признаков пропаганды терроризма основана на совершении двух процедур: установлении факта распространения некоторой информации, а также квалификации специфического коммуникативного поведения адресанта информационного материала (в лингвистической оптике данная процедура может быть описана как ответ на вопрос «убеждал ли автор?»).

Добавим к этому пару немаловажных тезисов: 1) распространяемая информация только тогда может быть признанной направленной «на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», если на предметно-тематическом уровне анализа было выявлено, что она описывает идеологию и практику терроризма (так, например, описание просто имеющего признаки сходства с терактом события – допустим, случайного взрыва бытового газа – в совокупности с убеждением адресата в позитивной ценности этого события не образуют комплекса признаков, достаточных для диагностики признаков пропаганды терроризма, и могут быть соотнесены скорее с понятием возбуждения вражды и ненависти); 2) распространяемая информация только тогда может быть признанной направленной «на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности», если она содержит в себе идеи, представления и взгляды, характерные для террористов, являющиеся основой для практик терроризма. Поясним последнюю мысль: только идеи, представления и взгляды, т.е. понятия, отражающие действительность в сознании человека и выражающие его отношение к ней, способны формировать идеологию (поскольку идеология – это система таких понятий), убеждать в привлекательности идеологии (поскольку привлечение к идеологии как коммуникативно

направленная деятельность основано на демонстрации ценности этой идеологии, т.е. выражении именно идей, представлений, взглядов), в допустимости террористической деятельности (поскольку террористическая деятельность немыслима в отрыве от контекста террористических идей).

Последний тезис не противоречит и словарным толкованиям.

– Пропаганда – «распространение политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности» [БСЭ].

– Пропаганда – «распространение политических, философских, научных, художественных и других взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической деятельности» [Ефремова, 2006].

– Пропаганда – «распространение и внушение взглядов, идей, мнений с целью позитивно или негативно настроить аудиторию» [Новая философская энциклопедия, 2001].

Таким образом, для выявления признаков пропаганды терроризма эксперт производит следующие операции.

I. Выясняет, были ли распространены террористические идеи, представления и взгляды, элементы террористической идеологии.

II. Определяет, совмещено ли это распространение с убеждением адресата в позитивной ценности терроризма, уточняет механизм реализации убеждения.

I

Согласно ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Кочои, 2023, с. 99–125], террористическая идеология – это «идеология насилия». Более подробное описание в законодательных актах РФ, к сожалению, отсутствует, однако, как нам думается, представление о террористической идеологии как идеологии насилия может быть дополнено за счет упоминания деятельностной природы насилия и его неправомерности (правомерное насилие является прерогативой государства). Кроме того, думаем, что значимыми здесь также являются устрашение (поскольку устрашение является признаком эталонного проявления террористического насилия – террористического акта), межгрупповой характер взаимодействия (субъекты и объекты террористического насилия – представители социальных, национальных, религиозных и политических групп) и выражение идеи справедливости (как подмечено в [Дашкова, Карчагин, 2013], взаимосвязь между терроризмом и справедливостью определяется несколькими параметрами – каузальным параметром, который подразумевает, что существующая несправедливость является причиной террористического насилия, аксиологическим параметром, который подразумевает, что сам терроризм воспринимается террористами как нечто справедливое, а также телеологическим параметром, подразумевающим, что зачастую достижение справедливости является целью терроризма). Таким образом, террористическая идеология может быть определена как идеология неправомерного применения насилия

и устрашения насилем, в том числе ради достижения справедливости для представителей тех или иных групп (социальных, национальных, религиозных, политических). В таком случае террористические идеи как структурные элементы идеологии терроризма могут быть описаны как понятия, отражающие неправомерное применение межгруппового насилия (в том числе устрашение насилем) в сознании человека, выражающие отношение человека к такому применению как к справедливому, позитивно ценному.

Исходя из вышесказанного, а также с учетом границ компетенции лингвиста мы думаем, что устанавливаемыми лингвистическими методами фактами, значимыми для следствия и суда с целью отождествления их с понятием террористической идеологии, являются:

- наличие в продуктах речевой деятельности вербально выраженного представления о применении насилия;
- вербализация коллективности субъектно-объектного состава данного насилия¹;
- вербализация позитивной оценки такого применения насилия.

Перефразируя, адекватным лингвистическим описанием, коррелирующим с юридическим понятием террористической идеологии, является подобный текст: в продуктах речевой деятельности отражены представления о применении насилия, при этом к насилию вербально выражено позитивно ценное отношение, а субъектом и объектом этого насилия являются группы лиц.

II

Поскольку целями пропаганды законодателем признаются состояние убежденности лица в привлекательности идеологии терроризма, наличие у лица представления о допустимости осуществления террористической деятельности, одной из задач эксперта должна являться диагностика коммуникативной цели убеждения адресата в позитивной ценности терроризма, что может производиться на риторическом уровне с помощью выявления в объекте специальных средств, предназначенных для убеждения – аргументов в пользу оценочных суждений². Далее мы представляем вариант типологии таких средств, основанный на главе 5 работы А.А. Ивина «Основы теории аргументации» [Ивин, 1997] и дополненный нами примерами аргументов, употребительных в рамках дискурса исламоориентированной террористической пропаганды.

¹ Идея индивидуального субъекта насилия очевидно противоречит словарной дефиниции «идеологии», подразумевающей ее принадлежность «какой-л. социальной группе, классу, политической партии, обществу» [Ефремова, 2006], а идея индивидуального объекта насилия, вероятно, соотносится не с террористической идеологией, а с личной неприязнью.

² Альтернативный – любопытный, но малоприменимый для лингвистической экспертологии – вариант выявления коммуникативной ситуации убеждения подразумевает, что вообще любая речь убеждает адресата: «Всякий акт коммуникации по своей онтологической сущности аргументативен» [Концептуальная систематика аргументации, 2013, с. 169]; «любое общение может рассматриваться как ситуация убеждения» [Демьянков, 1982, с. 330].

1. Квазиэмпирическое обоснование³

Неполная индукция (обоснование, в котором «первые n посылок являются оценками, последняя посылка представляет собой описательное утверждение; заключение является оценкой. Индукция называется “неполной”, поскольку перечисленные объекты $S_1, S_2, \dots, S_n$, не исчерпывают всего класса предметов S » [Ивин, 1997, с. 174]).

Уничтожение курайшитов при Бадре является богоугодным делом.

Уничтожение евреев на Землях Палестины является богоугодным делом.

Уничтожение американцев в Афганистане является богоугодным делом.

Все они нарушали законы Аллаха.

Уничтожение всех, кто нарушает законы Аллаха, является богоугодным.

Аналогия («умозаключение о принадлежности определенного признака предмету на основе того, что сходный с ним иной предмет обладает этим признаком» [Ивин, 1997, с. 174]).

Умар ибн аль-Хаттаб защищал единоверцев, был правоверным мусульманином и погиб от руки кафира. Он является праведным правителем.

Абу Бакр аль-Багдади тоже защищал единоверцев, был правоверным мусульманином и погиб от руки кафира.

Абу Бакр аль-Багдади тоже является праведным правителем.

Апелляция к образцу, т.е. к поведению лица или группы лиц, которому надлежит следовать.

Пророк Мухаммад убил Убейя ибн Халяфа, когда тот собирался напасть на него.

Поведение пророка Мухаммада априори является правильным.

Мусульмане должны убивать кафиров, которые собираются напасть на мусульман.

Целевое обоснование («Целевое обоснование позитивной оценки какого-то объекта представляет собой ссылку на то, что с помощью последнего может быть получен другой объект, имеющий позитивную ценность» [Ивин, 1997, с. 184]).

Деятельность «ИГИЛ» направлена на построение всемирного халифата.

Построение всемирного халифата принесет пользу всем мусульманам мира.

Деятельность «ИГИЛ» принесет пользу всем мусульманам мира.

2. Теоретическое обоснование

Дедуктивное обоснование, т.е. «выведение обосновываемого оценочного утверждения из иных, ранее принятых оценок» [Ивин, 1997, с. 189].

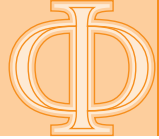
Мусульманин должен активно пресекать зло.

Ограничение государством права на ношение хиджаба – это зло.

Мусульманин должен активно пресекать попытки ограничения государством права на ношение хиджаба.

³ Собственно эмпирическое обоснование оценочных суждений является невозможным, что соответствует принципу Юма, утверждающему, что «невозможно с помощью одной логики перейти от утверждений со связкой «есть» к утверждениям со связкой «должен» [Философия: Энциклопедический словарь, 2004].

Системная аргументация, которая подразумевает обоснование оценок «путем включения их в хорошо обоснованную систему оценочных утверждений» [Ивин, 1997, с. 196].

Платить закят – это шариатская норма.

Совершать намаз – это шариатская норма.

Держать уразу⁴ – это шариатская норма.

Вести себя в соответствии с нормами шариата является богоугодным делом.

Вести джихад с неверными тоже шариатская норма и тоже является богоугодным делом.

Демонстрация совместимости обосновываемой оценки с другими принятыми оценками и соответствие ее определенным общим оценочным принципам.

Если кто-то оскорбляет твою мать и отца, ты ударишь его по лицу.

Если кто-то оскорбляет твою жену, ты ударишь его по лицу.

Если кто-то оскорбляет твою дочь или сына, ты ударишь его по лицу.

Если кто-то оскорбляет твоего Бога, ты должен ударить его по лицу.

Методологическое обоснование, содержащее указание на то, что «оценка получена с помощью метода, уже неоднократно продемонстрировавшего свою надежность» [Ивин, 1997, с. 198].

Самый правильный способ получения истинного знания – это поиск его в Коране.

В Коране написано: «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду. Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закят, то отпустите их, ибо Аллах – Прощающий, Милосердный».

Мусульмане должны убивать многобожников.

3. Контекстуальные аргументы

Аргумент к традиции, который «представляет собой ссылку на ту устойчивую и оправданную временем традицию, которая стоит за рассматриваемым оценочным утверждением» [Ивин, 1997, с. 199].

Во времена праведного халифа Умара ибн аль-Хаттаба вероотступникам отрубали голову.

Во времена праведного халифа Усмана ибн Аффана вероотступникам отрубали голову.

Во времена праведного халифа Али ибн Абу Талиба вероотступникам отрубали голову.

В наши времена вероотступникам нужно отрубить голову.

---

⁴ Предписываемые религиозными правилами ограничения в режиме питания.

Аргумент к эпистемическому авторитету, т.е. к авторитету «знатока, специалиста в какой-то области» [Ивин, 1997, с. 202].

Неверные противны Аллаху, он покарает их за грех неверия.

Аллах знает лучше⁵.

Мусульманам должны быть противны неверные, они должны стремиться их наказать.

Аргумент к деонтическому авторитету, т.е. к авторитету «вышестоящего лица или органа» [Ивин, 1997, с. 202].

Пренебрежение джихадом ведет к недовольству Аллаха.

Аллах карает тех, кто вызывает его недовольство.

Мусульмане должны вести джихад.

Аргумент к интуиции, которая понимается как «способность к прямому усмотрению истины, постижению ее без всякого рассуждения и доказательства» [Философия: Энциклопедический словарь, 2004].

Если грабитель и убийца вламывается в твой дом к твоей семье, тебе не нужно думать и размышлять, стоит ли оказать ему сопротивление, потому что ты и так сразу понимаешь, что нужно сделать.

Неверные нападают на дома мусульман по всему миру как грабители и убийцы.

Нужно сражаться с неверными.

Аргумент к вере, являющийся ссылкой на «особое состояние организма, или “души”, в поддержку выдвигаемого положения» [Ивин, 1997, с. 207].

Правоверные мусульмане верят в то, что Коран – это истина.

В Коране написано, что джихад богоугоден.

Правоверные мусульмане должны считать, что джихад богоугоден.

Аргумент к здравому смыслу.

Любой здравомыслящий человек понимает, что когда тебе неотвратимо угрожает опасность, нужно сражаться.

Неверные представляют опасность для мусульман по причине своей враждебности.

Мусульмане должны сражаться с неверными.

Аргумент ко вкусу.

Если сражения не избежать, лучше умереть с оружием в руках, чем стоя на коленях.

Неверные враждебны к мусульманам, нападают на их дома и семьи.

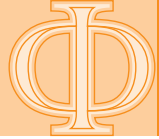

Мусульмане должны сражаться с неверными.

Также следует отметить, что состояние убежденности адресата, возникшее в результате ознакомления с информационным материалом, не свидетельствует напрямую о наличии у адресанта стремления убедить. Проиллюстрировать данный тезис можно на примере кейса основателя деструктивного культа «Семья» и одного из самых известных американских серийных убийц Чарльза Мэнсона.

---

⁵ Ритуальный возглас, предназначенный для указания на то, что Аллах всеведущ, знает все лучше, чем кто бы то ни было в мире.

В книге представителя обвинения по его уголовному делу Винсента Буглиози «Helter Skelter: Правда о Чарли Мэнсоне» [Буглиози, 2023] на основе многочисленных доказательств высказывается предположение о том, что представления Мэнсона о неизбежно грядущей расовой войне между белокожим и чернокожим населением Америки были мотивированы его ознакомлением с песнями т.н. «Белого альбома» группы «Beatles». Так, например, в песне «Blackbird» «Чарли видел призыв... обращенный к чернокожим: “Поднимайтесь, начинайте [восстание], время пришло”» [Буглиози, 2023, с. 341]. Приведем отрывок текста песни для понимания, насколько далеко от авторского замысла может находиться вариант декодирования, избранный читателем.

«Blackbird singing in the dead of night.
Take these broken wings and learn to fly.
All your life, you were only waiting for this moment to arise.
Blackbird singing in the dead of night.
Take these sunken eyes and learn to see.
All your life, you were only waiting for this moment to be free»⁶.

Учитывая все вышесказанное, считаем, что релевантной для лингвоэкспертной деятельности является представленная ниже модель анализа продуктов речевой деятельности на предмет выявления в них признаков пропаганды терроризма (табл.).

Тип признака	Название признака	Выраженность признака
1	2	3
Обязательный	1. Субъектный состав	Отправитель (коллективный или индивидуальный) → получатель (коллективный или индивидуальный)
Обязательный	2. Вербализация идеологии	В высказываниях отражены представления о правильности, справедливости неправомерного применении межгруппового насилия
Обязательный	3. Коммуникативная цель убеждения адресата в позитивной оценке идеологии	В высказываниях отражено стремление автора убедить адресата в правильности, справедливости идеологии насилия, что может проявляться в использовании им специальных средств убеждения – аргументов
Вариативный	4.1. Коллективный актер	В высказываниях отправителя содержится указание на коллективного актора, соотносимого с организацией, признанной террористической

⁶ Перевод: «Черный дрозд поет в глухой ночи.
Возьми эти сломанные крылья и научись летать.
Всю свою жизнь ты ждал этого момента, чтобы воспрянуть.
Черный дрозд поет в глухой ночи.
Возьми эти глаза и научись заново видеть.
Всю свою жизнь ты ждал этого момента, чтобы стать свободным».

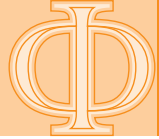
Окончание табл.

1	2	3
	4.2. Способ совершения действия	Организация вредящего жизни и здоровью взрыва или поджога, а также устройство аварий на объектах жизнеобеспечения, разрушение транспортных коммуникаций, заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений

Далее представлен пример анализа потенциально конфликтного информационного материала, основанный на применении предлагаемой модели (рис.).

Рис.

1. Отправителя и адресата можно охарактеризовать как сторонников идеи необходимости защиты прав и борьбы за права пролетариата. Классовый (в марксистском понимании этого слова) характер субъектного состава коммуникации диагностируется за счет использования вербального образа «Первомай» как классового праздника, а также образов объекта агрессии.

2. Идеологическое ориентирование адресата происходит с помощью узнаваемого символа (начертание буквы «А» внутри буквы «О»), подразумевающего связь преподносимой информации с идеологией анархизма⁷. В информационном материале отражены представления о борьбе пролетариата за свои права, социальной справедливости применения неправомерного аутгруппового насилия пролетариями. Объект насильственных действий выделяется по классовому признаку («буржуй»⁸ (буржуазия) – это класс угнетателей пролетариата при капитализме, «мент» – профессия, призванная защищать существующую систему капиталистических отношений, «оппортунист»⁹ и «стукач» – это люди, сотрудничающие с буржуазией. Отдельно отметим, что в анализируемом контексте слово «фашист», вероятно, также наполнено именно классовым содержанием, мотивированным определением фашизма, распространенным в СССР¹⁰. Таким образом, можно сказать, что в информационном материале, помимо идеологии анархизма, отражена марксистская идеология.

3. В информационном материале отражена попытка убеждения адресата в позитивной ценности предлагаемой модели действия. Убеждение основано на выведении обосновываемого оценочного утверждения из иных, ранее принятых оценок (*Первомай – праздник пролетариата, день-символ борьбы пролетариев за свои права (пролетариям бороться за свои права в этот день символично, а значит, хорошо). Физическое уничтожение врагов пролетариата – это способ борьбы пролетариата за свои права. Следовательно, физическое уничтожение пролетариатом своих классовых врагов в Первомай символично, а значит, хорошо*).

⁷ Символ отсылает к видоизмененной цитате видного теоретика анархизма П.Ж. Прудона «Анархия [фр. “Anarchie”] – мать порядка [фр. “Ordre”]» [Рябов, 2010].

⁸ Буржуазия – «господствующий класс капиталистического общества, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость эксплуатацией наемного труда» [Словарь русского языка, 1999].

⁹ Оппортунизм – «враждебное марксизму-ленинизму течение в рабочем движении, подчиняющее классовые интересы пролетариата интересам буржуазии, проповедующее соглашательство, сотрудничество с буржуазией, отказ от революционных средств борьбы» [Словарь русского языка, 1999].

¹⁰ «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм пытается обеспечить за монополистическим капиталом массовый базис среди мелкой буржуазии, апеллируя к выбитому из колеи крестьянству, ремесленникам, служащим, чиновникам, и в частности к деклассированным элементам крупных городов, стремясь проникнуть также в рабочий класс» [Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий, 1934, с. 589].

4. В информационном материале содержится указание на коллективного действующего субъекта (лица, придерживающиеся идеологии анархизма). Соотнесенность с какой-либо конкретной организацией не установлена. Описанный способ взаимодействия с враждебной группой связан с совершением неуточненных поступков, направленных на физическое уничтожение объекта действия – образ способа совершения насильственных действий, выраженный невербальной семиотикой (визуальные образы гвоздей и гильотины¹¹), подразумевает физическое уничтожение объекта действия; образ способа совершения действия, выраженный вербально (*восстание*), связан с «вооруженным выступлением каких-либо социальных групп или классов против существующей политической власти» [Ефремова, 2006] и не противоречит образу способа совершения действия, выраженному невербально.

Библиографический список

1. Али-заде А.А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. 400 с.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика: сб. / пер. с древнегр. Н. Платоновой, В. Аппельрота. М.: АСТ, 2021. 352 с.
3. Баранов А.Н., Паршин П.Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. № 2. С. 53–65.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 372 с.
5. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
6. Баребина Н.С. Введение в теорию аргументации для специальностей «Лингвистика», «Перевод и переводоведение»: учеб. пособие / под науч. ред. Г.М. Костюшкиной. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. 138 с.
7. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. 216 с.
8. Белоусов А. «Пропаганда» Жака Эллюля // Свободная мысль. 2010. № 4 (1611). С. 167–182.
9. Бернейс Э. Пропаганда. СПб.: Питер, 2022. 224 с.
10. Большая советская энциклопедия (БСЭ): в 30 т. 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm>
11. Бредихин А.Л., Удальцов А.А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 10–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-sredstvo-osuschestvleniya-ideologicheskoy-funktsii-gosudarstva> (дата обращения: 02.09.2024).
12. Буглиози В. Helter Skelter: Правда о Чарли Мэнсоне / пер. с англ. А.Б. Ковжун. М.: РИПОЛ классик, 2023. 640 с.
13. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981. 278 с.

14. Дашкова С.В., Карчагин Е.В. Идея справедливости в терроризме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2 ч. Ч. I. С. 70–74.
15. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (Интерпретирующий подход к аргументации) // Известия Академии наук СССР. Сер.: Литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 327–337.
16. Еемерен Ф.Х. ван, Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации: прагматодialeктический подход / пер. с англ. И.В. Берестова, О.А. Доманова, Д.В. Ильиной, И.Е. Кима; под общ. ред. О.А. Доманова. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021. 264 с.
17. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
18. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. 228 с.
19. Ивин А.А. Основы теории аргументации: учебник. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.
20. Ивин А.А. Теория и практика аргументации: учебник для бакалавров. А.А. Ивин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 300 с.
21. Касьянова Ю.И. Структурно-семантический анализ аргументации в монологическом тексте: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008. 158 с.
22. Концептуальная систематика аргументации: кол. монография / А.В. Колмогорова, Н.С. Баребина, С.Ю. Дашкова и др. Иркутск: Иркут. гос. лингв. ун-т, 2013. 406 с.
23. Косарев А.В. О риторической теории аргументации Х. Перельмана // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 174–188.
24. Кочои С.М. Законодательство о противодействии терроризму: учебное пособие. М.: Проспект, 2023. 168 с.
25. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: РФЦСЭ, 2011. 326 с.
26. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне / пер. с англ. Г.Д. Лассуэлл; РАН ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исследований, Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко; вступ. ст. Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. М., 2021. 237 с.
27. Лебедева А.К. К вопросу о производстве судебной лингвистической экспертизы по делам о пропаганде наркотических и психотропных веществ // Союз криминалистов и криминологов. 2024. № 1. С. 117–123.
28. Мисюк А.В. Моделирование аргументации: подход Стивена Тулмина // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 145–151. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/17d/%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%8E%D0%BA.pdf>
29. Мисюк А.В. Современные интерпретации модели Тулмина // РАЦИО.ru. 2010. № 3. С. 62–68. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/318/%D0%9C%D0>

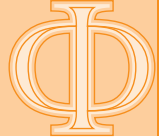
%B8%D1%81%D1%8E%D0%BA%20%D0%90.%D0%92.%20%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf

30. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001.
31. Новиков В.В., Герасимов К.Д. Технологии пропаганды: учеб.-метод. пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 148 с.
32. Новоселова А.Н., Зайцева А.А. Соотношение понятий «пропаганда» и «призыв» в контексте судебно-лингвистической экспертизы // Законность и правопорядок. 2023. № 2 (38). С. 48–51.
33. Осадчий М.А. Русский язык на грани права: функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 256 с.
34. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1987. С. 207–264.
35. Рубакин Н.А. Тайна успешной пропаганды // Речевое воздействие: проблемы прикладной психолингвистики / ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1972. С. 130–135.
36. Рябов П.В. Отец Матери Порядка Пьер Жозеф Прудон // Прудон П.Ж. Французская демократия. М.: URSS, 2010. URL: http://az.lib.ru/p/prudon_p/text_2010_otetz_materi_poryadka_proudhon.shtml
37. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
38. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 10 июня 2023 года. М.: Эксмо, 2023. 320 с.
39. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 354 с.
40. Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий: тезисы, принятые XIII пленумом ИККИ по докладу т. Куусинена. 12 декабря 1933 г. Москва // XIII пленум ИККИ: стеногр. отчет. М., 1934. С. 589–595.
41. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики / под ред. А.А. Ивина. 2004. 1072 с.
42. Эллюль Ж.С.Э. Феномен пропаганды / пер. с фр. Г. Шариковой. СПб.: Алетейя, 2023. 410 с.

Сведения об авторах

Шибает Михаил Валерьевич – специалист, АНО СЭ «Контекст»;
e-mail: shibaev.m.v@mail.ru

Кипчатова Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; специалист, АНО СЭ «Контекст»;
e-mail: allakipchatova@mail.ru

DETECTION OF TERRORISM PROPAGANDA FEATURES IN THE FRAMEWORK OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

M.V. Shibaev (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Kipchatova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The situation that has developed in the modern linguo-expert practice can be characterized as a methodological pluralism, in which departmental methodological developments of various ministries and departments are side by side. For a state expert, the choice of the methodology used is authoritatively set, a non-state expert faces the problem of choosing such an analysis model that will be convenient to use, the results of which will be understandable to the target audience having mainly a legal education.

The purpose of the article is to propose a suitable model for analyzing verbal propaganda of terrorism in forensic expertise activities.

Materials and Methods. The primary research material comprises an archive of forensic linguistic expert reports prepared within judicial proceedings under Article 205.2 of the Russian Criminal Code and conducted by specialists at ANO SE Kontekst from 2021 to 2024. Methods employed include semantic analysis (e.g., lexicographical and component analysis), explication of semantic components through semantic decomposition and synonymous paraphrasing, communicative-pragmatic methods, contextual analysis, referential analysis, rhetorical analysis, and semiotic analysis.

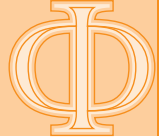
Research results. Based on the conducted research, the authors propose a linguistic analysis model for verbal propaganda of terrorism. This model identifies specific features such as the unique composition of communicative participants, the verbalization of an ideology of violence, the presence of a communicative goal to persuade the audience, the portrayal of an aggressive collective actor, and the depiction of violent methods of action.

Keywords: *propaganda, forensic linguistic expertise, terrorism, persuasion, ideology.*

References

1. Ali-zade A.A. Islamic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Ansar, 2007. 400 p.
2. Aristotel'. Rhetoric. Poetics [Collection] / Translated from Ancient Greek by N. Platonova, V. Appel'rot. Moscow: AST Publishing, 2021. 352 p.
3. Baranov A.N., Parshin P.B. The Category of Propaganda in Linguistic Text Expertise // Theory and Practice of Forensic Expertise. 2017. No. 2. P. 53–65.
4. Baranov A.N. Linguistic Theory of Argumentation (Cognitive Approach): Doctoral Dissertation in Philological Sciences. Moscow, 1990. 372 p.
5. Baranov A.N. Linguistic Text Expertise: Theory and Practice: Textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 592 p.
6. Barebina N.S. Introduction to the Theory of Argumentation for the Specialties "Linguistics," "Translation, and Translation Studies": Textbook; Edited by G.M. Kostyushkina. Irkutsk: BSU Publishing House, 2018. 138 p.

7. Bezmenova N.A. *Essays on the Theory and History of Rhetoric*. Moscow: Nauka, 1991. 216 p.
8. Belousov A. Jacques Ellul's "Propaganda" // *Svobodnaya Mysl'*. 2010. No. 4 (1611). P. 167–182.
9. Berneis E. *Propaganda*. Saint Petersburg: Piter, 2022. 224 p.
10. *The Great Soviet Encyclopedia in 30 Volumes*. 3rd Edition. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969–1986. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm>
11. Bredikhin A.L., Udal'tsov A.A. Propaganda as a Means of Implementing the Ideological Function of the State // *Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 3 (87). P. 10–14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-kak-sredstvo-osuschestvleniya-ideologicheskoy-funktsii-gosudarstva> (access date: 02.09.2024).
12. Bugliozi V. *Helter Skelter: The True Story of the Manson Murders* [Translated from English by A.B. Kovzhun]. Moscow: RIPOL Classic, 2023. 640 p.
13. Voitasik L. *The Psychology of Political Propaganda*. Moscow: Progress, 1981. 278 p.
14. Dashkova S.V., Karchagin E.V. The Idea of Justice in Terrorism // *Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. Tambov: Gramota, 2013. No. 8 (34): In 2 parts. Part I. P. 70–74.
15. Dem'yankov V.Z. Conventions, Rules, and Strategies of Communication (An Interpretive Approach to Argumentation) // *Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language*. 1982. Vol. 41, No. 4. P. 327–337.
16. Eemeren F.H. van, Grootendorst R. *Systematic Theory of Argumentation: A Pragma-Dialectical Approach* / Translated from English by I.V. Berestov, O.A. Domanov, D.V. Ilyina, I.E. Kim; Edited by O.A. Domanov. Moscow: Kanon+ ROOI "Rehabilitation," 2021. 264 p.
17. Efremova T.F. *Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 3 Vol.* Moscow: AST, Astrel, Harvest, 2006.
18. Ivin A.A. *Foundations of the Logic of Evaluations*. Moscow: Moscow University Press, 1970. 228 p.
19. Ivin A.A. *Fundamentals of the Theory of Argumentation: Textbook*. Moscow: Humanities Publishing Center VLADOS, 1997. 352 p.
20. Ivin A.A. *Theory and Practice of Argumentation: Textbook for Bachelors*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Yurayt Publishing, 2022. 300 p.
21. Kasyanova Yu.I. *Structural-Semantic Analysis of Argumentation in Monologic Texts: Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Izhevsk, 2008. 158 p.
22. *Conceptual Systematics of Argumentation: Collective Monograph* / A.V. Kolmogorova, N.S. Barebina, S.Yu. Dashkova [et al.]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 2013. 406 p.

23. Kosarev A.V. On Chaim Perelman's Rhetorical Theory of Argumentation // Siberian Philosophical Journal. 2019. Vol. 17, No. 2. P. 174–188.
24. Kochoi S.M. Legislation on Counteracting Terrorism: Textbook. Moscow: Prospekt, 2023. 168 p.
25. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological-Linguistic Expertise in Cases Related to Counteracting Extremism. Moscow: RFCCE, 2011. 326 p.
26. Lassuell G.D. Propaganda Technique in the World War / Translated from English by V.G. Nikolaev; Russian Academy of Sciences, INION, Center for Social Science Research, Department of Political Science, Department of Sociology and Social Psychology; Edited by D.V. Efremenko; Introduction by D.V. Efremenko, I.K. Bogomolova. Moscow, 2021. 237 p.
27. Lebedeva A.K. On the Issue of Conducting Forensic Linguistic Expertise in Cases of Propaganda of Narcotic and Psychotropic Substances // Union of Criminologists and Criminologists. 2024. No. 1. P. 117–123.
28. Misyuk A.V. Modeling Argumentation: Stephen Toulmin's Approach // RATIO.ru. 2009. No. 2. P. 145–151. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/17d/%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%8E%D0%BA.pdf>
29. Misyuk A.V. Modern Interpretations of Toulmin's Model // RATIO.ru. 2010. No. 3. P. 62–68. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/318/%D0%9C%D0%B8%D1%81%D1%8E%D0%BA%20%D0%90.%D0%92.%20%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D0%BD%D1-%82%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf>
30. New Philosophical Encyclopedia: In 4 Vol. / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Social Science Foundation; Chairman of the Editorial Board V.S. Stepin. Moscow: Mysl', 2000–2001.
31. Novikov V.V., Gerasimov K.D. Propaganda Technologies: Study Guide. 2nd ed., stereotyped. Moscow: FLINTA: Publishing House of Ural State University, 2018. 148 p.
32. Novoselova A.N., Zaitseva A.A. Correlation of the Concepts “Propaganda” and “Appeal” in the Context of Forensic Linguistic Expertise // Law and Order. 2023. No. 2 (38). P. 48–51.
33. Osadchiy M.A. The Russian Language on the Verge of Law: Functioning of the Modern Russian Language under Legal Regulation of Speech. Moscow: Knizhnyy Dom “Librokom,” 2013. 256 p.
34. Perelman Kh., Olbrekht-Tyteka L. From the Book “New Rhetoric: A Treatise on Argumentation” // Language and Modeling of Social Interaction. Moscow: Progress, 1987. P. 207–264.
35. Rubakin N.A. The Secret of Successful Propaganda // Speech Influence: Problems of Applied Psycholinguistics / Edited by A.A. Leont'ev. Moscow: Nauka, 1972. P. 130–135.

36. Ryabov P.V. The Father of the Mother of Order Pierre-Joseph Proudhon // Proudhon P.J. French Democracy. Moscow: URSS, 2010. URL: http://az.lib.ru/p/prudhon_p/text_2010_otetz_materi_poryadka_proudhon.shtml
37. Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol. / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Studies; Edited by A.P. Evgen'eva. 4th ed., stereotyped. Moscow: Russkiy Yazyk; Polygraph Resources, 1999.
38. Criminal Code of the Russian Federation: Text with Amendments and Additions as of June 10, 2023. Moscow: Eksmo, 2023. 320 p.
39. Fanyan N.Yu. Argumentation as a Linguo-Pragmatic Structure: Doctoral Dissertation in Philological Sciences. Krasnodar, 2000. 354 p.
40. Fascism, the Danger of War, and the Tasks of Communist Parties. Theses Adopted by the XIII Plenum of the Comintern on the Report of Comrade Kuusinen. December 12, 1933, Moscow // XIII Plenum of the Comintern: Stenographic Report. Moscow, 1934. P. 589–595.
41. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki. Edited by A.A. Ivin. 2004. 1072 p.
42. Ellul Zh.S.E. The Phenomenon of Propaganda / Translated from French by G. Sharikova. Saint Petersburg: Aleteyya, 2023. 410 p.

About the authors

Shibaev, Mikhail V. – Specialist, ANO SE Kontekst (Krasnoyarsk, Russia);
e-mail: shibaev.m.v@mail.ru

Kipchatova, Alla V. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Specialist, ANO SE Kontekst (Krasnoyarsk, Russia);
e-mail: allakipchatova@mail.ru

УДК 82-141

«SILENTIUM» ЭЛЛЫ КРЫЛОВОЙ: (НЕ)БУДДИЙСКОЕ МОЛЧАНИЕ

Л.В. Дубаков (Шэньчжэнь, Китай)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье проводится сравнительный анализ одноименных, но существенно различающихся стихотворений Ф.И. Тютчева, О.Э. Манделштама и Э.Н. Крыловой.

Цель статьи – анализ специфики восприятия в поэзии Эллы Крыловой буддийской гносеологической и онтологической концепции, а также анализ межтекстового диалога ее стихотворения «Silentium» с имеющими схожие названия произведениями Ф.И. Тютчева и О.Э. Манделштама.

Методология (материалы и методы). В статье, написанной в рамках большого исследования, посвященного «буддийскому тексту» современной русской литературы, используются методы герменевтического, интертекстуального и сравнительного анализа.

Обзор научной литературы по проблеме. Возможность анализа стихотворения Э.Н. Крыловой в избранном ракурсе подготовлена работами В.Н. Топорова, Р.Ф. Бекметова, Т.В. Бернюкевич, П.В. Алексеева.

Результаты исследования. Выявляется, что, хотя каждое из анализируемых произведений имеет название «Silentium» и хотя между ними обнаруживаются определенные межтекстовые связи, на уровне проблематики они различны.

Вывод. «Silentium» Э.Н. Крыловой, претендуя на новое, опирающееся на буддийский взгляд высказывание об источнике, характере, процессе и пределе литературного творчества, тем не менее этому взгляду не следует: в отличие от буддизма, говорящего об иллюзорности реальности и о возможности лишь интуитивного ее познания, поэт утверждает превосходство реальности живых существ над их словесным отображением.

Ключевые слова: буддизм, буддийский текст, Элла Крылова, «Silentium», межтекстовые связи.

Постановка проблемы. Русская литература осмысляет буддизм, осваивает различные буддийские мотивы начиная с XIX в. Здесь прежде всего можно назвать имена Л.Н. Толстого и Н.С. Лескова. При этом акматические точки интереса отечественной словесности к буддизму приходятся на Серебряный век (это отдельные произведения К.Д. Бальмонта, В. Хлебникова, И.А. Бунина [Бернюкевич, 2018]) и на конец 1980-х и 1990-е гг. прошлого века. В современной и новейшей литературе, как и в литературе прошлого, буддизм представлен активно и многообразно. Буддизм – значимая часть художественных миров В.О. Пелевина, Л.А. Юзефовича, А.Л. Иванченко и др. В целом можно говорить о существовании «буддийского текста» русской литературы.

Понятие «буддийский текст» естественным образом «вырастает» из открытий В.Н. Топорова, который ввел в научный оборот понятие «петербургский

текста русской литературы [Топоров, 1995]. Структурно-семиотический подход, использованный Топоровым, позднее был применен также к религиозной сфере. Например, П.В. Алексеев проанализировал мусульманский текст русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х гг. [Алексеев¹, 2006], Р.Ф. Бекметов – буддийский текст как часть ориентального дискурса в истории русской литературы [Бекметов, 2018]. Буддийский текст новейшей литературы, в частности, пишется прозой и стихами. В поэзии буддийские мотивы можно обнаружить, например, в творчестве Э.В. Лимонова, Е.А. Шварц, А.А. Макушинского.

Отдельного рассмотрения в аспекте буддийского текста литературы последних десятилетий заслуживают также стихотворения поэтессы Э.Н. Крыловой. Ее восходящее к петербургской поэтической традиции многообразное и объемное стихотворное и прозаическое творчество, по выражению А. Карпенко, может быть охарактеризовано как срединный путь [Карпенко, 2012] между противоположными явлениями бытия, например, между земной и небесной жизнью, религией, преобразующей мир, и религией, мир отвергающей, аскезой и вольностью, между оптимизмом и пессимизмом в отношении к происходящему и т.д. Э.Н. Крылова – поэт широкого культурного охвата, в который свободно вмещаются религиозная философия и подробности быта, сострадание к дальним и раздражение по поводу родных. Одна из главных интенций ее творчества последних лет – приурочивание к смерти и надежда на любовную встречу с ушедшими близкими.

В представленной статье осуществляется анализ специфики восприятия в поэзии Эллы Крыловой буддийской гносеологической и онтологической концепции, также производится анализ межтекстового диалога ее стихотворения «Silentium» с одноименными произведениями Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама. В статье используются методы герменевтического, интертекстуального и сравнительного анализа.

Цель статьи – анализ специфики восприятия в поэзии Эллы Крыловой буддийской гносеологической и онтологической концепции, а также анализ межтекстового диалога ее стихотворения «Silentium» с имеющими схожие названия произведениями Ф.И. Тютчева и О.Э. Мандельштама.

Методология (материалы и методы). В статье, написанной в рамках большого исследования, посвященного буддийскому тексту современной русской литературы, используются методы герменевтического, интертекстуального и сравнительного анализа.

Обзор литературы по теме. Буддизм для Э. Крыловой – важная часть ее поэзии, но, кроме того, он стал и частью ее мировоззрения. Литературовед Э. Никадем-Малиновская написала об этом так: учение Будды оказалось «близко ее жизненной философии» [Никадем-Малиновская], а поэт и критик А. Балтин – что «дзен-буддизм увлек Эллу Гремяку еще в юности и со временем вошел

¹ Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х годов: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Томск, 2006. 23 с.

в ее плоть и кровь, стал стилем жизни, способом мировосприятия» [Балтин]. При этом говорить о том, что Э.Н. Крылова – буддистка, вряд ли все же однозначно возможно. В ее поэзии проявляется скорее синкретическое и суперэкуменическое мировоззрение. В ее стихотворениях можно увидеть наличие, совмещение, смешение концепций, отдельных идей, мотивов буддизма и христианства. Крыловский буддизм представляет собой вольное осмысление этой религии, принимающее его догматику частично. Часто она видит буддизм сквозь христианскую оптику: так, в Будде она настойчиво обнаруживает черты Христа (равно как и наоборот), буддийское учение пытается скорректировать на основе христианских представлений (и опять же – наоборот). В целом в своем поэтическом творчестве она стремится сблизить две великих религии, подчеркивая сходство их этических позиций и выявляя их мистическое совпадение.

Одна из буддийских концепций, что часто оказывается в фокусе крыловского внимания и что при этом является понятой ею по-своему, – концепция циклического существования. Эту концепцию она воспринимает как буддийскую, но с поправкой на свое синкретическое и суперэкуменическое мировоззрение. Так, при наличии несомненных буддийских маркеров буддийский контекст стихотворений, циклическое существование у Крыловой – не столько обновляющийся в бесконечном кружении поток дхармочастиц сознания, сколько «перерождение» души, которая стремится к раю, будучи очарованной земной жизнью, но и готовой с нею расставаться. Циклическое существование у Крыловой также является метафорой, что раскрывает особенности характера ее лирической героини, закономерности ее судьбы, «повороты» ее жизни в различных временах и культурах.

Результаты исследования. Цикл стихотворений «Стихи о Японии» (2020) сконцентрирован на другой буддийской концепции – концепции спасения. В этом цикле лирическая героиня пребывает в воображаемом путешествии по Стране восходящего солнца, которая оказывается больше самой себя в том смысле, что оборачивается запредельным пространством. Япония у Крыловой представлена в образе красивого, поэтичного и поэтического сада («Там вишен подвенечные наряды – // лекарство от тоски по чистоте» [Крылова, 2020]); в образе священных пространств, просветляющих мир вокруг себя («...в иероглифах багряных кленов / записана душе благая весть – // парадоксальный дзэн!», «...колокол на пагоде в Киото / незыблемым прощением звенит» [Крылова, 2020]); в образе кладбища, выводящего на мысль о скоротечности земного бытия и о благодати буддийского посмертия («...верю я: в раю Амиды / мы встретимся, а может быть, в раю / Христа» [Крылова, 2020]). Лирическая героиня Крыловой путешествует по Японии, которая оказывается вариантом Западного рая будды Амиды. Она созерцает земной мир и небесных сущностей и устремляется в Чистую землю Сукхавати, также одновременно пребывает в Подмосковье и в Японии, проецируя свое сознание на образы буддийских монахов и монахинь, деревьев, что растут рядом с храмами, насекомых, которые летят навстречу небу.

Наконец, Э.Н. Крылова в своих стихотворениях размышляет о специфике буддийской гносеологии и онтологии. В русской литературе существует несколько стихотворений с названием «Silentium». Наиболее заметные из них – это «Silentium!» Ф.И. Тютчева (1830) и «Silentium» О.Э. Мандельштама (1910, 1935). При этом, как верно заметила Д.И. Черашняя, говоря о классических тютчевском и мандельштамовском текстах, «по существу в двух стихотворениях с почти одинаковым названием говорится о разных предметах. Тютчев решает проблему философскую (соотношение мысли и слова), трагически ощущая невозможность для себя лично выразить в слове мысль о своем душевном мире и быть понятым Другим. Мандельштам же говорит о природе лирики, об изначальной связи музыки и слова, отсюда – иная проблематика в его отношении к своему слову и к другому человеку» [Черашняя, 2009].

В 2012 г. Э.Н. Крылова опубликовала стихотворение с тем же названием, и так или иначе оно вступает в диалог с тютчевским и отчасти с мандельштамовским текстами. Е.И. Зейферт так обозначает подтемы «Silentium!» Тютчева: согласно поэту, человек обладает огромной внутренней вселенной со своим ландшафтом; внутренняя и внешняя вселенные исходят из Бога, также сокрытого в человеке; лирический герой стихотворения живет романтическим двоемирием, романтическим культом природы, романтическим одиночеством; его волнует «возможность/невозможность выражения “невыразимого”» и проблема коммуникации с Другим [Зейферт, 2022, с. 52]. Магистральная же тема «Silentium» Мандельштама – это «творчество, и в крупном фокусе – одна из точек диалектического процесса рождения высокохудожественного произведения» [Зейферт, 2022, с. 53].

«Silentium» Э. Крыловой – металирическое по сути стихотворение. Как Тютчев, что «приводит читателя к зоне тишины – единственно возможным корням творчества» [Зейферт, 2022, с. 54], и Мандельштам, что «одновременно пишет о рождении лирического стихотворения и лирики вообще, создавая свое произведение как сферу в сфере, показывая одну историю рождения, совпадающую с другой» [Зейферт, 2022, с. 53], она размышляет об источнике, характере, процессе и пределе словесного, литературного творчества.

Э.Н. Крылова противопоставляет искусство человека искусству Творца: человек бессилён создать по-настоящему живое и новое, потому что сам он не оригинален, так как является только подобьем Творца и вращается в реальности, облеченной в привычные концепты: человек воспринимает и «создает» не живые и новые «леса и горы, птиц, зверей» [Крылова, 2012], но лишь их устоявшиеся словесные проекции, – и проявленный в древних стихотворных размерах ритм также не может оживить эти слова и эту реальность, поскольку он устарел.

Крыловское стихотворение отсылает к чань-буддийской притче о том, как Будда Шакьямуни произнес перед Своими учениками проповедь, не используя слов и лишь держа перед ними цветок. Эта проповедь – буддийский урок о внеконцептуальной природе истинной реальности и о внеконцептуальном способе передачи знания: «...и вместо проповеди долгой / с улыбкой показал цветок»

[Крылова, 2012]. При этом нужно отметить, что хотя Будда показал ученикам цветок, Он мог показать им и любой иной предмет, равно как и ни показать никакого: представляется, что для буддизма здесь важен не конкретный феномен (ибо любой из них иллюзорен в том смысле, что лишен своебытийности), но значим сделанный Буддой акцент на особой иллюзорности концептуальной реальности.

Как и для Ф.И. Тютчева, для Э.Н. Крыловой «мысль изреченная есть ложь», но эта ложь существует для нее на фоне правды – истины божественного творчества (или неупомянутого в стихотворении Слова), которое воплощено не в человеческих словах, а в растениях и живых существах – в их плоти и их духе: «Взамен романов, од – ромашки / цветут на письменном столе», «дух в каждом расцветет в свой срок» [Крылова, 2012]. Интересно, однако, что в первой строке стихотворения с точки зрения буддизма на самом деле не только не происходит сущностной замены: роман и ромашка суть одинаковые феномены, равно не существующие объективно, – но и формально ничего не меняется: их названия восходят к одному корню – Риму. Таким образом, молчание Будды и молчание крыловского «Silentium» имеют не совпадающий полностью смысл.

Е.И. Зейферт пишет, что «процесс создания художественного произведения неизменно переживает три стадии: молчание (дословесная фаза) – говорение (словесная фаза) – молчание (послеловесная фаза). На первой стадии молчит, настаивается «дословесное», на второй – словами вычерпывается рожденное на дословесной фазе произведение, на третьей – красноречиво молчит «послеловесное», не сказанное автором и воображаемое читателем» [Зейферт, 2022, с. 53]. Как и О.Э. Мандельштам, Э.Н. Крылова задумывается о молчании поэта, но, в отличие от мандельштамовского текста, указывающего на необходимость своевременного, созревшего перехода от дословесной стадии к двум последующим, она предлагает осуществить «скачок» сразу к третьей стадии, где смысл внутренне сотворенного, порожденного обретается вне слов, посредством «интуитивного прозрения» [Зейферт, 2017, с. 8].

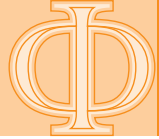
Выводы. Э.Н. Крылова, называя стихотворение «Silentium» и используя четырехстопный ямб, вступает в диалог с двумя классическими текстами – тютчевским и мандельштамовским. Ее произведение одновременно тематически отсылает к обоим, отличающимся друг от друга стихотворениям, и не совпадает с ними. В металирическом произведении, обращенном к себе и к собратьям-поэтам, Э.Н. Крылова по-своему разрабатывает тему молчания. Модус ее обращения – не императивный призыв, но сомнение в возможности подлинного, живого словесного творчества как такового. Это не тютчевское мучение из-за стремления выразить и сообщить Другому невыразимое и из-за невозможности этого, а сомнение в жизненной энергии самих земных слов безотносительно возможной коммуникации с Другим: истинное творчество, по ее мнению, доступно единственно только Творцу, Богу, и оно происходит за пределами слов. Это также не мандельштамовский стыд за несовершенство собственных творений и желание замедлить, усовершенствовать переход от дословесного к словесному,

а отказ от словесного творчества: любое такое творчество несовершенно, потому искусство может реализовываться лишь во внесловесной сфере и сообщаться Другому только интуитивно.

Заключение. Э.Н. Крылова упоминает в финале своего «Silentium» Будду Шакьямуни и намекает на Его Цветочную проповедь, но оказывается удалена и от буддийского взгляда. Не говоря о том, что в буддизме отрицается существование Бога-творца [Нагарджуна, 2018], представленное в стихотворении истолкование Проповеди о цветке также не кажется верным. Молчание Будды связано с утверждением возможности говорить «от сердца к сердцу» (заметим, там, где романтик Ф.И. Тютчев задал вопрос, Будда прежде дал на него ответ) и с мыслью об искажении истинной природы реальности концептами и омраченным, не принимающим таковость восприятием, а не с тем, что реальность живого существа однозначно реальна и сущностно превосходит его словесное отображение.

Библиографический список

1. Балтин А. Лучение стихов Эллы Гремяки // 45-я параллель: сайт. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/index.html#creation (дата обращения: 20.10.2024).
2. Бекметов Р.Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с.
3. Бернюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе конца XIX – начала XX века: идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018. 168 с.
4. Зейферт Е.И. Два молчания: «Silentium!» Тютчева и «Silentium» Мандельштама // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 51–55.
5. Зейферт Е.И. Объемность (многомерность) произведения. Есть ли у произведения начало и финал? // Вестник РГГУ. 2017. № 2. С. 7–18. EDN: ZAOXWP
6. Карпенко А. Срединный путь Эллы Крыловой // Зинзивер. 2012. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/8/sredinnyj-put-elly-krylovoj.html> (дата обращения: 23.11.2024).
7. Крылова Э.Н. Дорога // Зинзивер: литературно-художественный журнал. 2012. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/7/doroga-3.html> (дата обращения: 03.11.2024).
8. Крылова Э.Н. Стихи о Японии // 45-я параллель: сайт. 2020. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/stikhi_o_yaponii/?ysclid=mlrhaw9xx662337639 (дата обращения: 23.11.2024).
9. Нагарджуна. Опровержение идеи Бога-творца и творения Вишну (Ишваракартритва-нираkritир-вишнор-эка-картритва-ниракарана) / пер. В.П. Андросова // Андросов В.П. Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды: в 2 т. / Российская академия наук, Институт востоковедения. М.: Наука – Восточная литература, 2018. Т. 1. С. 289–299.

10. Никадем-Малиновская Э. Духовность в поэзии Эллы Крыловой как эффект амальгамирования ментальных пространств лирического субъекта (на примере сборника стихов «Мерцающий остров») // Laidinen.ru: сайт. URL: <https://laidinen.ru/statja-jevy-nikadem-malinovskoj-o-tvorchestve-jelly-krylovoj/?ysclid=m1rgfmz3n4930283149> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
12. Черашняя Д.И. Осип Мандельштам «Silentium»: возврат или становление? // Филолог: интернет-журнал. 2009. № 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_8_8 (дата обращения: 03.11.2024).

Сведения об авторе

Дубаков Леонид Викторович – кандидат филологических наук, доцент Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне; ORCID ID: 0000-0003-1172-7435; e-mail: dubakov_leonid@mail.ru

SILENTIUM BY ELLA KRYLOVA: (NON)BUDDHIST SILENCE

L.V. Dubakov (Shenzhen, China)

Abstract

Statement of the problem. The article provides a comparative analysis of the eponymous, but essentially different poems by F. Tyutchev, O. Mandelstam, and E. Krylova.

The purpose of the article is to analyze the specifics of the perception of Buddhist epistemological and ontological concepts in Ella Krylova's poetry, as well as the analysis of the intertextual dialogue of her poem *Silentium* with works of similar titles by Tyutchev and Mandelstam.

Methodology (materials and methods). The article, written as part of a large study on the 'Buddhist text' of modern Russian literature, uses methods of hermeneutical, intertextual, and comparative analysis.

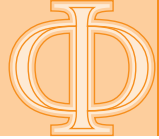
Review of the scientific literature on the problem. The possibility of analyzing Krylova's poem in a selected perspective is ensured by the works of V. Toporov, R. Bekmetov, T. Bernyukevich, and P. Alekseev.

Research results. It is revealed that although each of the analyzed works has the title '*Silentium*' and although certain intertextual connections are found between them, they are different at the level of problematics. Krylova's *Silentium*, claiming to be a new statement based on the Buddhist view about the source, character, process and limit of literary creativity, nevertheless does not follow this view: unlike Buddhism, which speaks about the illusory nature of reality and the possibility of only intuitive cognition of it, the poet asserts the superiority of the reality of living beings over their verbal representation.

Keywords: *Buddhism, Buddhist text, Ella Krylova, Silentium, intertextual connections.*

References

1. Baltin A. Lucid poems of Ella Gremyaka. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/index.html#creation (access date: 20.10.2024).
2. Bekmetov R.F. Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue). Kazan, Shkola Publ., 2018. 328 p.
3. Berniukevich T.V. Buddhism in Russian literature of the late XIX – early XX century: ideas and reminiscences. St Petersburg, Nestor-Istoria Publ., 2018. 168 p.
4. Seifert E.I. Two silences: 'Silentium!' Tyutchev and Mandelstam's 'Silentium'. Vestnik of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2022, 2. P. 51–55.
5. Seifert E.I. Volumetricity (multidimensionality) of a work. Does a work have a beginning and a finale? Vestnik RGGU. 2017, 2. P. 7–18. EDN: ZAOXWP.
6. Karpenko A. The middle way of Ella Krylova. Zinziver, 2012, 8. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/8/sredinnyj-put-elly-krylovoj.html> (access date: 23.11.2024).
7. Krylova E.N. The Road. Zinziver. 2012, 7. URL: <https://magazines.gorky.media/zin/2012/7/doroga-3.html> (access date: 03.11.2024).

8. Krylova E. N. Poems about Japan. URL: https://45parallel.net/ella_krylova-gremyaka/stikhi_o_yaponii/?ysclid=m1rhaw9xx662337639 (access date: 23.11.2024).
9. Nagarjuna. Refutation of the idea of God-creator and creation of Vishnu (Ishvara-kartritva-nirakritir-vishnor-eka-kartritva-nirakarana). Tr. V.P. Androsov. In Androsov V. P. Founder of Mahayana Nagarjuna and his works: [in 2 vol.]; Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow, Nauka – Oriental Literature Publ., 2018. Vol. 1. P. 289–299.
10. Nikadem-Malinovskaya E. Spirituality in the poetry of Ella Krylova as an effect of amalgamation of mental spaces of the lyrical subject (on the example of the collection of poems ‘Shimmering Island’). URL: <https://laidinen.ru/statja-jevy-nikadem-malinovskoj-o-tvorchestve-jelly-krylovoj/?ysclid=m1rgfmz3n4930283149> (access date: 20.10.2024).
11. Toporov V.N. Petersburg and ‘Petersburg text of Russian literature’. In Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected. Moscow, Publishing Group ‘Progress’ – ‘Culture’, 1995. P. 259–367.
12. Cherashnyaya D.I. Osip Mandelstam ‘Silentium’: return or becoming? Philologist: Internet journal. 2009, 8. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dopub_8_8 (access date: 03.11.2024).

About the author

Dubakov, Leonid V. – PhD (Philology), Associate Professor, Russian Language Center, Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, China); ORCID ID: 0000-0003-1172-7435; e-mail: dubakov_leonid@mail.ru

УДК 821.161.1

АНАКРЕОНИКА А. КОБЕНКОВА¹

Т.Ю. Климова (Иркутск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Актуальность статьи диктуется, во-первых, необходимостью проследить линию традиции в восприятии античных этико-эстетических ценностей в сознании поэта рубежа XX–XXI вв. Во-вторых, кобенковская поэтика и сложная система репрезентации авторского «я» противоречат репутации анакреонтики как «легковесной» развлекательной поэзии. В-третьих, стихотворения А. Кобенкова рекомендованы для изучения в региональных программах по литературе, что делает его творчество востребованным для широкого круга читателей. Отсутствие литературоведческих исследований поэтического наследия А.И. Кобенкова определяет аспект новизны предлагаемой публикации.

Цель статьи – рассмотреть восприимчивость к анакреонтическому гедонизму и античной гармонии в целом лирического сознания А. Кобенкова, за которым закрепилась репутация «грустного» поэта, а также выявить особенности его поэтического языка.

Материалом статьи выбраны стихотворения сборника «Строка, уставшая от странствий...».

Методология исследования. Для анализа цикла предпочтительной оказалась методология системного анализа, предложенная И. Пригожиным и В.И. Тюпой, а в отдельных моментах акцентирован жанровый, мотивный и феноменологический подходы к исследованию художественного текста.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретические аспекты анакреонтики были рассмотрены в трудах по истории античной литературы Г.А. Гуковского, в словарных статьях Е.М. Пульхритудовой и И.В. Шталь.

Результаты исследования. Анализ цикла показал, что гедонизм и эстетизм у поэта оспорены ощущением хрупкости гармонии и краткости жизни. Анакреонтические мотивы обеспечивают поэту короткую передышку перед вступлением в завершающую экзистенциальную стадию жизни, меняющую темы мысли, эмоции. Лирическое сознание поэта в анакреонтике набирается сил для привычного существования в трагическом мире.

Ключевые слова: Анатолий Кобенков, «Записки натуралиста», анакреонтика, гармония, гедонизм, легкая поэзия, двухголосие.

Постановка проблемы. Анакреонтизм (анакреонтика) – понятие, осевшее в сознании мировой культуры со времен расцвета Древней Греции и носящее на себе отсвет эллинистического понимания гармонии, где эстетические впечатления и телесные наслаждения дополняли друг друга и служили выражением витального духа эпохи. Первоначальная аттестация Анакреонта

¹ Анатолий Кобенков – известный далеко за пределами Иркутска поэт и журналист, основатель альманахов «Зеленая лампа» и «Иркутское время», автор 12 поэтических сборников и сборника литературных эссе. С Приангарьем его судьба была связана 1973 по 2005 г. Гражданин мира, Кобенков в сибирском топосе сыграл роль декабриста-просветителя. 9 марта 2024 г. поэту А. Кобенкову исполнилось бы 76 лет.

как «классика любовной, эротической поэзии» [Гиленсон, 2001, с. 143] и даже «символа игрового, изящного веселого эротизма» (А. Ф. Лосев) [Цит. по: История греческой литературы, 1946, с. 143] вышла из узких рамок исключительно эротической и застольной тематики, поскольку позднее за анакреонтикой закрепилась репутация «легкой жизнерадостной лирики», которая после смерти поэта была унаследована европейской литературой Ренессанса и Просвещения и оказала заметное влияние на поэзию вагантов-голиардов, П. Ронсара, В. Шекспира, Р. Бернса, П. Беранже. Вместе с тем в 1970-е гг. популярность анакреонтики уже стала нуждаться в оправдании: И.В. Шталь подчеркивала, что «радостно-спокойное светлое мировосприятие» Анакреонта не имеет ничего общего с беспечной легкостью и нарочитой бездумностью литературы упадка» [Шталь, 1974, с. 15], а Б.А. Гиленсон настаивал на том, что Анакреонт не был просто легкомысленным поэтом [Гиленсон, 2001, с. 144], иначе он не смог бы оставить заметного следа в мировой поэзии. Это тем более очевидно, что в отечественной поэзии анакреонтические стихи писали такие серьезные представители искусства поэзии, как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, К.Н. Батюшков, В.В. Капнист и А.С. Пушкин.

Параллельно с анакреонтикой литературоведческие источники фиксируют также термин «легкая поэзия», соотнося его с французской поэтической традицией конца XVIII – начала XIX в. В русской лирике в ряду корифеев «легкой поэзии» названы И.Ф. Богданович с его «игровой и трогательной историей любви Амура и Психеи» в «Душеньке», К.Н. Батюшков и вновь А.С. Пушкин. В статье Е.М. Пульхритудовой в качестве заслуг легкой поэзии перед словесностью акцентирована ее роль в освобождении литературного языка от «архаизмов и напыщенного многословия» [Пульхритудова, 1987, с. 177]. Очевидно, в этих словарных определениях речь идет о той же анакреонтике, но с учетом коррекции отношения к феномену «легкости». В новом понимании анакреонтика и «легкая поэзия» утратили репутацию *bagatelle* и получили идеальное выражение в словосочетании «изящная словесность» с ее чуткостью к совершенному – форме, звучанию, образному строю. Набор мотивов, соответствующих гедонистической установке анакреонтической лирики, – «земные радости, вино, любовь, – реже политическое свободомыслие» [Анакреонтическая поэзия..., 1987, с. 23] – органичен для лирического сознания как такового, поскольку в мировосприятии приоритетны душа, зрачок и особый слух, а сама лирика есть «объяснение в поэтической любви» (Н. Глазков).

Цель статьи – выяснить, какие ценности анакреонтики актуальны для поэзии негалантного века и какое место они занимают в мироощущении и словаре поэта А. Кобенкова, где концепты печали, грусти встречаются чаще, чем восклицательный знак.

Материалом статьи явились стихотворения сборника «Строка, уставшая от странствий...», и в частности цикл «Записки натуралиста», в котором ориентация на античную традицию вербализована отсылкой к имени Анакреонта и поддерживается общей атмосферой цикла.

Методология исследования. Для анализа цикла предпочтительной оказалась методология системного анализа, предложенная И. Пригожиным и В.И. Тюпой, а в отдельных моментах акцентирован жанровый, мотивный и феноменологический подходы к исследованию художественного текста.

Обзор научной литературы по проблеме. Теоретические аспекты анакреонтики были рассмотрены в трудах по истории античной литературы Г.А. Гуковского [Гуковский, 2001], в словарных статьях Е.М. Пульхритудова [см. Пульхритудова, 1987, с. 177] и И.В. Шталь [Шталь, 1974, с. 15]. Метрический диапазон анакреонтики и античную просодию изучали К.Ю. Лаппо-Данилевский [Лаппо-Данилевский, 2019], М.Л. West [West, 1986]. «Запискам» как жанру посвящена статья монографии «Поэтика незавершенного» [Феномен незавершенного, 2019]. А по творчеству А. Кобенкова в «Сибирских огнях» опубликовано несколько историко-биографических статей, которые не имеют прямого отношения к заявленной проблематике.

Результаты исследования. По складу души А. Кобенков – поэт негромкий: тишина в его стихе ощущается как музыка и обязательное условие гармоничной жизни («Ни реки, ни птицы, ни волки...», «Лист легко и торжественно...», «Бабушка очки искала тихо...» и т.д.). Музей Кобенкова, как его мыслил автор, – *самый тихий на свете музей* («До чего же я жил бестолково...») [Кобенков, 2003, с. 56]². Поэт намеренно уходит от монументальных тем, идеологии и гражданского пафоса – всего того, что делает поэзию рупором эпохи, и уже этим близок Анакреонту, предпочитавшему любовные «доблести» воинским. Место А. Кобенкова в том русле отечественной традиции, где формировалась тихая, онтологическая, медитативная лирика. Поэт откровенно предпочитает Сократу думающему Орфея поющего. Разгульно-веселых вакхических или неоидиосийских эмоций поэту хватало в жизни: *и такое вытворял с собой / что писать об этом некрасиво* («Письмо, которое не будет отправлено») [с. 58], поэтому у него *вакхичен... орфеен и земляничен* любой человек «лучающийся», а не горящий («Из наставлений Варваре») [с. 410–411]. Безусловно, лирическому герою Кобенкова привычно выпить с дворником «Столичной», но не от тяги к буйному веселью, а от грусти («Стихи про осень и про дворника») или *за Пушкина, / за старый сад, за Анну Керн* («Тетрадь из Михайловского») [с. 32], а рюмка у поэта – не сосуд для обильных возлияний, а повод для метафорических сближений. Так появляются «пушистые рюмки волнушек» [с. 36] с розовой росой и «рюмка тишины» [с. 120].

Сборник «Строка, уставшая от странствий...» (2003) стал и поводом для выделения анакреонтических мотивов и объяснением причин их появления. В «Истории греческой литературы» под редакцией С.И. Соболевского сообщается, что Анакреонт как поэт странствующий не был привязан к какой-либо конкретной местности. Уставшая от странствий душа поэта Кобенкова запросила отдохновения. Как известно, *болящий дух врачует песнопенье...* (Е. Баратынский),

² Далее поэтические тексты из сборника А. Кобенкова «Строка, уставшая от странствий...» цитируются по этому изданию, в скобках указывается только страница.

и в связи с этим анакреонтика Кобенкова дает повод рассмотреть *Все, что надобно, – / под рукой, / рядышком, / при душе...* («Спасибо лесу...») [с. 187].

Структура цикла. Цикл «Записки натуралиста»³ состоит из предисловия и 8 стихотворений. Выбранный автором жанровый код «записок» не характерен для поэзии в целом и для творчества А. Кобенкова, не имеет жанровой памяти и скорее соответствует задачам мемуаристики. Фиксация индивидуального поэтического опыта в форме «записок» обеспечивает интимность переживаний в непубличном слове, «фрагментарность, персонализированность и процессуальность» [Савкина, 2013, с. 338].

Поэтическое слово, напротив, предназначено для публичного существования, тщательно отбирается и проверяется на совместимость с окружением. На этом контрасте и построены «Записки натуралиста».

Восемь озаглавленных мгновений жизни оживают в памяти по закону ассоциаций, а не логики, поэтому читать их можно в любой очередности. Заключающее цикл стихотворение под названием «Последняя страница» не содержит в себе ничего итогового ни по смыслу, ни по интонации. Речь прервалась не по причине исчерпанности темы, а из-за внезапной смерти ее носителя. Правда, сила поэтической инерции выносит поэта еще к одному крохотному циклу – «Капельки жизни. Записки незнакомца», который в сборнике «Строка, уставшая от странствий...» следует сразу после «Записок натуралиста».

Как представляется, выбор «записок» обусловлен импульсом к поиску новых способов репрезентации «я», не сумевшего с годами склониться к «суровой прозе»: *поздно / менять друзей, переходить на прозу / и превращать ладони в кулаки* («К музе с кузнечиком») [с. 175]. В данном случае речь идет о выборе маски, опосредующей авторское слово. В предисловии к циклу задача авторского самораскрытия доверена некоему Константину Ивановичу Земнухову, бухгалтеру на пенсии, соседу по дому, по балкону и, главное, по стихам. Прозаическая часть служит метадискурсом, поясняющим содержание цикла, но существует автономно от него.

Полный набор участников коммуникации: сосед-публикатор, имплицитный автор, который в завершающем стихотворении цикла становится эксплицитным, обретая имя поэта Кобенкова, – знаком по пушкинским «Повестям Белкина». Реконструирована и сама ситуация: Земнухов после смерти завещал стихи соседу Кобенкову.

Выбор профессии Земнухова столь же значим, как тематика и атмосфера цикла: для поэта бухгалтерия – занятие, полярное творчеству, – конкретное и непоэтическое, как для обывателей поэт – воплощение праздной жизни, поэтому бухгалтер и поэт изначально заявлены как оппоненты.

Записки, названные «странными, несовершенными», для публикатора представляют «не научный, а человеческий интерес» [с. 115] и обеспечивают циклу двухголосость. Несовпадение точек зрения Земнухова и Кобенкова намечается

³ Впервые цикл был опубликован в сборнике «Я однажды лежал на зеленой траве» (1981).

наконец, поэту Кобенкову, кому *и с музами невесело живется, / и с прочими, / и очень не поется...* [с. 126], жизненно необходима «рюмка тишины», персональная Аркадия с ее завсегдатаями – жуками, бабочками, кузнечиками, сверчками и цикадами... Пространство в цикле безлюдно, память позволяет впустить туда только избранных.

В первых двух стихотворениях цикла аранжируется музыкальная партитура райских куц – их аура, эфир. Так, песня жука создается в стихотворении 19-кратным дублированием фонемы [ж]. Это заставляет натуралиста размышлять о природе звука, который в его понимании рожден сопротивлением воздуха крыльям жука: «воздух возражает» их чужеродной тяжеловесности. Благодаря метафорической инверсии (у Кобенкова физические усилия совершает не жук, а эфир), воздух демонстрирует свою свободную волю.

Образ эфира во втором стихотворении по контрасту воссоздается беззвучным дрожанием крылышек репейницы – *воздушных, / напудренных, беспечных, непослушных / ветрам и расстояньям, и перу* [с. 116]. Невесомость крыльев репейницы служит метафорой поэзии и звучит в унисон с ее трактовкой в Античности: «Поэт – это существо легкое, крылатое и священное» (Платон. Ion 534b) [Цит. по: Лосев, 2000, с. 486].

Шифр метаморфозы – перо поэта, бывшее крылатым в пору, когда оно было еще птицей. Сама легкость репейницы – желаемая форма стиха. Рядом с бабочкой перо поэта ощущает свою неповоротливость. Бессильный исправить это, лирический субъект переходит с репейницей на «вы».

Хронотоп в стихотворении «Цикада» достраивает идиллические фрагменты цикла до целостной концепции мира. В посредники здесь призван общепризнанный эксперт *Paradiso* и *Inferno*, «стратег превращений и скрещиваний» [Мандельштам, 1987, с. 108] – Данте. На эмоционально-психологическом уровне один из полюсов мира воспроизводит картину Рая:

*А на холмах,
с кузнечиком играя,
овечка травкой набивала рот.
И Дант подумал:
«Это будет Раем», –
и обмакнул в чернильницу перо... [с. 121].*

Ад, соответственно, формируется вычитанием всего, что образует Рай: вместе с дневным светом уходят из кадра овечка, холмы, смолкает кузнечик. И только лукавая цикада продолжает воспевать тюрьму ночи, как только что воспевала день. Этого предательства и не выносит Данте. О. Мандельштам в «Разговоре о Данте» уподобил цикаду цитате: «Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает» [Мандельштам, 1987, с. 113]. Двойственная природа цикады подчеркнута и в словарях символов, где она означает циклическую

периодичность света и тьмы» [Купер, 1995, с. 365], а также является эмблемой чудовища Тифона. Муки и страдания Ада, таким образом, спрятаны в глубину культурного подтекста: здесь душа задыхается от тяжести фальшивой песни:

*Все, что осталось, – песенка цикады
о том, что лето, что тюрьма светла...*

И Дант подумал:

*«Это будет Адам», –
страницы Рая сбросив со стола... [с. 122].*

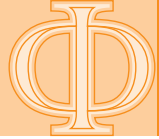
Свойственная анакреонтике легкость содержания, воздушность формы, живописность и музыкальность звучания сохраняются в остальных четырех стихотворениях цикла. Специфику им придает фиксация блуждающей идентичности лирической маски: профессия и душа Земнухова спорят друг с другом: задача соблюдения правил формальной роли ученого (я – энтомолог) сталкивается с задачей воспроизведения гармонии звука, образа и рифмы (я – поэт).

Б. Корман утверждал, что лирический сюжет представляет собой «последовательность однородных прямо-оценочных суждений субъекта» [Корман, 1992, с.185]. При наличии героя в лирике неизбежна ситуация ценностной множественности. Но Земнухова назвать полноценным субъектом ценностно-речевой деятельности нельзя, поскольку эта маска сидит неплотно. Как энтомолог он апеллирует к Карлу Линнею, Фабру, Марчелло Мальпиги и к Яну Сваммердаму. Эту составляющую личности передает имитация неумелого стиха: прозаизмы, попытка создания необязательного в лирике сюжета с диалогами, шероховатости рифмы, нарушение смысловой последовательности и сам факт рифмованного описания насекомых в стиле Н.А. Холодковского. С этой же ипостасью «я» в цикле связан мотив работы: *...оставил я занятъя / с древнейшими; давно мой микроскоп / ослеп от паутины; новый опыт / из-за тебя стал старым; Мои пинцеты ржавчина грызет...; увяли / мои сачки...; как ученый я погиб; Моя работа бешено стирала / все, что мешало сбору матерьяла; Моя работа сделала меня / счастливейшим...* [с. 118–119].

Но у Кобенкова между человеком мыслящим и человеком чувствующим нет пропасти. Так, статус натуралиста обусловил появление в энтомологическом цикле таинственной Маргариты. Ассоциативная механика прозрачна: ученый-исследователь – Фауст – Маргарита.

Как поэт Земнухов слагает свои песни бабочкам, цикадам, кузнечикам, беспокоится о создании условий для пенья сверчка, признается в любви Маргарите, но не вполне доверяет себе как поэту.

В стихотворении «Однажды ночью после работы» размежевание между двумя ипостасями «я» достигает апогея: *Пускай спешат поэты, / а ты не торопись* [с. 123]. К разрешению спора приглашен кузнечик, который является эмблемой поэзии у Кобенкова – его «музы с кузнечиком». Вызванный с нарушением

естественного течения времени кузнечик в цикле возвращает натуралиста в ипостась поэта поучительным монологом:

*Чем меньше нас, тем меньше тайн у вас,
А вы без тайны склонны к вымиранью.
Когда сладчайший таинства туман
тебя покинет,
все тебя покинут [с. 124].*

С помощью кузнечика происходит интуитивное озарение истиной: звезда, тьма, женщина – великие тайны, и вмешиваться в них пинцетами, микроскопами катастрофично для мира. Нестандартная метафора *Заусенцы лбов / моих коллег, разбросанных по свету* [с. 125] разоблачает сосредоточенность ученых на задачах расколдовать чудо знанием.

Это стихотворение цикла демонстрирует свойственный анакреонтике отказ от рифмы (у вас / туман) и лексические повторы (меньше / меньше; покинет / покинут), на что указывал Г.А. Гуковский [Гуковский, 2001, с. 118; 142; 147].

Этическая манифестация в этом стихотворении опережает эстетическую, но заканчивается сюжет декларацией любви – той самой, которую воспевают поэты: *я вспомнил про любовь, / зачем-то уподобившись поэтам...* [с. 125].

Следовательно, Земнухов находит себя в ипостаси поэта. И хотя в предисловии заявлено, что, вопреки желанию Константина Ивановича, поэт-публикатор в его записках ничего не правит, подлинная идентичность маски уточняется за пределами личности Земнухова. Во-первых, это проясняется в образном строе цикла. К примеру, кузнечики («Хочу, чтобы меня любила ты...»; «Деревня»; «Послание друзьям»; «В зеленом доме женщина жила...»; «Тонко-тонко пахнет подорожник...»), бабочки («Первые танцы в солдатском клубе») и сверчки («Жизнь моя городская...») давно получили прописку в поэтическом мире поэта Кобенкова (не Земнухова!).

Во-вторых, не оставляет сомнений и поэтика многоточий – безусловный экслибрис синтаксиса Кобенкова. Каждое стихотворение цикла, сборника (как, впрочем, и абсолютное большинство стихотворений в других сборниках) заканчивается этой интонационно-смысловой дорожкой. Многоточия разрежают стихотворения посередине и перетекают даже в названия его сборников: «Строка, уставшая от странствий...» (2003), «Однажды досказать...» (2008). Стихи с этим знаком воспринимаются как фрагмент размышлений, остановленное мгновение протекающей жизни или как подключение к давно начатому разговору. Строка набирает разбег, но лирический сюжет обрывается, и недосказанная мысль перетекает в многоточие. Здесь уместно говорить о складе сознания, которое обнаруживает онтологическую невозможность высказать заключительное, завершающее слово о мире, как и его принципиальную невысказываемость, невыразимость. Хлебников прибегал в этих ситуациях к зауми, символисты использовали символы. У Кобенкова эту роль выполняют многоточия.

Многоточие становится особой формой коммуникации [Поэтика незавершенного, 2019, с. 348]: знак сигнализирует об онтологической неукорененности души, выводит к ситуациям, не знающим типовых решений, к концепции жизни без закрепленных форм и затвердевших истин, активизирует воображение, оформляет элегическую модальность высказывания, направляет ассоциации, углубляет семантическую насыщенность текста:

*... мы много пережили,
мы ссорились, на пальцах ворожили...
Она любила, кажется, меня...
А та – что мне казалось – я любил,
Так и осталась просто Маргаритой –
прекрасной,
мне б хотелось – позабытой,
но не могу... [с. 120].*

В многоточиях приведенного выше отрывка, в частности, заключено воспоминание, предположение, а в последнем многоточии спрессована поэтическая запись переживания неизжитого чувства.

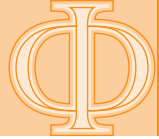
Многоточия в целом обогащают разнообразие отраженных в цикле вариантов художественного времени: дискретное время припоминания и импрессионистское остановленное (пойманное) мгновение обогащаются процессуальным временем: время длится в многоточиях за пределами текста. Словесная живопись с налетом романтизма на «идиллическом безлюдье» [Ревалд, 1959] обнаруживает неотделимость от медитации.

Еще одна особенность синтаксиса проявляется в строении завершающих стихотворения фраз, которые начинаются с союзов и, а, но: «И если б кто разжал плотнейший воздух...»; «И потому сверчок мой не поет...»; «И Дант подумал...».

В-четвертых, поэт вполне классической ориентации пренебрегает геометрией строфы. Его рваная строфика создает ту самую легкость восприятия, которая ценилась древними греками в поэзии.

Наконец, отметим также стяженные формы слов, например, «в здраве» – в составе цикла, «багул» – за его пределами.

Выводы. Таким образом, вопреки артикулированным установкам предисловия к циклу, Земнухов не вытесняет поэта Кобенкова. Квазидневниковость, непроявленная адресованность и имитация спонтанности содержат в себе установку обобщить частные впечатления до целостной картины бытия, что знакомо по другим стихам поэта. Анакреонтика Кобенкова – аорта в кровеносной системе любви к жизни. Образный строй в «Записках натуралиста» передает нежность к хрустальной гармонии мира, страх за возможность его исчезновения. Поэт передвигается на цыпочках, устраивается на краешке, говорит вполголоса, создавая свои символические притчи о тайнах мира в режиме легкого касания... Бесспорно, поэзия эта легкая, воздушная, но вовсе не беззаботная.

Телесная составляющая анакреонтики не акцентирована вовсе, и хотя чувственное не исчезает из поэзии, оно обретает приметы христианского целомудрия.

С психологической точки зрения весь цикл «Записки натуралиста» и другие вкрапления анакреонтики в стихотворениях сборника «Строка, уставшая от странствий...» обеспечивают поэту короткую передышку перед вступлением в завершающую экзистенциальную стадию жизни, меняющую темы мысли, эмоции... Поэт чувствует пределы, и шаги его опыта ощущаются как «шаги боли» («Переауки пса...») [Кобенков, 2008, с. 142]. Лирическое сознание набирается сил для привычного существования в трагическом мире.

Библиографический список

1. Анакреонтическая поэзия // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 23.
2. Гиленсон Б.А. История античной литературы: учеб. пособ. для студ. филол. фак-в пед. вузов: в 2 кн. М.: Флинта: Наука, 2001. Кн. 1: Древняя Греция. 416 с.
3. Гуковский Г.А. Об анакреонтической оде // Г.А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / общ. ред. и вступ. ст. В.М. Живова. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 117–156.
4. История греческой литературы / под ред. С.И. Соболевского и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. 1. 534 с.
5. Кобенков А.И. Строка, уставшая от странствий...: Стихи разных лет. Иркутск: Издатель Сапронов, 2003. 432 с.
6. Кобенков А.И. Однажды досказать...: Последние стихотворения. Иркутск: Издатель Сапронов; Владивосток: Рубеж, 2008. 448 с.
7. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 236 с.
8. Купер Дж. Цикада // Дж. Купер. Энциклопедия символов. М.: Золотой век, 1995. Кн. IV. 402 с.
9. Лаппо-Данилевский К. Ю. «Анакреонтические оды» и «анакреонтические стихи» в русской поэзии XVIII века // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 384–402.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. Т.2. 846 с.
11. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте // О.Э. Мандельштам. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. С. 108–152.
12. Поэтика незавершенного // Феномен незавершенного: монография / под общ. ред. Т.А. Снигиревой и А.В. Подчиненова. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 670 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elarf.uafu.ru/bitstream/10995/66587/1/978-5-7996-2470-5_2019.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

13. Пульхритудова Е.М. Легкая поэзия // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
14. Ревалд Дж. История импрессионизма. М.; Л: Искусство, 1959 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/rewald_istoriya_impressionisma_1959.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
15. Савкина И.Л. Записки как «деперсонализированный дневник»: документально-художественный потенциал жанра // Вопросы литературы, 2013. № 1 (январь-февраль) С. 337–354.
16. Шталь И. Анакреонтизм // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
17. West M. L. *Introduction to Greek Metre*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 91 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/west-1987-introduction-to-greek-metre/page/16/mode/2up> (дата обращения: 15.11.2024).

Сведения об авторе

Климова Тамара Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики педагогического института, Иркутский государственный университет; e-mail: klimova-tu@yandex.ru

ANACREONTICS BY A. KOBENKOV

T.Yu. Klimova (Irkutsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The relevance of the article is dictated, firstly, by the need to trace the line of tradition in the perception of ancient ethical and aesthetic values in the mind of the poet of the turn of the 20th – 21st centuries. Secondly, Kobenkov's poetics and the complex system of representation of the author's self-image contradict the reputation of Anacreontics as a 'lightweight' entertaining poetry. Thirdly, A. Kobenkov's poems are recommended for study in regional literature programs, which makes his work in demand for a wide range of readers. And the lack of literary studies of the poetic heritage of A. I. Kobenkov defines the novelty aspect of the proposed publication.

The purpose of the article is to examine the susceptibility of A. Kobenkov's lyrical consciousness to anacreontic hedonism and ancient harmony in general, whereas he gained the reputation of a 'sad' poet; and also, to identify the features of his poetic language.

The material of the article is selected poems from the collection "A Line Tired of Wandering ..." and, in particular, the cycle "Notes of a Naturalist".

Methodology of research. For the analysis of the cycle, the methodology of system analysis proposed by I. Prigozhin and V. I. Tyupoy turned out to be preferable, and in some moments genre, motive and phenomenological approaches to the study of a literary text were emphasized.

A review of the scientific literature on the problem. The theoretical aspects of Anacreontics were considered in the works on the history of ancient literature by G. A. Gukovsky, in the dictionary articles by E. M. Pulkhritudova and I. V. Stahl.

Research results. The analysis of the cycle showed that the poet's hedonism and aestheticism are challenged by a sense of fragility of harmony and brevity of life. Anacreontic motifs provide the poet with a short respite before entering the final existential stage of life, changing the themes of thought and emotion. The lyrical consciousness of the poet in anacreontics is gaining strength for a habitual existence in a tragic world.

Keywords: *Anatoly Kobenkov, Notes of a Naturalist, Anacreontics, harmony, hedonism, light poetry, two-voice.*

References

1. Anacreontic poetry // Literary encyclopedic Dictionary / Edited by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. P.23.
2. Gilenson B.A. History of ancient literature: textbook. help. for students. Philol. Faculty of higher education: in 2 books. Book 1 Ancient Greece. Moscow: Flint: Nauka, 2001. 416 p.
3. Gukovsky G.A. On the anacreontic ode// G. A. Gukovsky. Early works on the history of Russian poetry of the XVIII century / General ed. and the introduction of V.M. Zhivova. Moscow: Languages of Russian culture, 2001. P. 117–156.
4. The History of Greek literature / Edited by S.I. Sobolevsky and others. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946. Vol. 1. 534 p.

5. Kobenkov A.I. A line tired of wandering ...: Poems of different years. Irkutsk: Publisher Sapronov, 2003. 432 p.
6. Kobenkov A.I. One day to finish telling ...: The last poems. Irkutsk: Publisher Sapronov: Vladivostok: Rubezh, 2008. 448 p.
7. Korman B.O. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk: Publishing House of Udm. Unita, 1992. 236 p.
8. Cooper J. Cicada // J. Cooper. Encyclopedia of symbols: Book IV. Moscow: Golden Age, 1995. 402 p.
9. Lappo-Danilevsky K. Yu. “Anacreontic odes” and “Anacreontic poems” in Russian poetry of the XVIII century // Literary fact. 2019. No. 1 (11). P. 384–402.
10. Losev A.F. The history of ancient aesthetics. Moscow: AST; Kharkov: Folio, 2000. Vol. 2. 846 p.
11. Mandelstam O.E. Conversation about Dante // O.E. Mandelstam. Slovo i kultura. Moscow: Sovetsky pisatel, 1987. P. 108–152.
12. The poetics of the unfinished // The phenomenon of the unfinished: monograph / Under the general Editorship of T.A. Snigireva and A.V. Podobenova. 2nd ed., ispr. and add. Yekaterinburg: Ural Publishing House. unita, 2019. 670 p. [Electronic resource]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66587/1/978-5-7996-2470-5_2019.pdf (date of reference: 04/20/2023).
13. Pulkhritudova E.M. Light poetry // Literary encyclopedic Dictionary / Under the general editorship of V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaeva. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 752 p.
14. Revald J. The History of Impressionism. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1959 [Electronic resource]. URL: https://imwerden.de/pdf/rewald_istoriya_impressionisma_1959.pdf (access date: 04.20.2023).
15. Savkina I.L. Notes as a “depersonalized diary”: the documentary and artistic potential of the genre // Questions of Literature. 2013. No. 1 (Jan.-Feb.). P. 337–354.
16. Stahl I. Anacreontism // Dictionary of Literary Terms / Ed.-comp. L.I. Timofeev, S.V. Turaev. Moscow: Enlightenment, 1974. 509 p.
17. West M.L. Introduction to Greek Meter. Oxford: Clarendon Press, 1987. 91 p. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/west-1987-introduction-to-greek-metre/page/16/mode/2up> (access date: 11.15.2024).

About the author

Klimova, Tamara Yu. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Literature and Methods, Pedagogical Institute, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); e-mail: klimova-tu@yandex.ru

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ВИЗУАЛЬНОСТИ В НОВЕЛЛЕ Н. РЕРИХА «ИКОННЫЙ ТЕРЕМ»

О.Б. Спесивцева (Омск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются визуальные аспекты литературного творчества художника Н.К. Рериха, яркого представителя культуры Серебряного века.

Цель статьи – анализ художественных средств создания визуальности в новелле Н.К. Рериха «Иконный терем».

Обзор научной литературы по проблеме. Произведен обзор как общих работ по проблематике визуальности и истории визуального поворота (философов, искусствоведов, историков культуры), так и филологических трудов по визуальности. Обозначена разница между понятиями «визуальность», «визуальный код», «визуализация», которые многие исследователи-филологи понимают по-разному.

Методология и материал. Материал для анализа – новелла Н.К. Рериха «Иконный терем» (1900). В качестве основополагающей методики выступают работы С.П. Лавлинского, а также материалы спецсеминаров по визуальности в литературе под редакцией В.Я. Малкиной и С.П. Лавлинского.

Результаты исследования. Проанализировано литературное произведение «Иконный терем», которое молодой Николай Рерих создал на основе своей дипломной работы по правовому положению живописцев в Московской Руси. Используя архаический язык старинных грамот и исторический материал, Рерих создал живописные литературные образы русских иконописцев и Московской Руси времен царя Алексея Михайловича.

Выводы. В этом произведении Н.К. Рерих использует творческий метод, основанный на взаимодействии разных видов искусств: литературы и живописи. Он делает акцент на таком семантическом компоненте, как цвет (в духе русской иконописной традиции). Использование архаической лексики является одним из основных способов создания визуальных образов старинной одежды, а также визуального образа старой Москвы. Еще один ключевой прием, обеспечивающий читателю визуальное восприятие, – множественные цитаты из реальных исторических документов того времени. Художник использует различные лексические и синтаксические средства, позволяющие читателю визуализировать образы допетровской Руси, что говорит о тесной взаимосвязи его литературного и живописного метода, при помощи которых он поэтизирует прошлое.

Ключевые слова: Николай Рерих, Иконный терем, визуальность, визуализация, взаимодействие искусств, литература и живопись, иконописец.

Постановка проблемы. Николай Константинович Рерих (1874–1947) – великий русский художник, творческая деятельность которого была очень разнообразной, его талант проявился во многих сферах: археология, живопись, литература, театр, философия.

Взаимодействие литературного текста и живописи еще в древнегреческой литературе определял прием экфрасиса – словесного описания в тексте произведения визуального искусства. Эстетика Серебряного века как эпохи, когда начинает свой творческий путь художник и писатель Н.К. Рерих, также тяготеет к художественному воплощению идеи синтеза искусств, когда искусство визуальное соединяется в единое художественное целое с искусством слова, звучанием, пластикой. Рерих, говоря о процессе своего творчества, сравнивал музыкальную и цветовую гамму: «Я особенно чувствую контакт с музыкой, и точно так же, как композитор, пишущий увертюру, выбирает для нее известную тональность, точно так же я выбираю определенную гамму – гамму цветов, вернее, лейтмотив цветов, на котором я базирую всю свою схему» [Бурлюк, 1930, с. 24]. Однако, несмотря на любовь к музыке, свои творческие идеи Рерих, не будучи музыкантом, реализовывал в живописи и литературе. Нередко он занимался одной и той же темой параллельно, к примеру, создавая картину «Граница царства» (1916) и сказку «Граница царства» (1913). Но взаимосвязь его картин и литературных произведений намного сложнее, чем обычное иллюстрирование: он раскрывал в них разные грани своего замысла, и в итоге взаимоотношения живописи и литературы в его творчестве напоминали, используя музыкальный термин, контрапункт. Соответственно, визуальные мотивы в его литературных произведениях играют огромную роль, но исследований на эту тему практически нет, только общие упоминания факта явной взаимосвязи.

Необходимо отметить, что в литературном наследии Рериха нехудожественная литература (публицистика, путевые дневники, очерки, эссе, философские работы) существенно превышает долю художественной литературы. Можно сказать, что после революции 1917 г., вынужденной эмиграции и отъезда в Лондон в 1919 г, Рерих с художественной литературой расстался. Нам остались его сказки (их чуть больше двадцати), написанные в период с 1901 по 1916 г., новелла «Иконный терем» (1900), повесть «Пламя» (1917), пьеса «Милосердие» (1917) и единственный сборник стихов «Цветы Мории» (издан в 1921 г., но многое в нем было написано раньше, еще до революции). В.М. Сидоров, советский исследователь литературного творчества Рериха, подчеркивал, что «ни в одной литературной вещи Рериха так не чувствуется художник, как в новелле “Иконный терем” [Сидоров, 1979, с. 14]. Для исследования было выбрано именно это произведение, как особенно яркий образец проявления визуальности в литературном творчестве Рериха.

Целью статьи является анализ художественных средств создания визуальности в новелле Н.К. Рериха «Иконный терем».

Обзор научной литературы по проблеме. Многие ученые отмечают, что современная культура стала по большей части визуальной благодаря стремительному развитию технологий и появлению новых видов искусства: фотографии, кинематографа, компьютерной графики и всемирной сети Интернет.

Теоретик культуры, философ, искусствовед и филолог М.Б. Ямпольский в 2001 г. издал работу «О близком (Очерки немиметического зрения)», где рассмат-

ривает проблематику визуальности в культуре XIX–XX вв. на самом широком материале: это философия, кинематограф, художественная литература.

В 2014 г. в статье, посвященной исследованию визуальной культуры, философ О.В. Беззубова пишет о так называемом «визуальном повороте». Это понятие сформировалось в англоязычной академической среде: «Социогуманитарное знание XX в. характеризуется появлением ряда новых междисциплинарных областей, среди которых можно выделить “визуальные исследования” (visual studies). Формирование данной исследовательской области связано с введением в оборот (главным образом в англо-американской академической среде) понятия “визуальная культура” (visual culture). Согласно общепринятому мнению, интерес к данной теме возрастает с начала 70-х гг. XX в., вследствие чего этот период часто характеризуется как “визуальный поворот”, связываемый с появлением целого ряда исследований, по-новому интерпретирующих проблему изображения» [Беззубова, 2014, с. 99].

Интерес к визуальности с тех пор только нарастал, и к настоящему времени существует множество исследований на эту тему в самых разных областях, от философии и антропологии до литературоведения и психологии. Современные исследователи говорят о необходимости междисциплинарного подхода в этой области: «Что касается визуальных исследований, то появление во второй половине XX в. новых форм искусства породило поиски соответствующих методов исследования. <...> Категория видения нуждается в междисциплинарном подходе на стыке науки, философии, религии и искусства, антропологии, социологии, психоанализа, а также иных подходов, возникших вследствие «визуального поворота», в частности медиафилософии, в область исследования которой включено изучение носителей образов как посредников между человеком и социокультурным пространством» [Сергеева и др., 2024, с. 87]. В данной цитате литературоведческая наука не упомянута, однако филологам также очень интересна эта сфера исследований. На историко-филологическом факультете РГГУ уже много лет проводится спецсеминар по визуальности в литературе под руководством В.Я. Малкиной и С.П. Лавлинского.

Термины «визуальность», «визуальный код», «визуализация» понимаются филологами по-разному: и как оформление текста произведения (то, что читатель воспринимает визуально на страницах книги), и как иллюстрирование произведений (визуализация художником литературных образов), и как описание художественного мира (чтобы читатель визуализировал его в своем воображении).

Графическое оформление литературных текстов исследуется в работах Т.Ф. Семьян («Визуальный облик прозаического текста», 2006; «Визуально-стилевые особенности произведений Дениса Осокина», 2012; «Визуальная модель прозы А. Белого», 2014), Т.Ф. Петренко («Способы визуализации в современной новелле», 2008; «Функции визуализации в литературных текстах», 2014), А.Н. Красовец («Место визуального кода в поэзии русского авангарда и его эволюция в 1910–1920-е годы», 2018).

Иллюстрирование литературных произведений как визуализацию рассматривают такие исследователи, как Е.В. Первенцева («Смыслоформирующие функции визуальной составляющей в художественном дискурсе», 2007), И.В. Сосновская («Методические ресурсы феномена визуализации в обучении литературе», 2021), С.С. Соковиков («Мистерия книги: социокультурные контексты визуальных репрезентаций книги в культурном пространстве», 2016).

Визуальность как средство создания художественного образа подробно анализируется в сборниках статей РГГУ под редакцией В.Я. Малкиной и С.П. Лавлинского (серия сборников «Визуальное во всем», 2020–2024 гг., также сборник статей «Гротескное и фантастическое в культуре: визуальные аспекты», 2017), в монографии Г.П. Козубовской («Русская литература и поэтика зримого», 2021), в исследованиях А.А. Аксеновой («Рецептивные аспекты визуального в литературе», 2020), Е.С. Шевченко («Визуальное versus вербальное: интермедийные практики в литературе модернизма и авангарда», 2018), Ю.В. Подковырина («Смысловые аспекты визуального в литературе», 2015) и других филологов.

Визуальная поэтика изучается на материале художественного творчества писателей и поэтов различных эпох, относящихся не только ко времени «визуального поворота». Исследователь К.А. Поташова в статье «Визуальная метафора как средство создания образа врага в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» пишет о значимости метафоры при создании визуального образа: «Символический язык метафоры выступает в роли своеобразного моста между историческим, визуальным и вербальным, он способен подчеркнуть значимость тех аспектов военных событий, которые при использовании иных поэтических инструментов не могли получить должного внимания» [Поташова, 2023, с. 48].

Профессор О.Д. Журавель изучает аспекты визуальной поэтики на материале старообрядческой литературы, также отмечая важность визуальной метафоры. В итоге она приходит к выводу, что «разнообразные описания, визуальные метафоры были призваны пояснять мысль писателя и проповедника, выполняли дидактическую функцию. Эстетика художественного слова обогащалась за счет эстетики зримого художественного образа, взятого как из литературных источников, так и из реальной действительности, в редких случаях – из искусства» [Журавель, 2020, с. 258].

В последние годы исследователи начали активно изучать визуальность в литературных произведениях конкретных авторов, вышло множество работ, подробно рассматривающих аспекты визуальности на самом разном материале (исследования Э.М. Афанасьевой «Как показать зиму Юрия Левитанского: к проблеме визуального и аудиального кода поэтического текста», 2023; А.Г. Волковой «Феномен визуальности в поэтике раннего А. Блока: опыт интермедийного анализа», 2024; С.В. Смоличевой «Визуальный код в драматургии В.В. Набокова (на примере пьесы Дедушка)», 2024 и др.).

Методология (материалы и методы). Материал для анализа визуальности в художественном тексте – новелла Н.К. Рериха «Иконный терем». В качестве основополагающей методики выступают работы С.П. Лавлинского, а также материалы спецсеминаров по визуальности в литературе под редакцией В.Я. Малкиной и С.П. Лавлинского. В этих работах разграничиваются понятия «визуальность» и «визуализация». Под визуализацией понимается «наглядность», т.е. графическое оформление текстов (особый шрифт, нестандартное расположение строф, сопровождение текста рисунками или схемами и пр.). Визуальность же – это «свойство поэтики вербального текста, и создается она тоже вербальными средствами: при помощи словесных описаний (пейзажей, натюрмортов, интерьеров, портретов, экфрасиса), визуальных образов (цвет, свет, зеркало, отражение, картина, скульптура, фотография и т.д.), смены точек зрения персонажей и субъектов рассказывания и др.» [Лавлинский, 2020, с. 7–8]. Исследуется именно визуальный образ мира произведения, который писатель создает при помощи вербальных средств.

Результаты исследования. В 1897 г. Н.К. Рерих оканчивает Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств. В 1898 г. двадцатичетырехлетний художник завершает обучение на юридическом факультете, следуя настоятельным просьбам отца. Итогом обучения явилась дипломная работа на тему «Правовое положение художника в Древней Руси» (защита дипломной работы состоялась в 1898 г.). В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи хранится архив художника, где находятся заметки и материалы, относящиеся к периоду написания его дипломной работы. Материалы этого архива были опубликованы Т.В. Ларкиной в издании «Н.К. Рерих "Великая симфония жизни" (Автобиография)» [Рерих, 2018].

Подробнейший (на 67 листах) конспект под названием «Художники времени Стоглава и Государева Иконного терема», созданный Рерихом в марте 1896 г., являлся черновой версией дипломной работы. Студент Рерих пишет об истории русского зодчества и иконописи, о положении художников на Руси, дает классификацию «видов» художников, скрупулезно копирует целые листы из летописей и грамот, цитирует академические труды ученых XIX в. Это очерк истории Руси через призму ее религиозного искусства и образа зодчего и художника, а также исторический обзор экономической и социальной жизни художников. Рерих даже пишет по совету В.В. Стасова письмо историку И.Е. Забелину с просьбой подсказать, где можно найти интересующую его грамоту царя Алексея Михайловича, содержащую сведения о привилегиях, даруемых художникам. Список литературы, составленный Рерихом, включает в себя 45 наименований, туда входят как академические работы, так и сборники летописей, грамот и юридических актов. Третью главу своей работы «Оружейный приказ и палата. Иконописцы жалованные и кормовые <...>» автор посвятил историку И.Е. Забелину, так как глава была написана благодаря материалам, собранным этим историком.

Менее чем через четыре года, в 1900 г., общественно-политическая и литературная газета «Новое время», издававшаяся в Санкт-Петербурге А.С. Сувориным, опубликовала литературное произведение Николая Рериха под названием «Иконный терем: этюд». В 1914 г. Рерих включил его в первый том своего собрания сочинений под названием «Иконный терем». Это произведение было написано с использованием тех же материалов и документов, что и вышеупомянутая дипломная работа. Можно даже сказать, что «Иконный терем» был написан «на базе» дипломной работы.

В этом произведении запечатлены эпизоды реального исторического события – росписи Успенского собора в Кремле в 1642–1644 гг. «Иконный терем» – очень характерная для Рериха работа на границе документальности и вымысла, своеобразная художественная реконструкция прошлого, попытка заглянуть в Московский Кремль XVII в., увидеть работу и повседневную жизнь художников-иконописцев того времени.

Текст «Иконного терема», напоминающий старинные летописи и грамоты, до чрезвычайности насыщен архаизмами, так «густо» по-древнерусски Рерих, наверное, больше никогда не писал: «А идет шибко работа за то, что великий царь всея Руси Алексей Михайлович подарил иконников окружною грамотою, сам бывал в тереме и часто жалует тщаливых мастеров своею царскою брагою да романею, платьем знатным и всякою прочею милостью» [Рерих, 1914, с. 28]. Использует автор и архаические профессионализмы, в тексте встречается множество синонимов профессии художника: «художник», «живописец», «живописатель», «иконописец», «иконник», «иконный мастер», «изограф», «мастер». Специализаций у иконописцев также немало: «знаменщик», «лицевщик», «долицевщик», «левкащик», «терщик», «мастер травного дела», «златописец».

Обращает на себя внимание цветовая семантика в этом произведении. Чаще всего в тексте упоминаются золотой и красный цвета. Золотой цвет в иконописной традиции является основным и обозначает все, что связано с горним миром, с Божественным светом. Именно в этом значении его использует Рерих. Гораздо интереснее упоминание красного цвета, который также является одним из главных в иконописи, это символ воскресения, но в то же самое время – это цвет крови, огня и мучений. В «Иконном тереме» прилагательное «красный» каждый раз употребляется в значении, не имеющем отношения к цветовой палитре. Произведение начинается и заканчивается почти одинаковыми фразами, кольцевая композиция подчеркивает значимость иконописного искусства для истории. Первое предложение новеллы: «На Москве в государевом Иконном тереме творится прехитрое и прекрасное дело». Финал «Иконного терема»: «Творится в Иконном тереме хитрое и красное дело» [Рерих, 1914, с. 27]. Прилагательное «красный» в этих двух предложениях употреблено в старинном значении «красивый». В том же значении «красный» встречается и в описании московского утра: «Утром, на восходе красного солнышка...» [Рерих, 1914, с. 40]. «Красное солнышко» – это так называемый постоянный эпитет, встречающийся в сказках

и былинах, обозначающий красоту дневного светила. Еще раз прилагательное «красный» встречается во фрагменте про пещеры «*Красного крыльца*». Здесь «красный» употреблено в значении «парадный». Кроме того, «Красное крыльцо» – это еще и конкретное историческое место Московского Кремля, парадный вход в Грановитую палату.

Обращает на себя внимание эпитет «хитрый» применительно к иконописанию. В своих конспектах, которые Рерих готовил перед написанием дипломной работы, он отмечает: «Но и в то время существовало понятие более низкое нашему понятию о художнике; художник иногда назывался хитрецом, а художественность – хитростью» [Рерих, 2018, с. 239]. Слово «хитрый» ранее имело несколько другое значение, об этом пишет крупнейший советский филолог В.В. Виноградов: «В слове хитрость старое значение “изобретательность, искусство” уже совсем померкло. Хитрость обозначает: 1) “Изворотливость, замысловатость” чего-н.» [Виноградов].

Один из основных вопросов при рассмотрении визуальности в литературном произведении – субъект видения в тексте, т.е. фигура наблюдателя. Герои «Иконного терема», художники-иконописцы, работающие в соборах Московского Кремля, говорят друг с другом о своей профессиональной жизни, но лексика, имеющая отношение к процессу зрения или видения встречается в произведении нечасто. Читатель видит картину мира «Иконного терема» все же не глазами героев, а глазами автора-повествователя – наблюдателя из другого времени, заглянувшего в допетровскую Русь. Вот он в старой Москве смотрит, как люди идут утром на работу: «Утром, на восходе красного солнышка, от Китай-города из Иконной улицы, где живет много иконников, гурьбами, дружно идут на работу мастера, крестятся на маковки храмов кремлевских и берутся за дело. Надевают замазанные в красках да в клею передники, лоб обвяжут ременным либо пеньковым венчиком, чтобы не лезли в глаза масляные пряди волос, и творят на ногтях или на доске краски» [Рерих, 1914, с. 29].

Композиционно произведение разбито на четыре части. В первой части автор очень подробно описывает процесс создания иконы и «рисует» утро в старой Москве, когда мастера-«иконники» идут работать в «Государев терем». Мы слышим знакомые, совершенно конкретные исторические названия: Москва, Китай-город, Иконная улица (ныне Филипповский переулок на Арбате, где в XVI в. здесь была слобода иконописцев), Оружейная палата, Грановитая палата.

Во второй части много подробностей про социальное и экономическое положение живописцев на Руси, как своих, так и выходцев из других земель. Самый визуально насыщенный эпизод – это третья часть. Начинается она с описания дверей Иконного терема, куда заходят богато одетые именитые изографы: «Двери иконного терема висят на тяжелых кованых петлях, лапка петель длинная, идет она во всю ширину двери прорезная узором» [Рерих, 1914, с. 33]. Этот цепкий взгляд художника, подмечающий любые детали, позволяет читателю почти воочию увидеть двери иконного терема. Однако гораздо любопытнее описание

одежды изографов: «Пришли те именитые люди с испытания. Сего ради дела изографы разоделись в дорожную, жалованную одежду: однорядки с серебряными пуговицами, ферези камчатные с золототкаными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зуфные, штаны суконные с разводами, сапоги сафьяновые» [Рерих, 1914, с. 33]. Если двери иконного терема читатель после авторского описания может представить достаточно легко, то вообразить, во что были одеты изографы, очень непросто. Практически все слова, обозначающие в этой цитате одежду, современному читателю неизвестны, и с высокой вероятностью вряд ли были знакомы современникам Рериха. Все эти названия вызовут в воображении читателя только смутные ассоциации с какими-то дорогими, объемными древнерусскими одеждами со старинных гравюр или картин.

Согласно современным исследованиям по истории русского костюма и словарю В.И. Даля (потребовавшегося для самых редких обозначений, не найденных даже в упомянутых исследованиях), эти старинные слова означали следующее: *камчатные ткани*, *камка* – шелковая тонкая ткань с разнообразными текстильными узорами, выполненная сочетанием атласного и других типов переплетений [Кирсанова, 1995, с. 113]; *ферязь (фerezь)* – мужской кафтан из сукна, длинный, свободного покроя, без воротника, с узкими длинными рукавами [Кирсанова, 1995, с. 292]; *куфтырь (куфта)* – моток шелку, золота, серебра [Даль, 1989, т. 2, с. 228]; *зуфь* – шерстяная ткань разных цветов. Из нее шили опашни, кафтаны, однорядки и пр. [Гиляровская, 1945, с. 123]; *зуфь* – род камлота [Даль, 1989, т. 1, с. 697]; *камлот* – шерстяная или полушерстяная ткань, обычно темного цвета [Кирсанова, 1995, с. 113]; *охабень* – мужская длинная просторная одежда с очень длинными, до полу, откидными рукавами, с прорезями для рук и большим отложным воротником [Кирсанова, 1995, с. 188]; *охобень*, или *охабень* – летом поверх ферязи надевали еще одну длинную, до пят одежду, схожую по покрою с ферязью, но шире и с прорезями под рукавами для продевания рук, причем самые рукава свисали с боков как украшение. «У охобня был большой четырехугольный откидной воротник, который свешивался сзади почти до половины спины, а иногда и ниже, и украшался подобно козырю. Охобни делались из обьяри, атласа, бархата, парчи; носили их в рукава и внакидку» [Гиляровская, 1945, с. 74].

Необычность заключается в том, что это описание богато одетых изографов не плод художественного воображения автора, а практически дословная цитата из материалов по истории русской иконописи, изданных в 1850 г. историком И.Е. Забелиным и тщательно законспектированных студентом Н.К. Рерихом: «Степан Рязанец за иконное художничество получил: однорядку сукно <лундыш> с пуговицы серебряными, ферези камчатые куфтерные с завязки шелковыми с золотом, кафтан камчатный куфтерный, под ферези штаны суконная, шапку бархатную с сободем, сапоги сафьянные, зуфь на охабень добрую» [Забелин, 1850, с. 248]. Высока вероятность, что Рерих, прочитав этот отрывок, сам вынужден был сначала поискать информацию об этих старинных одеждах, прежде чем смог представить их в своем воображении.

Надо отметить, что эта небольшая новелла содержит огромное количество явных и скрытых цитат из самых разных исторических источников: грамот царя Алексея Михайловича, Стоглава (сборник решений собора 1551 г.), архивных документов того времени. Никакой пересказ, по мнению самого Рериха, не даст такой яркой картины, как слова самого документа: «Нечего пересказывать эту грамоту: она сама по себе дает, можно сказать, редкую по колориту картину положения художников и симпатичного отношения к ним тишайшего царя» [Рерих, 2018, с. 313]. В первой части новеллы появляется заковыченная цитата из той самой Торжественной окружной грамоты 1669 г. царя Алексея Михайловича, которую Рерих посчитал ненужным пересказывать: «...аще изволих лицо свое на убрусе Авгарю царю без писания начертати» [Рерих, 1914, с. 28]. Эту же грамоту Рерих будет цитировать дальше: «Промеж работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старик изограф с картофельным носом, важно подняв палец, самодовольно оглядывает мастеров и твердит место грамоты – видно, крепко оно ему полюбилось» [Рерих, 1914, с. 30].

В конце произведения мы видим пространную цитату из Стоглава, которая подается как прямая речь старого изографа: «Да подобает живописцу быть смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, но и паче ж хранить чистоту душевную и телесную со всяким опасением» [Никонов, 1951].

Персонажи «Иконного терема» говорят буквально цитатами из исторических документов. В качестве примера можно привести косвенную речь героя «Иконного терема» Симона Ушакова, реально существовавшего иконописца: «Ушаков, как отрезал, – боярам сказал, что грановитые палаты вновь писать самым добрым письмом прежнего лучше или против прежнего в такое время малое некогда: приходит время студеное, и стенное письмо будет не крепко и не вечно» [Рерих, 1914, с. 32]. А вот документ, прочитанный Рерихом в архивах: «Насколько ценились отзывы царских изографов можно видеть из того, что при росписании Грановитой Палаты Симон Ушаков с товарищи сказали, что Грановитые Палаты «“вновь писать самымь добрымь стѣннымь письмомь прежняго лутче или противь прежняго въ толикое малое время некогда, къ Октябрю мѣсяцу ниекоими мѣрами не поспѣть для того: приходитъ время студенное и стѣнное письмо будетъ не крѣпко и не вѣчно”. И работы начались на следующий год» [Рерих, 2018]. Новелла «Иконный терем» представляет собой литературную обработку исторических документов, разыгранных, как пьеса, по ролям. Автор использовал прием стилизации, вводя русскую лексику XVI и XVII вв., распределив архивные тексты по главам и создав яркий, образный язык персонажей.

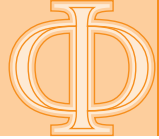
Заключение и выводы. Новелла Рериха «Иконный терем», опубликованная всего через несколько лет после того, как он защитил дипломную работу, как нельзя лучше демонстрирует творческий метод автора, самой характерной чертой которого был многоаспектный подход к предмету изображения: Рерих сочетал инструментарий историка-исследователя, писателя и художника. В «Иконном

тереме» он делает акцент на таком семантическом компоненте, как цвет (в духе русской иконописной традиции), который в живописи являлся одним из основных средств выразительности. Визуальные образы старинной одежды создаются при помощи архаической лексики, почерпнутой Рерихом из академических научных работ по истории. Также автор создает яркий визуальный образ старой Москвы, помещая знакомые читателю топонимы в текст, насыщенный архаизмами. Еще один прием, обеспечивающий читателю «эффект присутствия» в описываемом автором времени (XVII в.), создают множественные цитаты из реальных исторических документов того времени. В этом произведении Рерих использует лексические и синтаксические средства, создающие мощный эффект визуальности, возвращающий читателю эстетику прошлого, эпоху допетровской Руси. Образная система в раннем творчестве Рериха – это поэтизированное погружение в историческое прошлое, запечатленное в красках и в слове, что особенно ярко проявляется при анализе визуальной составляющей в новелле «Иконный терем».

Библиографический список

1. Беззубова О.В. Визуальная культура и визуальный поворот в культуральных исследованиях второй половины XX века // Аналитика культурологии. 2014. № 1 (28). С. 99–107.
2. Бурлюк Д. Рерих. Жизнь. Творчество. Нью-Йорк: Издание М.Н. Бурлюк. 1930. 31 с.
3. Виноградов В.В. История слов. Хитрый // Этимология и история слов русского языка. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=hitrij&vol=1> (дата обращения: 16.11.2024).
4. Гиляровская Н. Русский исторический костюм для сцены: Киевская и Московская Русь / сост. Н. Гиляровская. М.; Л.: Искусство, 1945. 140 с.,
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А–З. 699 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 2: И–О. 780 с.
7. Журавель О.Д. К изучению визуальной поэтики старообрядческой литературы XVIII века // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 249–262. DOI: 10.25205/2307–1737–2020–1–249–262
8. Забелин И.Е. Материалы для истории русской иконописи, собранные современником И.Е. Забелиным // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1850. Кн. седьмая. С. 1–128.
9. Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX века. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 383 с.
10. Лавлинский С.П. «Визуальное в литературе»: концепция и технология спецсеминара для студентов гуманитарных факультетов // Визуальное во всем / ред. В.Я. Малкина, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2020. Вып. 1. С. 5–39.

11. Никонов В. Стоглавый собор 1551 г. // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 09. С. 45–51; Стоглав. Казань: Тип. губернского правления, 1862. 454 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (дата обращения: 16.11.2024).
12. Поташова К.А. Визуальная метафора как средство создания образа врага в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 44–64. DOI: 10.17223/23062061/33/3
13. Рерих Н.К. «Великая симфония жизни» (Автобиография) / сост. Т.В. Ларкина [Электронный ресурс]. М., 2018. Кн. 2: Академия. 419 с. URL: <http://jezmmm.ru/philosophy/shlemovana/2021/02/06/n-k-rerih-velikaya-simfoniya-zhizni/> (дата обращения 23.11.2024).
14. Рерих Н.К. Иконный терем // Собрание сочинений. М.: Издательство И.Д. Сытина, 1914. Книга первая. Эссе, очерки, сказки. 336 с.
15. Сергеева Н.А., Пашова Э.В., Бородин М.А. Визуальный поворот в культуре и его отражение в современном искусстве // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2024. Т.17, №1. С. 84–100.
16. Сидоров В.М. Рерих и его литературное наследие // Рерих Н.К. Избранное / сост. В.М. Сидоров. М.: Сов. Россия, 1979. С. 3–24.

Сведения об авторе

Спесивцева Олеся Богдановна – аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций факультета филологии, переводоведения и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; e-mail: joyousgardcastle@yahoo.com

LITERARY DEVICES OF CREATING VISUALITY IN NICHOLAS ROERICH'S SHORT STORY *THE ICON TEREM*

O.B. Spesivtseva (Omsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the visual aspects of the literary work of Russian artist Nicholas Roerich, a prominent representative of the Silver Age culture.

The purpose of the article is to analyze literary devices of creating visuality in Nicholas Roerich's short story *The Icon Terem*.

Review of scientific literature on the problem. A review is made of both general works on the problems of visuality and the history of visual turn (by philosophers, art historians, cultural historians) and philological ones. The difference between the concepts of 'visuality', 'visual code', 'visualization', which many philological researchers understand in different ways, is clarified.

Methodology (materials and methods). The material for analysis is the short story *The Icon Terem* written by Nicholas Roerich. The basic methodology includes the works of S.P. Lavlinsky, as well as materials from special seminars on visuality in literature edited by V.Ya. Malkina and S.P. Lavlinsky.

Research results. The author of the article analyzes the short story *The Icon Terem*, written by young Nicholas Roerich after completing his thesis on the legal status of painters in Muscovite Rus. Roerich created vivid literary images of Russian icon painters and Muscovite Rus during the time of Tsar Alexei Mikhailovich using the archaic language of ancient charters and historical material.

Conclusions. Nicholas Roerich uses a creative method based on the interaction of different types of arts. The artist uses lexical and syntactic means that help him to visualize images of Russia before Peter the Great and these images clearly demonstrate close relationships between his literary and artistic methods.

Keywords: *Nicholas Roerich, The Icon Terem, visuality, visualization, arts interaction, literature and fine art, color symbolism, icon painting, archaic vocabulary, icon painter.*

References

1. Bezzubova O.V. Visual culture and visual turn in cultural studies of the second half of the 20th century. In: Analytics of cultural studies. 2014. No. 1 (28). P. 99–107.
2. Burljuk D. Roerich. Life. Creation. New York: M.N. Burliuk Publishing, 1930. 31 p.
3. Vinogradov V.V. History of words. Tricky. In Etymology and history of words in the Russian language. URL: <https://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=hitri-j&vol=1> (access date: 16.11.2024).
4. Giljarovskaja N. Russian historical costume for the stage: Kievan and Muscovite Rus'. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1945. 140 p.
5. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow: Russkij jazyk, 1989. Vol. 1. 699 p.
6. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow: Russkij jazyk, 1989. Vol. 2. 780 p.

7. Zhuravel O.D. To the study of visual poetics of Old Believer literature of the 18th century. In: Criticism and semiotics. 2020. No. 1. P. 249–262. DOI: 10.25205/2307–1737–2020–1–249–262
8. Zabelin I.E. Materials for the history of Russian icon painting, collected by I.E. Zabelin. In: Temporary journal of the Imperial Moscow Society of History and Russian Antiquities. Book seven. Moscow: University Printing House, 1850. P. 1–128.
9. Kirsanova R.M. Costume in Russian artistic culture of the 18th – first half of the 20th century. Moscow: Bol'shaja rossijskaja encyclopedia, 1995. 383 p.
10. Lavlinskij S.P. “Visual in Literature”: concept and technology of a special seminar for students of humanities. In: Visual in everything. Editors V.Ya. Malkina, S.P. Lavlinsky. Moscow: Editus, 2020. Vol. 1. P. 5–39.
11. Nikonov B. “Stoglav” Cathedral of 1551. In: Journal of the Moscow Patriarchate. 1951. No. 09. P. 45–51; Stoglav. Kazan: Type. Provincial government, 1862. 454 p. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/> (access date: 16.11.2024).
12. Potashova K.A. Visual metaphor as a means of creating an image of the enemy in the “Collected Poems Relating to the Unforgettable Year of 1812”. In: Text. Book. Book publishing. 2023. No. 33. P. 44–64. DOI: 10.17223/23062061/33/313
13. Roerich N. “The Great Symphony of Life” (Automonograph). Book 2. Academy. Compiler T.V. Larkina [Online Source E-book]. Moscow, 2018. 419 p. URL: <http://jezmmm.ru/philosophy/shlemovana/2021/02/06/n-k-rerih-velikaya-simfoniya-zhizni/> (access date: 23.11. 2024).
14. Roerich N. Terem of Icons. In: Nicholas Roerich' Collected works. Book one. Essays, sketches, fairy tales. Moscow: Publishing House of I.D. Sytin, 1914. 336 p.
15. Sergeeva N.A., Pashova Je.V., Borodina M.A. Visual turn in culture and its reflection in contemporary art. In: Journal of Siberian Federal University. Humanities. 2024. Vol. 17, No. 1. P. 84–100.
16. Sidorov V.M. Roerich and his literary heritage. In: Roerich N.K. Selected works. Moscow: Sov. Russia, 1979. P. 3–24.

About the author

Spesivtseva, Olesya B. – PhD Candidate, Department of Russian Language, Literature and Documental Communication, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia); e-mail: joyousgardcastle@yahoo.com

УДК 821.111(73)

НАРРАТИВНАЯ ИНТРИГА В РОМАНЕ Т. ПИНЧОНА «ВРОЖДЕННЫЙ ПОРОК»

И.Г. Прудюс (Красноярск, Россия)

М.А. Журавлев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Игровой субстрат постмодернистского романа Т. Пинчона «Внутренний порок» (2009) ставит под сомнение релевантность категории интриги внутри анализируемого текста. Разрешение парадоксов внешней событийности заключается во внесобытийном плане, отражающем энигматическую интригу произведения.

Цель статьи – выявление механизмов классических нарративных интриг в романе, объяснение их конечной субверсивности; обоснование доминанты внесобытийного плана над событийным.

Обзор научной литературы по проблеме. Нарративная интрига – одна из наименее исследованных категорий современной нарратологии. Ее активным изучением занимаются отечественные ученые: В.И. Тюпа, Г.А. Жиличева и О.А. Гримова. Истоки данной категории находим в работах П. Рикера. Исследований романа Т. Пинчона в заявленном аспекте не проводилось, что является научной новизной данной работы.

Методология исследования. В работе были использованы нарратологический, структурно-типологический и герменевтический методы исследования.

Результаты исследования. В исследуемом романе были выявлены любовная (восходящая к циклической интриге), детективная (реализующая кумулятивно-детективную интригу), товарищеско-полицейская (лиминальная интрига), «Шланговская» (вновь лиминальная) и энигматическая интриги. Первые четыре интриги демонстрируют «сбои», провоцируя нас к более основательному исследованию последней, энигматической интриги.

Выводы. Роман Т. Пинчона «Внутренний порок» отражает постмодернистскую сущность письма, разрушающую привычное течение нарративных интриг, в то же время являясь текстом с конвергентной авторской стратегией наррации: субъекты референтной и коммуникативной сторон романа сходятся в диалоге, разрешающем завесы тайны бытия.

Ключевые слова: нарратология, нарративная интрига, Т. Пинчон, «Внутренний порок», постмодернизм, энигматическая интрига, циклическая интрига, кумулятивная интрига, лиминальная интрига, событийность, внесобытийность.

Постановка проблемы. Прочтение постмодернистского романа Т. Пинчона «Внутренний порок» (*Inherent Vice*, 2009) с точки зрения его нарративной интриги представляется проблематичным процессом. Деконструкция поэтик классических жанров приводит к нарушениям на уровне событийности романа, а также на уровне его рецепции: читательские ожидания систематически разрушаются, роман кажется внеположным категории интриги.

Цель статьи – заполнение лакун в изучении зарубежной литературы в аспекте нарративной интриги, что является существенным, необходимым шагом

в проверке отечественных нарратологических идей. Объектом нашего исследования является нарратологическая структура романа Т. Пинчона «Внутренний порок», последнего на сегодняшний день произведения современного классика американского постмодернизма [Razzell, 2019; Di Vilio, 2020]. Причастность к постмодернистской дискурсивности создает в романе субверсию нарративности в ее рецептивном плане: ввиду дефектности событийной организации романа ядром интриги становятся его внесобытийные элементы, связанные с разгадкой тайны бытия.

Обзор научной литературы по проблеме. Среди важнейших процессов в развитии современной отечественной нарратологии можно выделить активное развитие категории нарративной интриги [Абрамовских 2013; Кривонос 2014; Тюпа 2015; Жиличева 2022; Гримова 2023]. Интерес исследователей обычно связывается с русской литературой – классической и современной. При этом нельзя не отметить недостаток внимания к произведениям зарубежной литературы. Следовательно, не существует и работ, исследующих роман Т. Пинчона «Внутренний порок» с точки зрения нарративной интриги. В данной статье делается попытка предпринять первые шаги в намеченном вопросе.

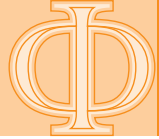
Результат исследования. Сюжет романа строится вокруг Ларри (Дока) Спортелло – частного сыщика, непрерывно пребывающего в состоянии наркотического опьянения, в контору которого однажды вечером наведывается его бывшая девушка, Шаста Фей. Шаста просит Дока о помощи: она подозревает, что против ее любовника, Мики Волкманна, сплетается заговор, в котором замешаны жена Мики и ее любовник и, как мы позже узнаем, ФБР, Арийское Братство, Черные Пантеры, казино и, наконец, *Золотой Клык*. Такова экспозиция данного романа, обладающего целым спектром нарративных интриг, которые мы предварительно определим следующим образом: любовная (восходящая к циклической интриге), детективная (реализующая кумулятивно-детективную интригу), товарищеско-полицейская (лиминальная интрига), «Шланговская» (также лиминальная интрига) и энигматическая.

Прежде чем переходить к анализу произведения, необходимо вернуться к сущности интриги. Современные нарратологи, характеризуя данную категорию, развивают идеи, сформулированные П. Рикером в работе «Время и рассказ» (*Temps et récit*, 1983–1985). Г.А. Жиличева пишет, что «именно Рикер предложил использовать термин “интрига” для осмысления способов организации событийного ожидания, связывающего начало и конец истории. Интрига в данном случае обозначает уже не активность автора или персонажей (как в традиционных определениях), а рецептивный план сюжетосложения, воспринимаемый читателем результат ментальных операций (отбора событий, наррации, эпизодизации, фокализации)» [Жиличева, 2020].

Обратимся к содержанию романа. В нарративной структуре «Внутреннего порока» выделяются три имени, три героя, вокруг которых разворачивается весь сюжет: Мики Волкманн, Золотой Клык, Шаста Фей.

В паре *Док – Шаста* реализуется любовная интрига романа. Ее динамика уходит корнями к одной из универсальных сюжетных схем, а именно к циклической трехфазной структуре. «Согласно О.М. Фрейденберг, циклическое сюжетосложение лежит в основе древней эпопеи (“исчезновение – поиск – нахождение”) и греческого любовного романа (“разлука – поиск – соединение”») [Тюпа, 2021, с. 223]. Разлука, как и вся динамика данных отношений, предрешена, ибо Док с Шастой постоянно сходятся («She came along the alley and up the back steps the way she always used to» [Pynchon, 2009, p. 6] / «Она пришла по переулку и поднялась к черному ходу, как некогда вечно бывало» [Пинчон, 2023, с. 12]) и расходятся, по сути своей, отражают прецедентность мифа. Вскоре после первого появления в романе Шаста пропадает из поля действующих лиц, читатель может найти ее лишь на уровне вербализации – в семиотическом пространстве романа (в воспоминаниях и диалогах), окончательно возвращение возлюбленной (не *находится*, а *возвращается*, поскольку Док, несмотря на свои поиски, никак не приближает данное событие: оно не зависит от его воли, как, впрочем, не зависит и от воли Шасты) происходит в 17-й главе. Однако возвращение в событийный мир романа любовной интриги никак ее не развивает: после столь длительного отсутствия динамика между Шастой и Доком остается на том же аморфном уровне. После 17-й главы Шаста упоминается лишь раз, при этом данное упоминание может обозначать одновременно как возможность соединения, надежду (впрочем, совершенно нерелевантную: «She’s living back at the beach now» – «Maybe it’s fate, Larry» [Pynchon, 2009, p. 270] / «Она *опять* поселилась на пляже» – «Может, это *судьба*, Ларри» [Пинчон, 2023, с. 429]), так и начало нового цикла, а значит, вскоре после их схождения они разойдутся, а затем вновь поиск, обретение, разлука. Так или иначе, исходя из вышеобозначенной частотности появления Шасты в сюжете, нарратор, приближая нас к финалу, желает отдалить читательское внимание от любовной интриги (с первого взгляда первостепенной), по всей видимости, находя этот сюжет закрытым, готовым, а следовательно, и лишены оснований для интриги: «Категория интриги альтернативна категории мифа. Мифологизм “доксы” (общепринятого мнения) исключает возможность интриги в том, что общеизвестно» [Тюпа, 2021, с. 142].

Перейдем к детективной интриге «Внутреннего порока», истоки которой исследователи обнаруживают в греческой перипетийной интриге, чередующей «перемен от несчастья к счастью или от счастья к несчастью» [Тюпа, 2021, с. 155]. «Необходимо отметить, что продуктивной разновидностью перипетийной событийности в нарративах неклассической художественности становится энигматическая интрига. В.И. Тюпа полагает, что энигматическая интрига состоит в “чередовании сегментов наррации, приближающих и удаляющих момент проникновения в тайну, то есть в чередовании нарратором моментов утаивания и узнавания, сокрытия и откровения”» [Тюпа, 2021, с. 157]. Исследователь считает, что такова, в частности, «интрига детективного расследования, восходящая к трагедийному сюжету перипетийного узнавания» [Жиличева, 2021].

В.И. Тюпа сближает перипетийную-энигматическую и перипетийную-детективную интригу, мы же видим основания для того, чтобы разделять их, качественно отличать друг от друга: перипетийная интрига детективного типа нацелена на решение загадки расследования («кто убийца?» и проч.), в то время как в фокусе наррации энигматической интриги находится приближение к разгадке *тайны бытия*.

По мысли О.А. Гримовой, энигматическая и детективная (перипетийная) интриги часто соседствуют в современном романе, а «субдоминантной» таких интриг является авантюрная интрига [Гримова, 2020], восходящая к кумулятивному типу сюжетосложения.

Г.А. Жиличева описывает кумулятивную интригу следующим образом: «Произведения, ориентированные на традиционный авантюрный контекст кумулятивной интриги, используют семантически тождественные эпизоды как указание на потерю связности изображаемой реальности. Разрозненность объектов и явлений мира компенсируется попыткой связать события текста, внимание читателя привлекается к способам соединения элементов: от использования традиционной для плутовского романа эмблематики путешествия до авторских знаков, указывающих на приемы “связности”» [Жиличева, 2022].

Описывая детективно-кумулятивную интригу в романе, следует отметить, что извлечение романной фабулы осложняется высокой долей энтропии изображаемых событий, по большей части не показанных (*showing*), а рассказанных (*telling*), точнее было бы сказать, *пересказанных*. Кроме того, еще одной существенной чертой поэтики романа, возвращающей нас к хаотической картине мира [Типологические..., 2021], стоит признать избыток бессмысленных обильных связей между линиями, соответствующий монструозному количеству персонажей этой истории. Расследование Дока, в сущности, не является расследованием, поскольку большинство информации по делу он получает из разговоров с многочисленными персонажами, вновь и вновь появляющимися в романе. Док вместо классического *агента* детективных романов становится *пациентом* [Шмид, 2008, с. 15]. Ввиду обилия персонажей и связей между ними детективная интрига практически не развивается: разгадка тайны пропажи Мики Волкманна отходит на второй план, ибо значительная часть читательской активности сводится к попыткам разобраться в том, как данный персонаж связан с другими персонажами и какова его роль в истории [Прудюс, 2014]. Чаще всего ответ на последний вопрос – «никакая»: большая часть знакомств в тексте никак не развивает магистральную детективную линию, трансформируя ее в некую ризому. Проиллюстрируем данное явление. В 13-й главе во время разговора Дока с Йети упоминается Шайб Бобертон: вернувшись домой, Док отвечает на звонок от забытой читателем Клэнси Муштард, ищущей друга, Бориса Шнифи. В этом же разговоре Док узнает, что Клэнси нужен Борис, чтобы найти *Шайба*, который также исчез. После телефонного разговора с Клэнси Док возвращается в контору, где его уже поджидает новая героиня, Триллиум Двенедель – девушка, влюбленная в Шайба и знающая его примерное местонахождение.

Описав данный эпизод, хочется вернуться к истокам авантюристичности, к картине мира, которая заключена в такой интриге. «Авантюристичная картина мира представляет жизнь хаотическим потоком казусных случайностей, аналогичным азартной игре, где возможен любой исход, самое невероятное стечение обстоятельств. Для авантюристичного персонажа все определяется непредсказуемо выпадающим ему “жребием” [Тезаурус..., 2021, с. 281]. «В то же время окказиональная (случайностная), или, иначе, авантюристичная, картина мира, которая, в отличие от прецедентно-циклической в сказании или от статично-императивной в притче, представляется хаотической, не упорядоченной свыше, характеризуется авантюристичной непредсказуемостью событий» [Тюпа, 2024, с. 120].

На практике мы наблюдаем «парадокс окказиональности» – случайности в романе выглядят уж слишком неслучайными [Полуэктова, 2024], хотя и прецедентностью происходящее в романе сложно назвать: хаос истории выглядит «организованным хаосом», «неслучайной случайностью». Док только узнает какую-то зацепку, как тут же к нему приходит человек, помогающий расшифровать ее, впрочем, обычная зацепка в сюжете, обладая свойственной для авантюристичной интриги «непредсказуемостью», в то же время обладает «обратимостью», «повторяемостью» и «неконсекутивностью» [Шмид, 2008, с. 25–26], что возвращает читателя к прецедентной картине мира, циклической интриге. Таков парадокс сюжета «галлюцинирующего романа»: ни одна интрига текста так и не срабатывает. В связи с этим происходит профанация детективного сюжета: Мики не умирает, а в середине книги просто возвращается домой (Док к этому никак не причастен), при этом Док, считавший, что за всем происходившим стоял Золотой Клык, в конце 19-й главы начинает сомневаться в существовании этой мистической инкарнации зла [Pynchon, 2009, p. 268] / [Пинчон, 2023, с. 426].

В интриге, которую мы схематично назвали «товарищеско-полицейской», реализуется лишь одна из частей детективного сюжета романа, связанная с отношением между Спортелло и Лягашом (Йети) Бьернсенем, «лейтенантом уголовной полиции из Полицейского управления Лос-Анжелеса» [Пинчон, 2023, с. 36]. Герои помогают друг другу в общем расследовании дела о пропаже Мики Волкманна и параллельно делятся сведениями по другим интересующим их делам: Док – по поводу Шланга, Йети – по поводу дела Адриана Пруссии, виновника смерти бывшего напарника Лягаша, Винсента Инделикато. Такова внешняя событийность, «полицейская» оболочка данной интриги, скрывающая под собой сюжет инициации [Прудюс, Шалимова, 2024], раскрывающийся в профессионально-неформальных (личных) отношениях Дока и Йети, вместе с тем решающий будущее протагониста.

В обозначенной сюжетной линии реализуется лиминальная интрига, прото-сюжетная схема которой «складывается из четырех (а не трех, как иногда полагают) последовательностей: фаза ухода (расторжение прежних родовых связей индивида) – фаза символической смерти – фаза пребывания в символической стране мертвых (умудрения, приобретения знаний и навыков взрослой жизни,

накопленных предками) – фаза возвращения (символического воскресения в новом социальном качестве)» [Тюпа, 2021, с. 149]. Хотя в романе тяжело выделить фазу ухода, реализацию прочих фаз легко проследить в романе: фаза символической смерти связана как с первой реальной встречей героя с Йети, когда Док обнаруживает себя рядом с трупом Глена Муштарда (эпизодом, дающим начало их общему расследованию), так и с испытанием «смертью» в доме Адриана Пруссии [Грачев, Прудюс, 2024]. Их встречу специально подстраивает Йети (тем самым он одновременно совмещает в себе фигуру «помощника» и «вредителя»): в Доке он видит фигуру бывшего напарника, который наконец получает возможность отомстить убийце с того света. Пройдя данное испытание, Док, по мысли Йети, должен не столько воплотить желание бывшего напарника, сколько стать замещающей фигурой погибшего Винсента: Йети неоднократно говорит Доку о том, что из него вышел бы отличный коп.

В.И. Тюпа рассуждает, что читательский интерес в лиминальной интриге заключается «либо в обновлении и статусном преобразении “воскресающего” героя, либо в его поражении, гибели (физической или нравственной)» [Тюпа, 2021, с. 148]. «Вернувшись» с того света, Док не только не претерпевает желаемой метаморфозы, но, пройдя «инициацию», герой и вовсе не меняется, ни внутренне, ни внешне. Усиливает «бессмысленность» данной интриги и то, что герой в итоге не соглашается стать напарником Йети, поскольку от Дока в таком случае требовалось бы вступление в ПУЛА, столь омерзительное для него. ПУЛА, если продолжать раскрывать идеологическую точку зрения героя, и есть «страна мертвых», из которой ему нужно выбраться. К этой мысли мы вернемся при анализе «Шланговской» интриги.

Тем самым и лиминальная «товарищески-полицейская» интрига романа также не приводит читателя ни к чему, поскольку Док не только не меняется вследствие пережитого опыта, он еще крепче начинает держаться за свой статус частного сыщика, презирать полицию и все с ней связанное: «Time was when Doc used to actually worry about turning into Bigfoot Bjornsen, ending up just one more diligent cop, going only where the leads pointed him, opaque to the light which seemed to be finding everybody else walking around in this regional dream of enlightenment, denied the wide-screen revelations Bigfoot called “hippiphancies”» [Pynchon, 2009, p. 235] / «Было время, когда Док и впрямь волновался, не превратится ли в Лягаша Бьёрнсена – не станет ли еще одним прилежным мусором, что ходит только туда, куда ведет след, непроницаемым для счета, который, похоже, отыскивает всех, кто бродит в этой областной Грезе о просвещении, лишенных тех широкоэкранных откровений, которые Лягаш называл “хиппифаниями”» [Пинчон, 2023, с. 253]. Наконец, поскольку Док идет наперекор интенции Йети, говорить о счастливом, *товарищеском* окончании этой интриги нельзя.

«Шланговская» интрига является единственной неспорной интригой в романе. Как и интрига отношений Дока с Йети, история Дока и Шланга тоже является лиминальной интригой: притом для Дока данная история является

истинной инициацией в романе. Шланг – сюжетный двойник Дока. Стремление «вернуть с того света» Шланга становится попыткой спасти самого себя после того, как оба героя осознают, что попали в ловушку, из которой не могут выбраться без посторонней помощи.

Шланг – это саксофонист группы «Доски», ставший двойным агентом Правительства, доноситель, который должен помогать властям в борьбе с контркультурой. Взамен этого Шланг получает возможность перерождения (на самом деле, истинной смерти): его вылечили от наркотической зависимости, выплатили его семье приличную сумму денег, а вместе с тем подстроили его «смерть», после которой Шланг не может вернуться к прошлой жизни.

В последнем появлении в романе Шаста произносит ключевые в рассматриваемом вопросе слова: «You and Coy, you're peas in a pod» [Pynchon, 2009, p. 241] / «Вы со Шлангом – два сапога пара» [Пинчон, 2023, с. 382], «Both of you, cops who never wanted to be cops. Rather be surfing or smoking <...> or anything but what you're doing. You guys must've thought you'd be chasing criminals, and instead here you're both working for them» [Ibid] / «Вы оба легавые, которые никогда не хотели ими быть. Лучше серфить, пыхать <...> или что угодно, только не это. Вы оба, ребята, должно быть, думали, будете за преступниками гоняться, а вместо этого они вас нанимают» [Там же].

Наконец-то признавшись в себе, что он ничем не отличается от Шланга, Спортелло решает «вернуть его с того света» семье, что у него и получается посредством одного из агентов Золотого Клыка. Переродившийся (хотя и не сам прошедший инициацию) Шланг осознает ценность семьи, свободы, собирается отдать долг Доку: «You saved my life, now you've got to...» – «You saved your life, Coy. Now you get to live it» [Pynchon, 2009, p. 419] / «Ты спас мне жизнь, теперь тебе надо...» – «Ты сам себе жизнь спас, Шланг. Теперь тебе надо ее жить» [Пинчон, 2023, с. 441]. Поскольку Док и Шланг образуют фигуры двойников, можно утверждать, что, помогая пройти инициацию за Шланга, Док успешно проходит и через свою собственную, на этот раз истинную инициацию.

Заключение. Обсудив намеченные интриги, мы хотим вернуться к одной из их разновидностей, энигматической интриге. С точки зрения ранее проанализированных интриг роман Пинчона воплощает противоречивое явление: находящийся между прецедентой иokkaзиональной картинами мира, читатель не обнаруживает интриги в *инспективном* [Тезаурус..., 2021, с. 64] повествовании романа. Данный факт кажется симптоматичным для современного состояния литературы, в котором «в результате кризиса субъектности формируется осевая стратегия нарративов XX в. (и XXI. – *Примечание наше*) – стратегия провокации, ее конституирующими признаками становятся не только авантюрная картина мира и этос желаний, характерные для дивергентной художественности предыдущих веков, но и акратическая, игровая коммуникация с читателем. На место принципа согласованности факторов художественного впечатления приходит акцентирование противоречий» [Тюпа, 2021, с. 283]. Семантический центр,

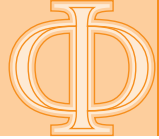
по-видимому, находится именно в внесобытийных элементах романа: авторских отступлениях и интроспекциях. Незавершенность и противоречивость референтного уровня должна раскрыться через освещение тайны внутреннего мира героя и тайны внешнего мира, которые, по-нашему предварительному замечанию, отражаются друг в друге. Весь диегетический мир построен вокруг Дока, он является медиатором, проводником, единственным человеком, способным плыть по волнам хаоса, происходящего в романе. Его «сверхчувственное восприятие» периодически приближает героя к тайне бытия, разгадка которой омрачена будущим: «Doc feels his life surrounded by dead people who do and don't come back, or who never went, and meantime everybody else understands which is which, but there is something so clear and simple that Doc is failing to see, will always manage not to grasp» [Pynchon, 2009, p. 158] / «Док чувствует, что жизнь его окружена мертвыми, которые возвращаются, или же никогда и не уходили, а тем временем все прочие понимают, что здесь что, но есть тут нечто очень ясное и простое, а Док его не видит, и никогда не удастся ему это ухватить» [Пинчон, 2023, с. 252]. Для прояснения тайны будущего стоит обратиться к паратекстуальному уровню, а именно к заглавию, фиксирующему одновременную прецедентность и трагичность референтных событий. «Внутренний порок», как объясняет друг Дока, Сончо, в предпоследней главе: «It's what you can't avoid, stuff marine policies don't like to cover» [Pynchon, 2009, p. 269] / «Это такое, чего не избежать, дрянь, которую не любят покрывать морские полисы» [Пинчон, 2023, с. 427]. Важно также обратить внимание на предшествующее объяснению Сончо описание кадров пленки, которые должны установить личность убийцы Глена Муштарда. Это одна из загадок, составляющих детективно-перипетийную интригу романа: «Как будто, что бы там ни произошло, оно достигло какого-то предела. Словно отыскал ворота в прошлое – неохранные, незапретные, поскольку это ни к чему. Наконец, в сам акт возвращения встроена эта блестящая мозаика сомнения» [Там же].

Как нам представляется, истинная тайна романа – в ее отсутствии. Хаос, воплощением которого стала эпоха хиппи, может быть организован лишь логикой хаоса, что, впрочем, неважно перед лицом вечности: Док, хранящий прошлое, живет по его модели в настоящем, не осознавая, что оно неизбежно остается позади и с самого начала было предопределено. Неизвестно лишь то, что следует за этим хаосом. Открытый финал, буквально окутанный туманом [Pynchon, 2009, p. 282] / [Пинчон, 2023, с. 446], продуцирует широкий горизонт для читательской мысли.

Библиографический список

1. Абрамовских Е.В. Нарративная интрига в новелле Л. Улицкой «Брат Юрочка» // Пушкинские чтения. 2013. № 18. С. 181–189.
2. Грачев А.В., Прудюс И.Г. Мотив реставрации/реконструкции здания как маркер разрушения дома (на материале киносценария Э. Уолша «The house») // Эхо Астафьева: актуальность творческого наследия (к 100-летию со дня рождения писателя): сб. статей. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 155–166. (Универсалии культуры).

3. Гримова О.А. Нарративные интриги в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 235–245.
4. Гримова О.А. Организация нарративной интриги в современном романе: основные тенденции // Narratorium. 2020. № 13. URL: <https://narratorium.ru/2020/11/02/о-а-гримова-организация-нарративной-и/> (дата обращения: 28.10.2024).
5. Жиличева Г.А. Интрига как категория исторической нарратологии // Narratorium. 2020. № 14. URL: <https://narratorium.ru/2020/11/29/448/> (дата обращения: 28.10.2024).
6. Жиличева Г.А. Неокумулятивная интрига в современной прозе (на материале романов А. Сальникова) // Narratorium. 2022. № 16. URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/г-а-жиличева-новосибирск-нгпу-москва/> (дата обращения: 28.10.2024).
7. Жиличева Г.А. Перипетийная интрига в нарративах русской литературы: диахронический аспект // Narratorium. 2021. № 15. URL: <https://narratorium.ru/2021/12/23/509/> (дата обращения: 28.10.2024).
8. Кривонос В.Ш. «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: текст и нарративная интрига // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 101–109.
9. Пинчон Т. Внутренний порок / пер. с англ. М.В. Немцова. М.: Иностранка, 2023. 512 с.
10. Полуэктова Т.А. Англоязычный фотоэкфрастический детектив второй половины XX в. (А. Кристи, Т. Финдли): традиция и новаторство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24. № 3. С. 309–318.
11. Прудиус И.Г. Герой в поздней драматургии Ж. Ануя (1978–1987 годов) типология и эволюция: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2014. 18 с.
12. Прудиус И.Г., Шалимова Н.С. Черты романа инициации в биографическом графическом романе Пьера Кристиена и Себастьяна Вердые «Оруэлл» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 3. С. 762–767.
13. Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. 316 с.
14. Типологические связи в современном литературном процессе: учеб. пособие / М.И. Воропанова, С.Г. Липнягова, Т.А. Полуэктова, Н.С. Шалимова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2021. 92 с.
15. Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.
16. Тюпа В.И. Теория литературы. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2024. 254 с.
17. Тюпа В.И. Этнос нарративной интриги // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 2. С. 9–19.
18. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

19. Di Vilio A. Inherent Vice: Thomas Pynchon beyond the Postmodern Fiction and Anti-Detective Novel // Bibliotekarz Podlaski Ogólnopolskie Naukowe Pismo Bibliotekoznawcze i Bibliologiczne. 2020. No 47 (2). P. 281–292.
20. Pynchon T. Inherent vice. New York: Penguin Books, 2009. 284 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/thomas-pynchon/pdf-epub-inherent-vice-download-15963616660/> (access date: 05.11.2024).
21. Razzell P. Inherent Vice Diagrammed: the making of a new Pynchon resource // ThomasPynchon.com. 2019. URL: <https://thomaspynchon.com/inherent-vice-diagrammed/> (access date: 05.11.2024).

Сведения об авторах

Прудюс Ирина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: prudius@kspu.ru

Журавлев Максим Андреевич – бакалавр, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: maks.zhuravlev.2002@bk.ru

THE NARRATIVE INTRIGUE IN THE T. PYNCHON'S NOVEL *INHERENT VICE*

I.G. Prudius (Krasnoyarsk, Russia)

M.A. Zhuravlev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The playful substratum of Thomas Pynchon's postmodernist novel *Inherent Vice* (2009) questions the relevance of the category of intrigue within the analyzed text. The resolution of the paradoxes of external eventfulness lies in the non-event-oriented narration, which reflects the enigmatic intrigue of the work.

The purpose of the article is to reveal the mechanisms of classical narrative intrigues in the novel, to explain their ultimate subversiveness, and to prove the dominance of the non-event-oriented narration over event-driven one.

A review of the scientific literature on the problem. Narrative intrigue is one of the least researched categories of modern narratology. It is studied by Russian scholars: Valery Tyupa, Galina Zhilicheva, and Olga Grimova. We find the origins of this category in the works of Paul Ricoeur. There have been no studies of T. Pynchon's novel concerning the stated problem, which explains the scientific novelty of this work.

Methodology. Narratological, structural-typological and hermeneutical methods of research were used in the work.

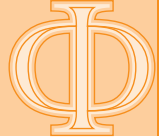
Research results. The following intrigues were identified in the researched novel: love intrigue (going back to cyclic intrigue), detective intrigue (realizing cumulative-detective intrigue), comrade-police intrigue (liminal intrigue), 'Coy's' (liminal) and enigmatic intrigue. The first four intrigues demonstrate 'failures', provoking us to a more thorough investigation of the last, enigmatic intrigue.

Conclusions. T. Pynchon's novel *Inherent Vice* reflects the postmodernist nature of writing, which disrupts the usual flow of narrative intrigue. In addition, it is a text with the author's convergent strategy of narration, where the subjects of the referential and communicative sides of the novel converge in a dialogue that resolves the mystery of existence.

Keywords: *narratology, narrative intrigue, T. Pynchon, 'Inherent Vice', postmodernism, enigmatic intrigue, cyclic intrigue, cumulative intrigue, liminal intrigue, eventivity, non-event orientation.*

References

1. Abramovskikh E.V. The narrative intrigue in L. Ulitskaya's short story 'Brother Yurochka'. In: Pushkin's Readings. 2013. No 18. P. 181–189.
2. Grachev A.V., Prudius I.G. The motif of restoration/reconstruction of a building as a marker of house destruction (on the material of A. Walsh's screenplay 'The house'). In: Echo of Astafiev: the relevance of creative heritage (to the 100th anniversary of the writer's birth) (Series 'Universals of Culture'). Collection of articles. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, 2024. P. 155–166.
3. Grimova O.A. Narrative intrigues in E.G. Vodolazkin's novel 'Chagin'. In: New Philological Bulletin. 2023. No 4 (67). P. 235–245.

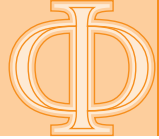
4. Grimova O.A. The organisation of narrative intrigue in the modern novel: the main trends. In: Narratorium. 2020. No 13. URL: <https://narratorium.ru/2020/11/02/o-a-grimova-organizatsiya-narrativnoy-i/> (access date: 28.10.2024).
5. Zhilicheva G.A. Intrigue as a category of historical narratology. In: Narratorium. 2020. No. 14. URL: <https://narratorium.ru/2020/11/29/448/> (access date: 28.10.2024).
6. Zhilicheva G.A. The neocumulative intrigue in modern prose (on the material of A. Salnikov's novels). In: Narratorium. 2022. No. 16. URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/g-a-zhilicheva-novosibirsk-npgu-moskva/> (access date: 28.10.2024).
7. Zhilicheva G.A. The intrigue of peripetias in the narratives of Russian literature: diachronic aspect. In: Narratorium. 2021. No. 15. URL: <https://narratorium.ru/2021/12/23/509/> (access date: 28.10.2024).
8. Krivonos V.Sh. L. Tolstoy's 'Notes of a madman': text and narrative intrigue. In: New Philological Bulletin. 2014. No. 4 (31). P. 101–109.
9. Pynchon T. *Inherent vice*. Translation from English by M.V. Nemtsov. Moscow: Inostranka Publishing House, 2023. 512 p.
10. Thesaurus of historical narratology (on the material of Russian literature): experimental dictionary. Ed. by V.I. Tyupa. Moscow: Editus, 2022. 316 p.
11. Tyupa V.I. Horizons of historical narratology. St. Petersburg: Aleteia, 2021. 270 p.
12. Tyupa V.I. *Theory of Literature*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2024. 254 p.
13. Tyupa V.I. The ethos of narrative intrigue. In: Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2015. No. 2. P. 9–19.
14. Typological interaction in the modern literary process / M.I. Voropanova, S.G. Lipnyagova, T. A. Poluektova, N.S. Shalimova Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2021. 92 p.
15. Schmid W. *Narratology*. 2nd edition. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2008. 304 p.
16. Di Vilio A. *Inherent Vice: Thomas Pynchon beyond the Postmodern Fiction and Anti-Detective Novel*. In: Bibliotekarz Podlaski Ogólnopolskie Naukowe Pismo Bibliotekoznawcze i Bibliologiczne. 2020. No. 47(2). P. 281–292.
17. Pynchon T. *Inherent vice*. New York: Penguin Books, 2009. 284 p. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/thomas-pynchon/pdf-epub-inherent-vice-download-15963616660/> (access date: 05.11.2024).
18. Poluektova T.A. English-language photo-ecphrastic detective of the second half of the 20th century (A. Christie, T. Findley): tradition and innovation. In: Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2024. 2024. Vol. 24. No. 3. P. 309–318.
19. Prudius I.G. The central character in the late dramaturgy of J. Anouille (1978–1987): typology and evolution: abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences: 10.01.03. Moscow, 2014. 18 p.

20. Prudius I.G., Shalimova N.S. The features of the initiation novel in the P. Christen and S. Verdier's biographical graphic novel 'Orwell'. In: *Philology. Theory & Practice*. 2024. No. 3. P. 762–767.
21. Razzell P. *Inherent Vice Diagrammed: the making of a new Pynchon resource*. In: *ThomasPynchon.com*. 2019. URL: <https://thomaspynchon.com/inherent-vice-diagrammed/> (access date: 05.11.2024).

Prudius, Irina G. – PhD (Philology), Associate Professor, World Literature and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: prudius@kspu.ru

Zhuravlev, Maxim A. – BA (Philology), Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: maks.zhuravlev.2002@bk.ru

УДК 821.161.1

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПЕКТР ЛИТЕРАТУРНОГО ТИПА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ПРОЗЕ РУБЕЖА XX–XXI вв.

Е.В. Алексеевич (Витебск, Беларусь)

Аннотация

Постановка проблемы. Образ «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. представляет собой сложный и многоаспектный литературный тип, который продолжает эволюционировать параллельно с историческими процессами, социокультурными переменами и литературными тенденциями. Вопрос о том, как изменяется семантика и функциональный спектр данного образа в произведениях современных авторов, требует детального анализа.

Целью данной статьи является анализ семантики и функционального спектра образа «маленького человека» в русской прозе конца XX – начала XXI в. Статья посвящена исследованию эволюции данного типа в различных литературных парадигмах, а также анализу социокультурной ситуации, повлиявшей на его формирование.

Обзор научной литературы по проблеме. В рамках исследования мы ссылаемся на научные работы О.Р. Хомяковой, Е.В. Крикливец, J. Radosz.

Методологическая основа исследования включает использование сравнительно-типологического и культурно-исторического методов для сопоставительного анализа типа «маленького человека» и его функционального диапазона в разных художественных парадигмах.

Результаты исследования. Исследование показывает, что в *реалистической парадигме* «маленький человек» предстает как жертва социальной несправедливости, демонстрирует трудности адаптации к меняющейся реальности, отражает внутренние психологические травмы и переживания. В *модернистском дискурсе* персонажи становятся антигероями или приспособленцами «системы». Они часто являются карикатурными и символическими образами, которые служат инструментом критики социальных и политических реалий. В *постмодернистской эстетике* образ «маленького человека» приобретает абсурдные черты и маргинализируется, отражая утрату традиционных ценностей и моральное разложение общества.

Выводы. Литературный тип «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. демонстрирует значительное расширение семантики и функционального спектра, подробно отражая как внутренние кризисы представителей эпохи, так и внешние социокультурные и политические изменения. «Маленький человек» продолжает быть важным литературным типом, который позволяет исследовать и интерпретировать сложные аспекты человеческого существования и общественного устройства сквозь призму авторского сознания.

Ключевые слова: *маленький человек, русская проза, реализм, модернизм, постмодернизм, семантика, функциональный спектр, литературные направления, социокультурные изменения, деконструкция.*

Постановка проблемы. «Маленький человек» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. представляет собой сложный и многоаспектный литературный тип, который продолжает эволюционировать в контексте социокуль-

турной и эстетической динамики. Классическая концепция «маленького человека», представленная Н. Гоголем и Ф. Достоевским, изображает его как жертву социальных условий, трагически столкнувшуюся с бесчеловечностью окружающего мира, однако с течением времени этот образ значительно изменился. В конце XX – начале XXI в. тип «маленького человека» в русской литературе стал более многогранным и вариативным. Современные авторы, такие как Л. Улицкая, Д. Рубина, В. Маканин, М. Веллер и др., продолжили развивать и модифицировать этот образ, адаптируя его к новым культурным условиям и социальным интересам. Следовательно, проблема заключается в необходимости глубокого анализа изменений в семантике и функциональном спектре образа «маленького человека» в контексте современной литературной ситуации.

Целью данной статьи является анализ семантики и функционального спектра образа «маленького человека» в русской прозе конца XX – начала XXI в. Статья посвящена исследованию эволюции данного типа в различных литературных парадигмах.

Методологическая основа исследования включает использование сравнительно-типологического и культурно-исторического методов для сопоставительного анализа типа «маленького человека» и его функционального диапазона в разных художественных парадигмах.

Результаты исследования. Первая четверть XX в. в России стала эпохой «бури и натиска». В Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. было заявлено, что отныне может существовать только литература «...борющегося великого класса, ведущего за собой миллионы крестьян, – таковы должны быть рамки содержания пролетарской литературы»¹. Некоторые попытки вернуть тему «маленького человека» в литературу, а если быть точнее, реализовать идею перековки «маленького человека» в «героя современности» были осуществлены такими известными писателями, как Н.А. Островский («Как закалялась сталь», 1935), М.М. Зощенко («История одной жизни», 1934). Однако, даже руководствуясь таким подходом, писатели все равно часто становились «мишенью» для гонений. Так, в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г. было заявлено следующее: «В журнале “Звезда” за последнее время, наряду со значительными и удачными произведениями советских писателей, появилось много безыдейных, идеологически вредных произведений. Грубой ошибкой “Звезды” является предоставление литературной трибуны писателю Зощенко, произведения которого чужды советской литературе» [Исторические...]. Некоторые осторожные попытки уйти от идеологически ангажированной тематики были предприняты только в послевоенные годы, к примеру В. Шукшиным («Характеры» (1973), «Сельские жители» (1962)). В своих рассказах Шукшин порой уходил от канонических образов «героев труда» и создавал галерею ярких и необычных образов, которых сам называл «чудиками». Однако «чудики» Шукшина не вполне соответствуют литературному типу «маленького человека», поскольку они активны в своем микромире,

странными они являются не из-за давления со стороны системы, страданий или несправедливости, а по велению своей души. Их отличают внутренняя сила и способность сохранять свою индивидуальность. Таким образом, тип «маленького человека» в русской классической литературе XIX в. не соответствовал концепции личности, сформировавшейся в советской литературе.

Ключевыми событиями, повлиявшими на развитие литературного процесса 1990-х гг., стали отмена цензуры и освобождение литературы от контроля со стороны партийных и государственных структур. После распада СССР в 1991 г. произошли огромные социокультурные перемены. Люди столкнулись с новыми реалиями рыночной экономики, изменениями в политической системе, общественной структуре и зарождением новых ценностей в общественном сознании. Эти события повлияли на повседневную жизнь обычных граждан, создавая новые вызовы, которые нуждались в художественном осмыслении.

Постмодернистские поиски становятся эстетической доминантой, множество ярких литературных явлений создается на стыке художественных систем: реализма и модернизма, реализма и постмодернизма, что породило дебаты о новом реализме, которые достигли пика в середине 1990-х гг.

Авангардистская эстетика оказала существенное влияние на развитие реализма рубежа веков. Писательское внимание сосредоточилось на личности, более или менее изолированной, воспринимающей внешний мир как страшный и непостижимый хаос, от которого необходимо куда-то уйти (в подсознание, революцию, теургию, память культуры) [Ларина, Новикова, 2024, с. 98].

Таким образом, эстетические принципы реализма вновь становятся актуальными. В рамках обсуждений возникли вопросы о характере реализма. Отмечалось, что новый реализм существенно отличается как от постмодернизма, так и от традиционного реализма. Критики, используя форму манифеста, стремились укрепить онтологические основы «нового реализма». «Новый реализм видит в человеке “правду” боли, слабости, греха, но отображает его в масштабах Истины, в рамках которой человек не только тварь, но и творец, не только раб, но и сам себе освободитель» [Пустовая, 2005, с. 155].

В эпоху глобальных перемен и культурных трансформаций люди начали заново искать и познавать свою идентичность. Литературный тип «маленького человека» опять мог послужить точкой опоры для писателей и читателей, которые стремятся понять свое место и место человека в изменяющемся мире. Образ «маленького человека» в эпоху «нового реализма» претерпел значительную трансформацию в сравнении с классической русской реалистической парадигмой XIX в. Возникает новая тенденция в изображении «маленького человека», переживающего кризис самоидентификации и адаптации к новой реальности. Проблематика литературного героя коррелирует с человеком настоящим, реальным.

Современные авторы-реалисты при создании образа «маленького человека» часто прибегают к аналогичным литературным методам, которые использовались авторами-классиками эпохи критического реализма. В психологическом портрете героя часто акцентируются незначительность, невидимость и отсутствие

выдающихся талантов, подчеркивается жалкий внешний облик: «Пребывать в этом обреченно-подвешенном состоянии было неуютно, особенно если ты маленький, черненький, очкастенький и картавишь: и паспорт не нужно показывать, чтоб нарваться по морде» [Веллер, 2003, с. 8]; «К сожалению, в шутке не было большого преувеличения: нос ее был действительно грушевидно-расплывчатым, а сама Сонечка, долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статью – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу» [Улицкая, 2022, с. 9].

Обитель современного «маленького человека» часто характеризуется скромностью и статичностью предметов. Обстановка жизни «маленького человека» олицетворяет духовное бедствие, внутреннюю апатию и нежизнеспособность, отсутствие сопротивления окружающей среде и несправедливости: «Обычно она брезговала этой коммунальной ванной с потрескавшейся, как слоновья кожа, поверхностью, но теперь она думала о том, что это ее ванна, что это ее покойная бабушка жила в этой квартире с самого одиннадцатого года, и дедушка жил здесь, и отец здесь родился, и вся эта квартира принадлежала ей по праву рождения, а все эти теперешние соседи, пришлые захватчики, подселенцы, вчерашняя деревенщина, – никто из них даже не подозревает, что она и есть настоящая хозяйка... И горько-сладкая обида, любимая обида нахлынула на Светлану...» [Улицкая, 2006, с. 279].

«Маленький человек» современной русской прозы, как и в творчестве авторов XIX в., зачастую ощущает непреодолимое одиночество: «С грустью подумала она о развалившейся по всем швам жизни, о напавшем внезапно одиночестве, а потом легла на неразобранный диван в проходной комнате, вынула из перевязанной пачки случайного Шиллера и до утра читала – кто бы мог за этим чтением не уснуть! – читала Валленштейна, добровольно отдавшись литературному наркозу, в котором прошла ее юность» [Улицкая, 2022, с. 76].

Природа «маленького человека» в литературе конца XX – начала XXI в., на наш взгляд, не гомологична. Новый «маленький человек» находится в поисках своего места в социуме. Авторское отношение к современному «маленькому человеку» может быть весьма изменчивым: от сочувствия, сострадания и иронии до выражения презрения: «Постмодернизм, ориентированный не на первичную, а на вторичную реальность, не отменяет классические образы, но вводит их в новую целостность, целостность пустых форм, или симулякров» [Хомякова, 2017, с. 106].

«Маленькие люди» в реалистических произведениях часто являются теми, кто не смог адаптироваться к радикальным изменениям, характерным для завершения XX в., но при этом не утратил чувства собственного достоинства. Они часто становятся жертвами жизненных обстоятельств или социально-политических условий. В своей монографии Е.В. Крикливец отмечает: «Теперь он – “песчинка истории” и его судьба редко зависит от него самого» [Крикливец, 2020, с. 149].

В качестве примера можно привести Петра, главного героя повести Д. Рубиной «На верхней Масловке». Петр является несостоявшимся режиссером,

однако человеком невероятных интеллектуальных способностей. В силу жизненных обстоятельств он живет в подсобке мастерской старой художницы и заботится об Анне Борисовне, которой 95 лет. Проводя параллели между собой и личностью Анны Борисовны, Петя ощущает себя ничтожным, аналогично карлику из сказки «Карлик-Нос». В этой параллели он усматривает отражение своих отношений с Анной Борисовной: подобно тому как старая ведьма заколдовала мальчика и держала его в зависимости, Анна Борисовна демонстрирует свою власть над Петром.

В модернистском дискурсе «маленький человек» – отражение массового сознания, своего рода «человек свиты». В.В. Серов в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений», ссылаясь на одноименное произведение В. Маканина, дает следующие определение: «Человек свиты – иронически о том, кто служит только интересам руководства, живет его заботами, не имеет собственного мнения» [Серов, 2005, с. 819]. Образ Мити Родионцева из вышеупомянутой повести В. Маканина становится знаковым примером того, как система превращает людей в раболепствующих, трусливых приспособленцев. «Слепое подчинение начальству, в силу умственных способностей исследуемых персонажей, является прежде всего результатом заранее принятой стратегии самых героев (тесно связанной с нежеланием выделяться)» [Radosz, 2020, p. 213].

Л. Петрушевская активно развивала образ «маленького человека» в литературе последней трети XX в. и в начале нынешнего столетия. Эстетика автора апеллирует к традициям «магического реализма». Герои ее произведений – обычные люди, которые ходят в магазины, на работу, обладают своими недостатками и пороками, и она не стесняется разглашать эти аспекты их жизни. Л. Петрушевская обсуждает в своих произведениях феномен молчащего «маленького человека». Имя героя «Шинели» можно встретить в ее одноименном рассказе «Акакий». Персонажи, созданные Л. Петрушевской, представлены в разных социальных средах и возрастных группах. Даже женские образы несут черты сходства с главным героем «Шинели» – Акакием Акакиевичем Башмачкиным. Центральным мотивом, объединяющим этих персонажей и отражающим интерес писателя к герою «Шинели», является молчание.

Молчание Акакия Акакиевича делает его одним из самых загадочных персонажей русской литературы. Интерпретации причины этого молчания различны: для одних оно проявление святости, для других – излишней кротости, для третьих – мизантропии и т.д. В рассказе «Акакий» Л. Петрушевская представляет два источника молчания с противоположными моральными характеристиками: успешный писатель Р., которому свойственна слабость к девушкам-подросткам, и его любовница, студентка Верка. В сцене изнасилования девушки бандитами перед дверью «покровителя» Верка умалчивает о настоящем произошедшем, представляя ситуацию как ограбление с целью украсть мобильный телефон. «Покровитель» знает правду, но предпочитает принять версию девушки, избегая конфронтации с тяжелыми фактами. Это напоминает поступок гоголевского Акакия Акакиевича, который, когда ему становится страшно на безлюдной площади

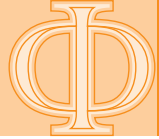
Петербурга, просто закрывает глаза. Современный успешный Акакий в первую очередь избегает чужих проблем.

Можно заключить, что тип «маленького человека» в современной литературе часто подвергается авторской семантической деконструкции. «Деконструкция» – это термин современной философии и искусства, подразумевающий понимание через разрушение стереотипов или перенос их в новый контекст. Понятие основано на предположении, что смысл формируется в процессе восприятия, а привычные представления либо поверхностны, либо навязаны автором [Грицанов, 2001, с. 278].

Одной из ключевых характеристик «нового реализма» и модернистской эстетики является пристальное внимание писателей к достоверности психологического содержания произведений. Отчетливо выделяется стремление к концептуализации травматического опыта (Л. Улицкая, Л. Петрушевская, Д. Рубина). В изображении нового «маленького человека» прослеживаются стремление обнаружить художественные аспекты в повседневности, попытка объединить художественность и документальность. Так, например, проживание пережитых измен, которые привели к психологическим проблемам у жертв подобных отношений, выступает частой темой в творчестве и реалистов, и модернистов: «Она кричала, захлебываясь слезами и соплями, чуть ли не душила себя сама. Она зачем-то обращалась за утешением к своему любимому мужу, который ей только что изменил с другой!» [Петрушевская, 2008, с. 18].

Авторское переосмысление канонов классической литературы – распространенный прием постмодернистского дискурса. В качестве примера стоит привести рассказы из цикла «Легенды Невского проспекта» М. Веллера, в которых отчетливо прослеживается аллюзия на гоголевскую «Шинель» и «Преступление и наказание» Ф. Достоевского соответственно. Однако если для Башмачкина шинель во многом является жизненной необходимостью и результатом большого количества лишений и страданий, а потеря шинели становится невозможной утратой, то для Фимы Бляйшица шляпа – всего лишь трофей, символ собственной значимости, но никак не жизненная необходимость. В рассказе «Легенда о теплоходе “Вера Артюхова”» после совершенного убийства из-за давления жены и угрызений совести герой приходит с повинной, а система и ее представители спасают себя от нежелательных последствий этого шага и международного скандала, объявив вахтенного душевно больным. В отличие от духовного пути Раскольникова, попытка покаяния в рассказе М. Веллера не связана с духовным развитием или экзистенциальным скачком в развитии персонажа, а банально – со слабой волей и страхом.

В творчестве писателей-постмодернистов «маленький человек» нередко приобретает абсурдистские черты. Так, герой рассказа «Эдипов комплекс» Дмитрия Липскерова представляет собой невротика, который собирает своеобразную «коллекцию» историй о самоубийствах, осуществляемых с особым изобретательством. В этом «ассортименте» первым эпизодом значится гибель его матери, которая записалась на курсы прыжков с парашютом, а затем

выпрыгнула без него. «Юбилейным, пятидесятым» – собственный акт самоуничтожения героя, который он совершает, засыпав спичечную серу в отверстие в своей голове. В фантазмагорическом романе «Осени не будет никогда» люди превращаются в крыс, а крысы в людей; главный герой – художник-неудачник, пьяница, одержимый осенней опавшей листвой, которая не только служит источником его искренней радости и вдохновения, но и буквально способна залечить у него ножевые ранения.

Приемы абсурдизации повествования, которыми пользуется Д. Липскеров, основаны на антиномии нормы и абсурда, эти приемы становятся инструментом для постижения сознания героя-маргинала. Метафорический характер этих приемов раскрывает алогичность современного мира в культурном и социальном аспектах, демонстрируя склонность героев к утрате себя в конкретной реальности, которая порой неотличима от безумного сна. Все герои Д. Липскерова в итоге несчастливы, и мир, в котором они живут и умирают, нисколько не становится лучше. Так писатель раскрывает тему потенциально бесконечной трагедии «маленьких людей».

Функциональный спектр образа «маленького человека» в актуальной литературе весьма широк и может включать в себя критику политической обстановки, анализ социокультурных тенденций и попытку рефлексии над собой и обществом. Современная литература часто использует образ «маленького человека» для выражения авторской философии и мировоззрения. Функциональный спектр «маленького человека» в русской прозе разнообразен, поскольку отражает сложность меняющегося общества и многообразие жизненных ситуаций, с которыми сталкиваются его герои. Герои реалистических произведений зачастую трагичны. Так, Сонечка, главная героиня одноименной повести Л. Улицкой, является ярким образом жертвенности. Она беспрекословно исполняет все традиционные женские обязанности: бесконечно предана мужу, идеально ведет хозяйство. Вместе с мужем она стойко и героически переживает военное время, воспитывает ребенка в тяжелых условиях, делая все возможное и невозможное для благополучия дочери и супруга. Всю свою жизнь она самозабвенно отдавала себя семье и сохранению очага.

Казалось бы, героиня достойна того, чтобы ее жертвенность была вознаграждена в полной мере, однако судьба сначала отнимает у нее замечательный дом, нажитый невероятными усилиями, дочь уезжает в другой город к своему парню, муж увлекается молодой девушкой, которую Сонечка фактически удочерила ранее (и даже это она самоотверженно терпит, принимает и оказывает поддержку их отношениям), а затем ее муж вовсе умирает. Самоотверженность Сонечки достигает абсурда, поскольку даже после смерти мужа она опекает его удочеренную любовницу, сближается с ней еще сильнее, помогает наладить жизнь, уехать в Польшу и удачно выйти замуж, а сама остается доживать остаток дней в полнейшем одиночестве.

На наш взгляд, Л. Улицкая поднимает в «Сонечке» философский вопрос о гендерных стереотипах в отношении женщин, осуждая традиционное навязывание

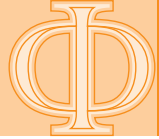
таких качеств, как покорность и терпеливость, а также пытается осмыслить проблему болезненных взаимоотношений индивидов. Эту же проблему в своей повести «На Верхней Масловке» затрагивает и Д. Рубина, рассказывая читателю о сложных отношениях Петра и Анны Борисовны, которые проживают под одной крышей. Они постоянно конфликтуют, обвиняют друг друга в «отравлении жизни», однако жить друг без друга тоже не в состоянии.

«Маленький человек» часто выступает символом утраты ценностных ориентиров. «Маленькие люди» современной прозы вполне себе способны на нарушение общепринятых норм морали и добродетели (готовы торговать своим телом, пойти на убийство, воровство, коррупцию). Отражение и осмысление общественных пороков может реализовываться через абсолютно разные авторские подходы: как острую сатиру и сарказм М. Веллера, так и порой пугающе правдоподобный бытовой реализм Л. Улицкой.

«Маленький человек» является отражением социокультурных явлений и перемен. Герой такого типа может пытаться адаптироваться к новым условиям или остается верен старым ценностям и традициям. Примерами героев-приспособленцев могут послужить Фима Бляйшиц, Марина из цикла рассказов М. Веллера. Так, Фима Бляйшиц – типичный «изгой» системы, значительную часть своей жизни подвергавшийся дискриминации по национальному признаку, находит пути приспособления в обществе потребителей и выстраивает свою криминальную империю. Марина из одноименного рассказа, родившаяся в маргинальной семье, в поисках лучшей жизни и нового статуса становится частью триады «товар–деньги–товар», сперва она начинает заниматься проституцией, а затем идет на сотрудничество с КГБ, выуживая информацию из иностранцев. Ее окружение значительно меняется, она заводит новых влиятельных знакомых, получает дорогие подарки. Аля Тогусова в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» жила в нищете, неоднократно подвергалась изнасилованиям, однако, упорно трудясь и иногда поступаясь моральными принципами, она успешно оканчивает университет, а затем удачно выходит замуж. Отметим, что в реалистической «женской прозе» часто поднимаются проблемы сексуального насилия и последовавшей за ним деформации личности либо психических расстройств: Светлана из романа «Искренне ваш Шурик», Яся из повести «Сонечка» Л. Улицкой.

Отражая социальные трансформации, «маленький человек» может выступать и символом сопротивления, о чем свидетельствует образ Толика Куренкова, героя повести В. Маканина «Антилидер». Толик – «человек смирный, спокойный, но иногда (раз в год, раз в два года) он как бы ревнует и вдруг начинает копить зло на человека, который излишне выделяется» [Маканин, 1988, с. 399].

Карикатурное изображение центрального персонажа, комичность происходящих ситуаций, обилие юмора создают обманчивое впечатление несерьезности конфликтов, однако за этой ширмой скрывается полноценный социальный протест и конфликт между «значимым лицом» и «маленьким человеком». В. Маканин деконструирует само понятие «значимый человек». Здесь «значимыми лицами» выступают карикатурные персонажи (Большаков, Тюрин, Сыропцевцев),

являющиеся в том или ином смысле антиподами главного героя, вызывающие у него глубокое чувство неприязни и невозможности мирного разрешения ситуации. Сперва может показаться, что Куренков просто завистливый или ревнивый, о чем высказывают предположение некоторые второстепенные персонажи, однако в дальнейшем становится понятно, что действия главного героя иррациональны. Драки, вербальные оскорбления со стороны Куренкова в сторону неприятных ему людей представляют собой вызов героя реальности и социальному неравенству.

Сопrotивление «маленького человека» наблюдается и в произведениях, написанных в собственно реалистическом ключе. Например, Лена Стомба из романа Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик» попала в кажущуюся неразрешимой ситуацию. Дочь высокопоставленного офицера строгих нравов, она оказывается фактически матерью-одиночкой ребенка от темнокожего любовника. Ее возлюбленный кубинец становится жертвой политических репрессий правительства Фиделя Кастро и попадает в тюрьму. Предпринимая множество попыток, зачастую жертвуя собственной честью и достоинством, героиня умудряется воссоединиться с отцом ребенка и покинуть СССР в поисках лучшей судьбы для своей семьи в США.

Выводы. Русская проза конца XX – начала XXI в. продолжает развивать образ «маленького человека», актуализируя его для аудитории конкретной эпохи и отвечая вызовам данной эпохи. Образ «маленького человека» остается важным элементом литературной традиции и способен отражать сложные и многогранные аспекты человеческой жизни и общества, расширяя свою семантику и функциональный спектр и реализуясь в реалистическом, модернистском и постмодернистском дискурсах (табл.).

**«Маленький человек»
“The small person”**

	Реализм	Модернизм	Постмодернизм
Семантика	Трудности с адаптацией к реальности, трагизм бытия, подверженность дискриминации и социальной несправедливости. Авторы делают акцент на психологизме персонажей	«Маленький человек» воплощает в себе черты антигероя или приспособленца. Использование сатирической условности в изображении героя	«Маленький человек» – представитель маргинальной среды. Авторы концентрируются на «эстетике низов», «маленький человек» приобретает абсурдные черты
Функциональный спектр	Основной функцией «маленького человека» в реалистическом дискурсе является изображение трудности адаптации к меняющейся социальной действительности. Авторы фокусируются на теме страдания, одиночества, бытовых проблем и психологических травм	Тип «маленького человека» выступает инструментом изобличения социальных проблем, способом выражения авторского отношения к современным реалиям	«Маленький человек» отражает смену ценностной парадигмы, утрату нравственной составляющей, моральное разложение общества

Таким образом, литературный тип «маленького человека» в русской прозе рубежа XX–XXI вв. представляет собой динамичную и многослойную концепцию, отражающую рецепцию литературной традиции и трансформацию социокультурной реальности.

Библиографический список

1. Васильева О.Н. Роман В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф.М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности) // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. С. 1826–1834.
2. Веллер М.Ю. Легенды Невского проспекта. СПб.: Пароль, 2003. 416 с.
3. Грицанов А.А. Всемирная энциклопедия: Философия. М.: Аст, 2001. 1312 с.
4. Исторические источники по истории России XX в. на русском языке в Интернете (Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова). URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/ussr.htm> (дата обращения: 20.09.2024).
5. Крикливец Е.В. Жанрово-стилевая модификация повести в русской и белорусской реалистической и модернистской прозе второй половины XX века: сравнительно-типологический аспект: монография. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. 216 с.
6. Ларина М.В., Новикова Е.О. Герой рассказа Р. Сенчина «Конец сезона» в парадигме «лишних людей»: схождения и отталкивания // Сибирский филологический форум. 2024. № 2 (27). С. 92–105.
7. Липскеров Д.М. Осени не будет никогда. М.: Аст, 2011. 320 с.
8. Липскеров Д.М. Эдипов комплекс. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 496 с.
9. Маканин В.С. Отставший: повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1988. 431 с.
10. Петрушевская Л.С. Черная бабочка. СПб.: Амфора, 2008. 299 с.
11. Пустовая В.Е. Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм // Октябрь. 2005. № 5. С. 153–164.
12. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
13. Улицкая Л.Е. Искренне ваш Шурик. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
14. Улицкая Л.Е. Сонечка: повесть, рассказы, пьесы. М.: АСТ, 2022. 475 с.
15. Хомякова О.Р. Возвращение маленького человека в литературе постмодернизма (от Александра Пушкина к Виктору Пелевину // Белая вежа. 2017. № 5. С. 105–111.
16. Radosz J. Лишний человек и маленький человек в русской литературе XXI века // Przegląd Rusycystyczny [Русское обозрение]. 2020. No. 172 (4). P. 207–217. DOI: 10.31261/pr.9101

Сведения об авторе

Алексеевич Евгений Викторович – аспирант кафедры белорусской и русской филологии, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Республика Беларусь); e-mail: yevgeniyalex@rambler.ru

SEMANTICS AND FUNCTIONAL SPECTRUM OF 'A MAN OF NO IMPORTANCE' AS A LITERARY TYPE IN RUSSIAN PROSE AT THE TURN OF 20TH – 21ST CENTURIES

Y.V. Alekseyevich (Vitebsk, Belarus)

Abstract

Statement of the problem. The image of 'a man of no importance' in Russian prose at the turn of the 20th and 21st centuries represents a complex and multifaceted literary type that continues to evolve in parallel with historical processes, sociocultural changes, and literary trends. The question of how the semantics and functional range of this image change in the works of contemporary authors remains underexplored and requires detailed analysis.

The purpose of this article is to analyze the semantics and functional spectrum of the image of 'a man of no importance' in Russian prose of the late 20th and early 21st centuries. The article is focused on studying the evolution of this type within various literary paradigms and analyzing the sociocultural context that influenced its formation.

Literature review. In the course of the research, we refer to scholarly works by Khomyakova O.R., Kriklivets E.V., Radosz J.

Methodology. The research methodology includes the use of comparative-typological and cultural-historical methods for a comparative analysis of the 'man-of-no-importance' type and its functional range across different artistic paradigms.

Research results. The research shows that in the realistic paradigm, 'a man of no importance' appears as a victim of social injustice and struggles to adapt to the changing reality, reflecting internal psychological traumas and experiences. In modernist discourse, characters become antiheroes or conformists within the 'system', often serving as caricatured and symbolic figures used to criticize social and political realities. In postmodernist aesthetics, the image of 'a man of no importance' acquires absurd traits and is marginalized, reflecting the loss of traditional values and satirical ridicule of the moral decay of the society.

Conclusions. The literary type of 'a man of no importance' in Russian prose at the turn of the 20th and 21st centuries demonstrates a significant expansion in semantics and functional scope, thoroughly reflecting both the internal crises of the era's representatives and the external sociocultural and political changes. The 'man of no importance' remains an important literary type that allows for the exploration and interpretation of the complex aspects of human existence and societal structure through the prism of the author's consciousness.

Keywords: *a man of no importance, Russian prose, realism, modernism, postmodernism, semantics, functional spectrum, literary trends, sociocultural changes, deconstruction.*

References

1. Vasilieva O.N. The Novel "Underground, or a Hero of Our Time" by V.S. Makanin in Dialogue with the Works of F.M. Dostoevsky (On the Problem of Intertextuality) // Bulletin of Bashkir University. 2012. No. 4. P. 1826–1834.
2. Veller M. Legends of Nevsky Prospekt. St. Petersburg: Parol, 2003. 416 p.

3. Gritsanov A.A. World Encyclopedia: Philosophy. Moscow: AST, 2001. 1312 p.
4. Historical sources on the history of Russia in the 20th century in Russian on the Internet (Electronic library of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov). URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/PICT/ussr.htm> (access date: 09.20.2024).
5. Kriklivets E. Genre-style modification of the story in Russian and Belarusian realistic and modernist prose of the second half of the twentieth century: a comparative-typological aspect: monograph. Vitebsk: VSU named after P.M. Masherov, 2020. 216 p.
6. Larina M., Novikova, E. The Hero of R. Senchin's Story "The End of the Season" in the Paradigm of "Superfluous People": Convergences and Divergences // Siberian Philological Forum. 2024. No. 2 (27). P. 92–105.
7. Lipskerov D.M. Autumn Never Comes. Moscow: Ast, 2011. 320 p.
8. Lipskerov D.M. Oedipus Complex. Moscow: Eksmo-Press, 2002. 496 p.
9. Makanin V. The Fallen Behind. Novellas and Stories. Moscow: Fiction Literature, 1988. 431 p.
10. Petrushevskaya L. The Black Butterfly. St. Petersburg: Amphora, 2008. 299 p.
11. Pustovaya V. Defeatists and Transformers. On Two Relevant Views on Realism // October. 2005. No. 5. P. 153–164.
12. Serov V. Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions: Over 4000 Articles. 2nd ed. Moscow: Lokid-Press, 2005. 880 p.
13. Ulitskaya L. Sincerely Yours, Shurik. Moscow: Eksmo, 2006. 448 p.
14. Ulitskaya L. Sonechka: Novella, Stories, Plays. Moscow: AST, 2022. 475 p.
15. Khomyakova O. The Return of the Little Man in Postmodernist Literature (from Alexander Pushkin to Viktor Pelevin) // White Tower. 2017. No. 5. P. 105–111.
16. Radosz J. The Superfluous Man and the Small Person in Russian Literature of the 21st Century // Przegląd Rusycystyczny [Russian Review]. 2020. No. 172 (4). P. 207–217. DOI: 10.31261/pr.9101

About the author

Alekseyevich, Yauheny V. – PhD Candidate, Department of Belarusian and Russian Philology, Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Republic of Belarus); e-mail: yevgeniyalex@rambler.ru

УДК 82-311.2

МИФОЛОГЕМЫ МОСКВЫ, ИЛИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ ПРОДОЛЖАЕТ ТРАДИЦИИ ПРОШЛОГО

М.А. Бипперт (Красноярск, Россия)**А.Э. Мороз (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. Проблема исследования заключается в выявлении и анализе преемственности мифологем московского текста в русской литературе XXI в. Несмотря на значительное внимание к петербургскому тексту в литературоведении, московский текст остается менее изученным, хотя он также представляет уникальный набор символов и архетипов, раскрывающих культурные и духовные особенности столицы.

Целью работы является изучение мифологем, образующих мифопоэтику московского текста в литературе. Анализируется, как эти символы и архетипы формируют образ Москвы как культурного и духовного центра России, а также каким образом они находят отражение в произведениях А. Рубанова, Р.В. Сенчина, С. Минаева и И. Шипнигова.

Методология. В исследовании применяются методы литературного и культурологического анализа, включающие изучение символов, архетипов и мифологем, представленных в произведениях. Особое внимание уделено сопоставительному анализу московского текста и национального мифа о Москве. Используются историко-культурный подход и анализ концепта «Москва – Третий Рим» в контексте литературной и исторической традиции.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что мифологемы московского текста формируются через мифы о Москве как Третьем Риме, крепости, лабиринте. Эти мифологемы не только отражают уникальные аспекты восприятия столицы, но и укоренены в национальной идентичности и религиозной традиции. Особую значимость имеет миф «Москва – Третий Рим», который подчеркивает роль столицы в сохранении традиций России и ее значение как культурного центра.

Ключевые слова: *московский текст, Москва, миф, Третий Рим, город, лабиринт, топонимика, мифологема, традиции, культурный код, образ Москвы.*

П*остановка проблемы.* Понятие «московский текст» вошло в филологический обиход в начале 1990-х гг., когда постсоветское пространство столкнулось с острой необходимостью пересмотра и переоценки культурных кодов, в том числе и пространственно-литературных образов столицы. Московский текст, как и петербургский текст, подробно проанализированный В.Н. Топоровым, представляет собой особый тип литературной топографии, созданный путем совокупности литературных произведений, в которых Москва является не только фоном, но и отдельным субъектом повествования. В отличие от петербургского текста, который обладает почти каноническими чертами, московский

текст отражает неоднородность и многослойность городской реальности, насыщенной контрастами и парадоксами.

Научное сообщество и сейчас находится в процессе нахождения единой концепции московского текста. Интерес к данной теме в отечественной филологии только возрастает. В данной области работы разнообразны с точки зрения номинативного подхода – разности наименований «городской текст», «локальный текст», «локальный свертхтекст». Показано, что литература современности может помочь расширить мифопоэтический концепт московского текста, возможно, даже унифицировать его.

Целью данной работы является анализ уже известных мифологем московского текста в современных отечественных романах.

Методологическая основа. В статье используются филологический анализ художественного текста, лексико-семантический анализ произведения.

Обзор литературы. Понятие «петербургский текст», предложенное В.Н. Топоровым, стало основой для множества исследований, посвященных феномену «московского текста» (А.П. Ауэр, Н.М. Малыгина, С.М. Телегин и др.). Отмечается также активный интерес к проблемам локального текста и в литературе регионов [Срмикян, 2024, с. 82].

Под московским текстом принято понимать совокупность тем, мотивов, образов и сюжетов, связанных с Москвой. Еще А.С. Пушкин отмечал, что перенос столицы в Петербург не привел к утрате семиотической значимости Москвы. Напротив, ее семиосфера преобразилась: внутренние векторы смыслов изменились, а в некоторых аспектах даже усилились. После утраты столичного статуса в XIX в. Москва начала ассоциироваться с чертами, присущими как самому городу, так и допетровской Руси. На этом фоне противопоставление Петербурга как символа Запада и Европы, а Москвы как символа Востока и Азии выглядит закономерным.

Н.Е. Меднис указывает, что к началу XX в. в литературе сложились три ключевых образа Москвы: сакральная Москва, выступающая семиотическим символом Святой Руси, бесовская Москва и Москва праздничная [Меднис, 2003, с. 26]. В свою очередь, М.В. Селеменова в своей статье отмечает, что в московском тексте первой половины XX в. ярко проявляется противопоставление двух основных образов города: православной Москвы и Москвы светской, антихристианской. Причем в последнем образе исследовательница выделяет черты праздника и бесовства [Селеменова, 2009, с. 25].

Значимость Москвы в русской истории и культуре находит отражение в большом количестве художественных произведений. Однако эти тексты не обладают внутренней цельностью, достаточной для однозначного признания московского текста полноценной литературной концепцией.

Существование московского текста именно как системного явления ставит под сомнение сам В.Н. Топоров. Одной из ключевых причин он называет отсутствие у Москвы мощного текстопорождающего фундамента, который мог бы

быть основан на эсхатологическом мифе [Топоров, 1995, с. 112]. Противники московского текста не находили миф, который обладает текстопорождающими свойствами. В качестве примера-образца приводили миф о миражном городе на воде в петербургском и венецианском текстах, миф Тавриды в крымском тексте и прочие.

Однако понятие «московский текст» начинает восприниматься как единое целое благодаря развитию московской прозы в первой половине XX в. Вклад в формирование этого феномена внесли такие писатели, как А. Белый, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин, А. Платонов, Б.А. Пильняк, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак и Л.М. Леонов.

В современной прозе немало текстов, претендующих на звание «московских». Для анализа мы будем использовать романы периода XXI в. Романы, заинтересовавшие нас ярко представленной топонимикой столицы: А. Рубанов «Сажайте, и вырастет» (2005), Р.В. Сенчин «Московские тени» (2009), С. Минаев «Dухless. Повесть о ненастоящем человеке» (2006), И. Шипнигов «Стрим» (2021).

Результаты исследования. Мифологемы московского текста представляют собой совокупность символов, архетипов и культурных стереотипов, которые воплощают уникальный образ Москвы в литературе, искусстве и общественном сознании. Как концепт московский текст исследовался на фоне анализа петербургского текста, который характеризуется своеобразной мифологизацией Санкт-Петербурга.

Термин «московский текст» появился в рамках изучения культурных кодов и символики русской литературы, сосредоточенных вокруг образа Москвы как культурного, духовного и исторического центра России.

Исследователи выделяют несколько основных мифологем, которые выражают различные аспекты символического восприятия Москвы в русской литературе. Среди них можно отметить миф о Москве как Третьем Риме, образ Москвы-крепости, идею Москвы как лабиринта, а также двойственный образ Москвы как города святости и греха. Эти мифологемы особенно выразительно проявляются в отечественном романе, который способен наиболее глубоко и многосторонне раскрыть национальные архетипы и мифологические коды [Лихачев, 2000, с. 52–53].

Одной из ключевых мифологем московского текста является миф «Москва – Третий Рим». Эта мифологема укоренена в представлении о Москве как о преемнике Византии, что нашло отражение в исторической и литературной традиции. Ее возникновение связано с XV–XVI вв., когда Русь стала воспринимать себя как единственное православное государство и Москва начала считаться «Третьим Римом», то есть новым центром мировой христианской веры после падения Византии [Лихачев, 2000, с. 63]. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский вторят: «В идее “Москва – Третий Рим” сливались две тенденции – религиозная и политическая...» [Лотман, Успенский, 1982, с. 237]. Позднее мифологема была экстраполирована на всю культуру, социум – город стал не только религиозно-политическим центром, но и социокультурным, вобрал в себя авторитарность, сакральность во всех аспектах.

Московский текст Р. Сенчина «Московские тени» перекликается с мифологемой «Москва – Третий Рим», одновременно отсылая к ее сакральной основе и ставя под сомнение ее актуальность в современном контексте: – *Видел там на витрине плакат? На одной половине панорама Москвы – «Сердце всей Руси святой», а на другой – «Довгань»* [Сенчин, 2009, с. 8]. Фраза *Сердце всей Руси святой* явно восходит к традиционной концепции Москвы как центра православной культуры, духовного стержня Руси. Плакат пытается закрепить это сакральное представление, противопоставляя Москве остальную Россию как периферию. Формат плаката (разделение на две половины) символизирует двойственность современного образа Москвы. Одна часть подчеркивает величие, возвышенность и святость столицы, а другая – коммерциализацию, охватившую город.

Схожим образом отражена мифологема в романе А. Рубанова «Сажайте, и вырастет», где Россия называется *Империей*, а образ столицы транслируется героем через эмоцию восхищения: *Столица Империи – особенный город* [Рубанов, 2020]. Для протагониста город является особенным в двух планах: сакральное место, которое дает почву для роста, развития, и место, где существуют социальные проблемы, тюрьмы, несчастные люди.

В романе И. Шипнигова «Стрим» Москва, наоборот, противопоставляется России (*Рашке*) и дистанцирует автора от общенационального контекста. Это противопоставление нарушает традиционное единство мифологемы, где Москва – сердце России, неделимое от ее судьбы: *вообще мне в Москве нравится, я даже иногда забываю, что я в Рашке* [Шипнигов, 2021, с. 211]. Фраза *иногда забываю, что я в Рашке* указывает на восприятие Москвы как пространства, отличного от остальной России. Здесь мифологема перевоплощается в концепцию «Москва – не Россия», популярную в современном обществе. Москва уже не является центром, объединяющим нацию, а становится островом благополучия, модернизации или даже альтернативного мировоззрения. Это искажает изначальную идею Москвы – Третьего Рима, подразумевающую объединяющую роль города.

Другая важная мифологема московского текста – представление о Москве как городе-крепости. Это восприятие восходит к историческим осадам и войнам, через которые прошел город, и подчеркивает его роль как защитника национальных интересов и культурных ценностей. Этот образ активно используется в романе Льва Толстого «Война и мир», где описана защита Москвы в 1812 г. [Толстой, 1960, с. 341]. Данная мифологема реже отыгрывается в современном русском романе, чем остальные, ввиду того, что на территорию столицы практически невозможно вторгнуться, именно поэтому город скорее нарекают неподступной крепостью, недостижимым для врагов местом, оплотом России: *Город Солнца, утопия, устремленный в небо мегаполис будущего* [Рубанов, 2020]. Так, в романе «Сажайте, и вырастет» герой, называя столицу утопией, в первую очередь говорит о ее изолированности. Фраза Рубанова ставит акцент на футуристическом и утопическом образе, что на первый взгляд противоречит традиционной мифологеме «Москва – город-крепость». Однако анализ позволяет увидеть,

как эти образы перекликаются и трансформируют друг друга. Изначально мифологема «Москва – город-крепость» формировалась вокруг идеи Москвы как центра Руси. Ее кремль и укрепления символизировали мощь, стойкость и сакральный порядок, защищающий русский народ и веру. Цитата о «Городе Солнца» показывает смещение акцента от обороны и укрепления к динамике и развитию. Москва не только воспринимается как защищенная цитадель, но и становится «утопией» – моделью идеального общества.

Город редко репрезентируется как крепость в современном романе, но отдельные районы Старой Москвы воспринимаются героями как нечто закрытое, защищенное. *Патриаршие пруды – некий форт, задуманный ангелом-хранителем Москвы для того, чтобы москвичи могли укрыться за его стенами* – протагонист романа С. Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» так воспринимает одно из ключевых мест центральной Москвы, такое описание лишь подкрепляет мифологему [Минаев, 2020]. Может показаться странным, что не Кремль как часть старого города репрезентируется подобным образом, но для современного москвича Патриаршие пруды – это наиболее сакральное место, там сосредоточена элитарная часть общества, лучшие магазины и рестораны, именно там решаются вопросы по бизнесу, даже глобальнее – меняется вектор развития общества в целом.

В статье Н.Г. Шарапенковой «Мифопоэтическое пространство романа Андрея Белого “Москва”» рассматривается образ города как лабиринта. Автор отмечает, что «мифологема пространства как паучьей сети в романе реализуется в одном из главных лейтмотивов большого города-мегаполиса – “паук”» [Шарапенкова, 2012, с. 96–97]. В рамках этой мифологемы Москва воспринимается как сложное, многоуровневое пространство, где герои блуждают в поисках истины. Этот образ выражает хаотичность и противоречивость, свойственные как городу, так и внутреннему состоянию его обитателей. *Переулок – загогулина старой Москвы – дважды изгибался на ста метрах своей длины. Вдобавок представлял собой крутой спуск. Искривленный во всех трех измерениях, он выглядел очень по-азиатски,* – пишет А. Рубанов в своем романе [Рубанов, 2020]. Такое описание подчеркивает извилистость, многомерность и экзотичность этого пространства. Фраза «дважды изгибался на 100 метрах своей длины» акцентирует внимание на топографической сложности пространства. Лабиринт как символ хаоса и трудности ориентации идеально соответствует описанию переулка. Его многократные изгибы создают не только физическую, но и ментальную дезориентацию – герой оказывается вынужден подстраиваться под пространственные особенности. Упоминание, что переулок искажен *во всех трех измерениях*, усиливает эффект лабиринта. Обычное восприятие города как плоской, предсказуемой структуры разрушается, уступая место мифологеме лабиринта.

Дорожное устройство современной Москвы лишь подкрепляет мысль о том, что столица – лабиринт, архитектура города устроена таким образом, что инфраструктура требует большого количества проездов. Как известно, дорожная

обстановка в Москве сложная, постоянные пробки заставляют жителей избирать «пути обхода»: *Я еду по Кутузовскому, разворачиваюсь под мостом, выезжаю на набережную, потом поднимаюсь вверх, к зданию мэрии. Проезжаю мимо нее, потом поворачиваю на Садовое кольцо мимо американского посольства. На Садовом весьма слабый поток, и я понимаю, что правильно сделал, когда не поехал по бульварам* [Минаев, 2020]. Главный герой романа С. Минаева хорошо знает центр города, так как является его обитателем.

Небезынтересно, что не только сам город можно назвать лабиринтом, но и его центральные локации, гетеротопичные пространства.

В современной гуманитарной науке особое внимание начали уделять исследованию пространства и места. Этот процесс получил наименование «пространственный переворот». Он сделал актуальным понятие «гетеротопии», введенное французским философом Мишелем Фуко в 1966 г. в книге «Слова и вещи». Мишель Фуко классифицировал места, которые «вырывают» нас из повседневности и соотносятся сразу со многими местоположениями. Философ делит их на две категории: утопии – «места без реального места», «в высшей степени нереальные места» – и гетеротопии – это реально существующие, действительные, относящиеся к институциональной сфере общества «другие места», которые являются в то же время фактически осуществленными утопиями. В отличие от утопий, анализ гетеротопий (реально существующих «иных пространств») выполняет не только исследовательскую, но и социально-критическую функцию: он делает видимым маргинальное – скрытую (иную) сторону социальной действительности [Бедаш, 2010, с. 142]. Так, в романе А. Рубанова «Сажайте, и вырастет» тюрьма – это место, в котором реальность перестает быть таковой, это отдельный мир с присущим только ему хронотопом: *Перебрав в уме несколько вариантов, я признался себе, что побег из Лефортовского замка – дело немыслимое. Через окно – не уйти, там все прочно и крепко. Стена у окна – толста. Противоположная, где дверь, точно такая же. Логично предполагать, что и две прочие стены несокрушимы* [Рубанов, 2020]. Герой в подробностях описывает лабиринтную структуру «Лефортовского замка», говорит о множестве ходов, комнат. В романе описание гетеротопичного пространства тюрьмы так же подробно представлено, как и описание Москвы в целом, таким образом, можно предположить, что оба этих образа важны для контекста произведения и для жизни и мировосприятия протагониста.

Москва также воспринимается как город, который сочетает в себе разные эпохи, культуры и архитектурные стили. Эта многоярусность создает ощущение непрерывного движения и изменения, делая город живым организмом, который постоянно развивается и обновляется. В этом контексте уместно рассмотреть, как отыгрывается образ города в московском тексте большинства представленных авторов. В романе А. Рубанова район, где живет герой, *официально признан в столице лучшим по уровню инфраструктуры. Создан по всем правилам современной градостроительной науки. Жизнь граждан продумана до мелочей. Магазины, кинотеатры, рестораны, клубы теснятся вплотную; все новенькое,*

шикарное, яркое [Рубанов, 2020]. В корпусе современных романов о Москве транслируется мысль о том, как «похорошела» столица за последние десятилетия. Если в произведении представлена ретроспектива, то особенно ярко выражается контраст между прошлым и настоящим, Москвой конца 90-х и городом современности. В связи с этим уровень жизни, мировосприятие героев становится позитивнее с течением времени, с улучшением инфраструктуры местности.

Выводы. Современные романы о Москве демонстрируют устойчивость традиционных мифологем, таких как «Москва – город-крепость», «Москва – лабиринт», «Москва – Третий Рим», и их активное присутствие в литературе. Эти образы продолжают функционировать как знаковые концепты, структурирующие как сам текст, так и восприятие Москвы читателем. Произведения современных авторов не только сохраняют, но и развивают классические мифологемы. Они дополняют их новыми элементами, связанными с изменениями городской среды, социальной динамикой и политическими процессами. Это позволяет говорить о живом развитии «московского текста» как литературного феномена.

Современные романы интегрируют в московский текст реалии глобализации, урбанизации и технологической трансформации, что позволяет говорить о сопряжении традиционного культурного кода с новым контекстом. Это делает московский текст более гибким и актуальным для современных читателей. Авторы современных романов используют различные оптики для изображения Москвы: от ностальгических до критических. Это усиливает полифоничность московского текста, делая его более открытым для интерпретаций.

Современные тексты подтверждают наличие устойчивого корпуса литературы, связанного с Москвой. Этот корпус сохраняет концептуальную цельность, поддерживая традиции русской литературы и одновременно предлагая новые подходы к осмыслению городской мифологии. Таким образом, современные романы о Москве не только продолжают классические традиции московского текста, но и активно развивают его, привнося новые смыслы и адаптируя мифологемы к реалиям XXI в.

Библиографический список

1. Бедаш Ю.А. Гетеротопия как практическая философия // Практизация философии: современные тенденции и стратегии. Вильнюс, 2010. С. 139–150.
2. Лихачев Д.С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
3. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык Средневековья. М., 1982.
4. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе / НГПУ. 2003. URL: <http://www.kniga.websib.ru/text.htm> (дата обращения: 09.09.2024).
5. Минаев С.Р. Duxless. Повесть о ненастоящем человеке. М.: Эксмо, 2020. 352 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/417290-33-sergej-minaev-duxless-povest-o-nenastoyachem-cheloveke.html#text> (дата обращения: 05.11.2024).

6. Рубанов А. Сажайте, и вырастет. М.: АСТ, 2020. 384 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/401249-189-andrej-rubanov-sazhajte-i-vyrastet-litres.html#read> (дата обращения: 05.11.2024).
7. Селеменова М.В. «Московский текст» в русской литературе XX в. (на материале художественной прозы 1910–1950-х гг.) // Вестник РУДН. 2009. № 2. С. 20–27.
8. Сенчин Р. Московские тени. М.: Эксмо, 2009. 416 с.
9. Срмикян В.С. Красноярский текст русской литературы: этапы становления // Сибирский филологический форум. 2024. № 3 (28). С. 82–93.
10. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 1–2. 759 с.
11. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. 1995. М.: Прогресс. 624 с.
12. Шарапенкова Н.Г. Мифопоэтическое пространство романа Андрея Белого «Москва» // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskoe-prostranstvo-romana-andreya-belogo-moskva> (дата обращения: 15.11.2024).
13. Шипнигов И. Стрим. М.: Лайвбук, 2021. 480 с.

Сведения об авторах

Мария Артуровна Бипперт – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5722-1581>; e-mail: ma_bippert@list.ru

Мороз Анжелика Эдуардовна – магистрант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6293-7644>; e-mail: angelafrust@inbox.ru

MYTHOLOGEMES OF MOSCOW, OR HOW THE MODERN MOSCOW TEXT CONTINUES TRADITIONS OF THE PAST

M.A. Bippert (Krasnoyarsk, Russia)

A.E. Moroz (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article tackles the issue of identifying and analyzing the continuity of the mythologemes of the Moscow text in Russian literature of the 21st century. Despite significant attention to the St. Petersburg text in literary criticism, the Moscow text remains less studied, although it also represents a unique set of symbols and archetypes that reveal the cultural and spiritual features of the capital.

The purpose of the article is to investigate the mythologemes that form the mythopoetics of the Moscow text in literature. It is analyzed how these symbols and archetypes form the image of Moscow as the cultural and spiritual center of Russia, and how they are reflected in the works of A. Rubanov, R.V. Senchina, S. Minaeva, and I. Shipnigova.

Methodology. The study uses methods of literary and cultural analysis, including the study of symbols, archetypes and mythologemes presented in the works. Particular attention is paid to the comparative analysis of the Moscow text and the national myth of Moscow. Two approaches are used: the historical and cultural one and the analysis of the concept “Moscow is the Third Rome” in the context of literary and historical tradition.

Research results. The study revealed that the mythologemes of the Moscow text are formed through myths about Moscow as the third Rome, a fortress, and a labyrinth. These mythologemes not only reflect unique aspects of the perception of the capital, but are also rooted in national identity and religious tradition. Of particular importance is the myth “Moscow is the third Rome”, which emphasizes the role of the capital in preserving the traditions of Russia and its significance as a cultural center.

Keywords: *Moscow text, Moscow, myth, third Rome, city, labyrinth, toponymy, mythologem, traditions, cultural code, image of Moscow.*

References

1. Bedash Yu.A. Heterotopia as a Practical Philosophy // Practicalization of Philosophy: Modern Trends and Strategies. Vilnius, 2010. P. 139–150.
2. Likhachev D.S. Russian Culture. Moscow: Art, 2000. 440 p.
3. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Echoes of the Concept “Moscow is the Third Rome” in the Ideology of Peter the Great // Artistic Language of the Middle Ages. Moscow, 1982.
4. Mednis N.E. Supertexts in Russian Literature / NGPU. 2003. P. 24. URL: <http://www.kniga.websib.ru/text.htm> (date of access: 09.09.2024).
5. Minaev S.R. Dyxless. A Tale of a Fake Man. Moscow: Eksmo, 2020. 352 p. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/417290-33-sergej-minaev-dyx->

- less-povest-o-nenastoyachem-cheloveke.html#text (access date: 05.11.2024).
6. Rubanov A. Plant and it will grow. Moscow: AST, 2020. 384 p. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/401249-189-andrej-rubanov-sazhajte-i-vyrastet-litres.html#read> (access date: 05.11.2024).
  7. Selemeneva M.V. “Moscow text” in Russian literature of the 20th century. (based on literary prose of the 1910–1950s) // Bulletin of RUDN University. 2009. No. 2. P. 20–27.
  8. Senchin R. Moscow shadows. Moscow: Eksmo, 2009. 416 p.
  9. Srmikyan V.S. Krasnoyarsk text of Russian literature: stages of formation // Siberian Philological Forum. 2024. No. 3 (28). P. 82–93.
  10. Tolstoy L.N. War and Peace. Moscow: Goslitizdat, 1960. Vol. 1–2. 759 p.
  11. Toporov V.N. Myth. The ritual. Image. Symbol. 1995. Moscow: Progress. 624 p.
  12. Sharapenkova N.G. Mythopoetic space of Andrei Bely’s novel “Moscow” // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. 2012. No. 146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskoe-prostranstvo-romana-andreya-belogo-moskva> (access date: 11.15.2024).
  13. Shipnigov I. Stream. Moscow: Livebook, 2021. 480 p.

About the authors

Bippert, Maria A. – MA Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5722-1581>; e-mail: ma_bippert@list.ru

Moroz, Anzhelika E. – MA Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-6293-7644>; e-mail: angelafrust@inbox.ru

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ БИБЛИОНИМОВ^{INTRA} В ПОВЕСТИ «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВТОРОГО ПОРЯДКА» Е.Ю. ЛУКИНА

В.В. Дащинский (Волгоград, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Произведения «Баклужинского цикла» волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина – это серия социально-психологических экспериментов, отвечающих на вопрос «а что, если?». Применительно к «Педагогической поэме второго порядка» (2012) вопрос можно сформулировать так: что будет с государством и обществом, если у власти окажутся любители ролевых игр по мотивам книг? В статье рассматриваются библионимы^{intra} – заглавия иноавторских произведений, присутствующие в художественном мире текста (латинский индекс «intra» призван отличить этот вид заглавия от названия всего текста или названий его частей).

Цель статьи – анализ функциональной и смыслообразующей роли заглавий произведений, упоминаемых в тексте повести.

Обзор научной литературы по проблеме. Отдельным аспектам творчества Е.Ю. Лукина посвящены статьи О.О. Путило. Анализ библионимов в структурно-семантическом, типологическом и прагматическом аспектах нашел отражение в работах Л.А. Климковой, Н.Н. Устиновой, Н.Б. Бугаковой. Библионимы волгоградского писателя объектом исследования не становились.

Методология. Основными методами исследования являются описательно-аналитический, аспектный, представленный: а) функциональным; б) тематическим; в) контекстуальным; г) интертекстуальным анализом.

Результаты исследования. Тотальная «игровизация» действительности рискует обернуться размытием онтологических критериев, неразличением игры и жизни. Е.Ю. Лукин иллюстрирует принцип «запретный плод сладок» (на примере изъятия государством классической литературы из школьной программы) и показывает, к чему ведут управленческие решения по насильственному внедрению в жизнь общества определенной субкультуры.

Выводы. Библионимы^{intra} активно участвуют в смыслообразовании повести, создании эстетических, философских оппозиций. Библионимы^{intra} выполняют информативную, текстообразующую, сюжетообразующую и др. функции.

Ключевые слова: библионим, литературная ономастика, «эффект Барбары Стрейзанд», фэнтези, «игровизация» реальности.

Постановка проблемы. В библионимических (посвященных системе заглавий в тексте) исследованиях в качестве объекта изучения могут быть выбраны: а) название произведения; б) название части произведения, или внутренний заголовок; в) названия произведений, упоминаемых повество-

вателем или персонажами; это могут быть не только тексты, которые созданы другими писателями (например, рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско», читаемый Еленой в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия»), но и тексты, «написанные» персонажами (комедия «Изпитал», повесть «Рожденные голубки» в романе «Хромая судьба» А. и Б. Стругацких). Перечисленные объекты не образуют закрытого списка, т.к. существуют заглавия циклов, авторских сборников и т.д. В работе [Дащинский, 2024] для указанных объектов мы, опираясь на терминологию литературной ономастики, ввели понятия: а) *библионим_{totum}*; б) *библионим_{pars}*; в) *библионим_{intra}*. Необходимость дифференциации заглавий обусловливается некоторой разницей в выполняемых ими функциях, их смыслообразующей ролью, неодинаковым герменевтическим потенциалом. В этой статье мы уделим основное внимание третьему направлению.

В нескольких произведениях «Баклужинского цикла» волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина (1950) книгам, с которыми взаимодействуют персонажи, отводится важная роль. В повести «Лечиться будем» (2008) главный герой постоянно обращается к «Толковому словарю психиатрических терминов» Вадима Моисеевича Блейхера и Инны Вадимовны Крук, чтобы через призму диагнозов, описанных в словаре, интерпретировать свое поведение и поведение окружающих. В повести «Понерополь» (2015) значимой оказывается книга философа М. Монтеня «Опыты». Эта повесть представляет собой художественную реализацию идеи, высказанной французским мыслителем в главе «О суетности» своего эссе: «Царь Филипп собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название (ономастическая легенда Плутарха. – В.Д.). Полагаю, что и они из самих своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество» [Монтень, 1960, с. 220].

Если в перечисленных произведениях персонажи просто читают книги, то в другом тексте цикла, повести «Педагогическая поэма второго порядка» (2012), по мотивам определенных книг проводятся ролевые игры. Игры становятся государство- и обществообразующим фактором.

Обзор литературы по проблеме. Творчество Е.Ю. Лукина в разных аспектах (жанровые особенности, своеобразие хронотопа) было изучено О.О. Путило [Путило, 2019а; 2019б]. Заглавия произведений волгоградского писателя-фантаста объектом изучения не становились. Специфику присутствия книги в книге в виде непосредственного текста, с которым тем или иным образом взаимодействуют персонажи (читают, обсуждают и т.д.), или в виде аллюзии и реминисценции активно исследуют как литературоведы, так и лингвисты [Теория и мифология книги..., 2006; Васильева, 2021; Боборыкина, 2023]. Институтом мировой литературы им. А.М. Горького совместно с научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» проводятся международные научные онлайн-конференции «Книга в книге» (2023, 2024). Структурно-семантические,

прагматические характеристики библионимов анализировались в работах [Климова, 2020; Устинова, 2022], эволюции библионимов в творчестве А. Платонова был посвящен параграф в диссертации Н.Б. Бугаковой¹.

Цель статьи – определить функциональную и смыслообразующую роль заглавий произведений, которые упомянуты Е.Ю. Лукиным в повести «Педагогическая поэма второго порядка».

Методология. В работе использованы описательно-аналитический и аспектный методы. Второй метод включает в себя несколько типов анализа: а) функциональный; б) тематический; в) контекстуальный; г) интертекстуальный.

Результаты исследования. В анализируемом тексте объективирован фикциональный мир, в котором ролевые игры по мотивам книг (художественных, религиозных и др.) во многом становятся государство- и обществообразующим фактором. Эксперимент автора заключается в «игровизации» социальной и политической художественной реальности. «Игровизация» в сюжете осуществляется через распространение субкультуры ролевых игр на многие стороны частной и общественной жизни. Знакомство писателя с практикой ролевых игр по мотивам книг, помимо всего прочего, послужило одной из причин создания произведения: «Идею я привез из Казани. Однажды Андрей Ермолаев вытащил нас с женой на “Зиланткон”, казанский фестиваль ролевых игр, с того все и началось... Естественно, захотелось об этом что-то написать: это было совершенно неизвестное мне явление» [Баклужино и окрестности..., 2018, с. 175]. Жаргон ролевиков в тексте представлен лексемами: *квента, цивил, ролевка, реал, игротех, райигротех, гроссмейстер, железячники, бальники, занавесочники, полигонка, павильонка, дивный, мастерский* и др.

Упомянутые Е.Ю. Лукиным в «Педагогической поэме второго порядка» произведения отражены в таблице. Они названы повествователем или персонажами, и только они являются материалом для анализа. Присутствуют в повести и не названные книги, атрибутируемые через упоминание литературных персонажей, цитату или ссылку на сюжетные эпизоды претекста: «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Золотая карета» Л.М. Леонова, «Талисман, или Ричард Львиное Сердце в Палестине» В. Скотта, «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери, «Хоббит, или Туда и обратно» Дж.Р.Р. Толкина, «Евангелие от Луки» и мн. др.

Большинство эксплицитных заглавий реализует **номинативную** и **информативную** функцию, всем присуща **интертекстуальная** функция, но не все единицы, выполняющие эту функцию, связаны с тексто- и смыслообразованием. В статье будут рассматриваться преимущественно те номинации, чьи функции более разнообразны. Вопрос о составе функций, реализация которых закреплена за этим видом библионимов (в сравнении с функциями других видов заглавий), остается открытым.

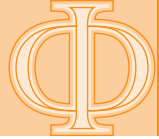
¹ Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2023. С. 67–83.

Эксплицитные заголовочные конструкции: список и частотность
Explicit header constructions: list and frequency

Название упомянутого произведения	Кол-во эксплицитных упоминаний названия произведения	Появление в главах
Зарубежные тексты		
1. «Властелин колец» Дж.Р.Р. Толкина	11	Глава 1; глава 3; глава 6; глава 10
2. «Сильмариллион» Дж.Р.Р. Толкина	1	Глава 10
3. «Падение Гондолина» Дж.Р.Р. Толкина	1	Глава 10
4. «Дон Кихот» М. де Сервантеса	2	Глава 1; глава 4
5. «Молот ведьм»	1	Глава 2.
6. «Ведьмак» А. Сапковского	1	Глава 6
7. «Гарри Поттер» Дж. Роулинг	4	Глава 7; глава 8
8. «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека	1	Глава 10
9. «Откровение Иоанна»	1	Глава 4
Отечественные тексты		
1. «Яма» А.И. Куприна	1	Глава 3
2. «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого	3	Глава 6
3. «Война и мир» Л.Н. Толстого	1	Глава 6
4. «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина	3	Глава 7; глава 8; глава 9
5. «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского	1	Глава 8
6. «Властителям и судиям» Г.Р. Державина	1	Глава 9
7. «Многорукий бог далайна» С. Логинова	1	Глава 7
8. «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры»	3	Глава 2
Всего 17	Всего онимо- употреблений 17/37	

Итак, сюжет разворачивается в вымышленной Республике Гоблино. Действие повести охватывает два временных периода: 1) период «гонений» на ролевое движение, он длится до государственных выборов (переворота); 2) период мнимого торжества ролевой субкультуры. До государственного переворота здесь боролись с ролевым движением: власти признавали несанкционированными собрания ролевиков (см. начальный эпизод – «реконструкцию» Куликовской битвы по летописи), даже если они были официально согласованы, объявляли ролевые игры чумой, разновидностью сатанизма, тренировкой по свержению власти, тоталитарной сектой.

По телевизору убеждали, что ролевые игры для молодежи опаснее наркомании: «Вот нет у него кольчуги – и начинается ломка! Да-да! На все пойдет: убьет, ограбит, но кольчугу купит! У родной бабки смертные украдет, на похороны

отложенные»² (некорректная аргументация: использована ложная аналогия – увлечение ролевой игрой уподобляется увлечению наркотиками).

Для родителей было выпущено пособие «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?». Стоит отметить, что брошюра не придумана писателем. В 2006 г. в двенадцатом номере иркутской газеты «СМ Номер один» была опубликована статья «На бал к сатане можно попасть в Иркутске» [Улыбина, 2006], содержащая подраздел «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?». Эта статья вызвала немало критики как со стороны представителей ролевого объединения, так и со стороны тех, кто не был вовлечен в эту субкультуру.

Абсурдность, алогичность пособия заключалась в референциальной расплывчатости признаков, по которым можно распознать ролевика, на что саркастически указывает учитель литературы Савелий Павлович, сам довольно критически настроенный по отношению к ролевым играм, считающий увлечение ими блажью: «Ну ночные кошмары, бессонница – это про меня, – объявил Савелий. – О! – воскликнул он чуть погодя. – Вот и до великих добрались. “Пишет поэмы о смерти и мертвецах...” Стало быть, и Жуковский ролевик!»³

В одном из эпизодов повести Савелий Павлович видит, как ученики предают огню некий предмет. Знаменателен следующий за этим событием диалог учителей: «Что это было?» – «“Молот ведьм”», – ворчливо отозвался толстяк. – «А серьезно?» – «А серьезно – пособие для родителей. “Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры”»⁴. Пособие функционально приравнивается к «роковой книге Средневековья» [Лозинский, 2020], для него находится историческая аналогия. Если бы не игровой, сатирический модус произведения Е.Ю. Лукина, то *комическое* сравнение методички с «Молотом ведьм» рисковало бы превратиться в *трагическое* сравнение.

Школы особенно были заинтересованы в стигматизации ролевого движения, поскольку ученики увлекались чтением фэнтезийной литературы, по которой преимущественно и проходили ролевые игры. Литература фэнтези вытесняла «программную» классическую литературу, фэнтезийная эрзац-культура, по словам учительницы, Клары Карловны, вытесняла православную духовность. Отметим, что связь с фэнтези (точнее, с образом гоблинов, популяризованных произведениями этого жанра) отражена в названии республики и одноименной столицы – *Гоблино*, в наименовании реки – *Гоблинка*. Название республики, конечно, не свидетельствует о том, что здесь проживают гоблины или люди, которым свойственны черты этой мифической расы, скорее оно отсылает к глухим местам, закрытым пещерам (в целом – к закрытым локусам), где та проживает согласно западноевропейской мифологии. Ср. «Гоблино всегда считалось самым уголком бывшей Сусловской державы»⁵. Уход от реальности в вымышленный

² Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 185.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 167.

⁵ Там же. С. 165.

мир словно жизнь гоблинов в пещере, вынужденных прятаться от солнечного света (непростой действительности).

Таким образом, внутритекстовый библионим «*Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?*», помимо **информативной функции** (для персонажей и читателя), выполняет **аллюзивную** (для читателя) и **сюжетообразующую** функции. Брошюра – идеологический инструмент для борьбы с любителями ролевых игр. В затекстовой реальности газетный отрывок не оказался востребованным государственной властью, так как в ролевиках не видели угрозы. Его включение в текст повести – это демонстрация *возможного мира*, реализация принципа «а что, если...?»: что, если государство все же начало бы кампанию против модного поветрия? Газетный отрывок становится яркой деталью периода противостояния с субкультурой ролевиков.

В результате выборов, а фактически государственного переворота к власти пришел Шкарятин Виталий Витальевич, обещавший в случае своей победы во всем поддерживать ролевое сообщество и создать министерство ролевых игр. Мастер игры, преподаватель истории Петр Маркелович, позже ставший замминистра, был инициатором государственного переворота как ролевой игры по спасению государства: «Сейчас все они, и пираты, и губернаторы, и даже подводные чудовища, были спаяны единой целью – спасти Карибы. А заодно Мордор, Нуменор, Нарнию и Лукоморье в придачу»⁶ (перечислены фэнтезийные и сказочные топонимы: *Мордор*, *Нуменор* – легендарииум Дж.Р.Р. Толкина; королевство *Нарния* – цикл романов К.С. Льюиса «Хроники Нарнии»). Именно его идея и помогла Шкарятину выиграть «выборы».

Как изменилась жизнь Гоблино спустя 10 лет? Теперь причастность к ролевым играм стала священным долгом каждого патриота (до переворота это было добровольным занятием), на них призывали, как на военные сборы, чему многие жители, в частности сами «олдовые ролевики», не были рады и поэтому старались «эмигрировать» в разнообразные формы досуга, вернее, в «реал»: рыбалка, поход за грибами, выпивка, чтение книг, уже не связанных с фантастической тематикой.

Работы писателей-классиков в школьной программе заменили тексты Дж.Р.Р. Толкина, Н. Перумова, А. Сапковского и др. Ученики писали сочинения по произведениям авторов фэнтези. Хотя классическая литература не запрещена, некоторые жители, полагая иначе, активно доносили на ее читателей, искали и находили следы семиотического вредительства. Одним из таких следов стал выпуск классики под обложкой фэнтези-книг. Обсуждая с родителями сочинение «Концептуальный аспект нравственного выбора хоббита Фродо», Борька, или Боромир (имя дано в честь персонажа романа Толкина), сын старейшего ролевика Славы Савельева, высказал мысль, встречавшуюся на страницах повести Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы»: «Храбрость состоит из самолюбия и деревянных нервов! – брякнул тот и, кажется, сам испугался собственной выходки»⁷.

⁶ Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 198.

⁷ Там же. С. 201.

Отец позже узнал, что произведение, откуда сын заимствовал этот «циничный афоризм», принадлежит Л.Н. Толстому. Ср.: «Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют храбр, одним словом» [Толстой, 1935, с. 39]. Упоминание «Севастопольских рассказов» присутствует еще в одном эпизоде. В прошлом учитель литературы, а ныне член министерства, проверяющий классические произведения на «игральность», Савелий Павлович объясняет своему бывшему ученику Славику, почему по произведению Л.Н. Толстого нельзя играть: «Потому что в Толстого играть – только расстраиваться. Зачем вообще человек играет? Чтобы незаметно возвысить себя в собственных глазах. Так вот с графом такая штука не проходит. Он-то как раз не придумывает людей, он именно исследует, причем беспощадно. Ну кто бы еще додумался, что каждое наше достоинство разнимается на отдельные недостатки!»⁸. Убежать от жизни и самого себя (одна из возможных причин организации ролевых игр), создавая игры по мотивам книг Л.Н. Толстого, не получится: неизбежно возвратишься к собственному «Я», останешься наедине с малоисследованной душой, противоречиями, соблазнами и страстями, из которых она соткана. Человек, по мнению Савелия Павловича, часто прибегает к внутренним ролевым играм: «Вот для интереса попроси кого-нибудь рассказать, что он за человек. И он почти наверняка поведаст о том, каким бы хотел стать. Придумает себе прошлое, настоящее...»⁹. Произведения русского классика – это своеобразное горькое лекарство от такого поведения.

Для убедительности выводов в сочинении Слава Савельев решил привлечь примеры из романа «Властелин колец». Открыв наугад страницу, он прочел текст, который поразил его не меньше, чем слова сына о храбрости: «Откуда это? Из какой книги? Из какой главы? Не мог благородный Профессор гнать такую... даже не чернуху... агитку!»¹⁰ Это были размышления о том, что нужно «для успешного ведения войны» и для того, «чтобы быть гением» [Толстой, 1953, с. 60–61]. Под обложкой известного фэнтези находился роман-эпопея «Война и мир», более того, отрывок из черновых автографов и копий к III тому (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. I–VIII) романа-эпопеи (полное собрание сочинений в 90 т., т. 14). Нахождение под обложкой «Властелина кольца» именно этого текста неслучайно: ср. представления двух писателей о войне, близость их религиозных установок; значима оппозиция двух эпопей по эстетическим принципам, потому как не столько *общее* между этими произведениями повлияло на их пересечение под одной обложкой, сколько *различное*. Филологи и прежде всего читатели неоднократно сопоставляли творения русского и британского классика, чтобы осмыслить различия между текстами.

Вероятно, неслучайно и нахождение под обложкой «Гарри Поттера» «Губернских очерков» М.Е. Салтыкова-Щедрина, эпопеи «Война и мир» под обложкой романа «Многорукий бог далайна» С. Логинова.

⁸ Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 217.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 202.

Книги, упоминаемые в повести, образуют иерархию, в которой доминирующее положение принадлежит роману «Властелин колец». Этот библионим выполняет **текстообразующую** и **сюжетообразующую** функции. Доминирующее положение обусловлено тем, что именно произведение Дж.Р.Р. Толкина повлияло на зарождение культа ролевых игр по мотивам книг. Текст Е.Ю. Лукина и изображенный в нем мир пронизан художественными атрибутами великого английского романа. Связь с ним мы видим в названии глав повести (Глава 2. Рассвет по-эльфийски. Глава 4. Голова Саурона), в топонимах и других именах собственных (название республики, полигоны Нуменор-3 и Нуменор-4, эргоним «Око Саурона»), в диалогах, где этот роман становится предметом обсуждения (особенности психологизма, проблематика), в «игровых» именах персонажей, в эпизодической эльфийской речи (синдарин, квенья – искусственные языки, сконструированные Толкином). Роман британского писателя и произведения Л.Н. Толстого образуют в повести эстетические оппозиции «массовое – высокое», «поверхностная психология – глубокая психология».

Итак, существование подпольных читален, переплетение и распространение запрещенки, ее тайное изучение после уроков (например, романа «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского, лирики А. Блока и Н. Некрасова), «тайные сходки» поклонников поэтов, издание замаскированных текстов, с одной стороны, и наличие контрразведки, доносчиков – с другой – все это игры, только различающиеся порядком. Ключевое понятие в повести, связанное с философской оппозицией «реальность – игра», – это понятие *игры второго порядка*.

Игра второго порядка – это игра, к которой нужно подключить любого человека, не оповестив его о том, что он стал ее участником. Так, «цивилы пенсионного возраста» по-настоящему думали, что классика запрещена, а доносительство стало восприниматься (видимо, в силу недавнего советского опыта) как их обязанность, долг. Они не знали о своей включенности в игру и поэтому прекрасно вписывались в нее.

В школьной программе классической литературы не было. Инициатор ее изъятия, бывший учитель словесности Савелий Павлович, объяснил свое решение (педагогическую игру) принципом «запретный (полузапретный) плод сладок»: пока такая литература была в списке обязательного чтения, ее ненавидели, недочитывали или вовсе не читали, предпочитали ей иные жанры, когда же она оказалась под негласным неодобрением, ею заинтересовались. В конце повести иеродиакон Аскольд предлагает полузапретить веру, чтобы достичь того же успеха, которого достиг Савелий Павлович.

Демонстрацией эффективности принципа «запретный плод сладок» (или эффекта Барбары Стрейзанд) Е.Ю. Лукин не ограничивается, он также показывает возможную судьбу неформальной социокультурной практики в случае ее включения в государство- и обществообразующую деятельность: какая-либо субкультура, пропагандируемая и навязываемая государством в качестве обязательного общего дела, избыточно формализованная, забюрократизированная будет вызывать у людей лишь раздражение, желание активно или пассивно саботировать участие в ней.

Центральное событие повести – проведение полигонной игры, ставшей уникальной благодаря своей многоуровневости (рис.). На первом уровне ролевиков ожидала игра по мотивам романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец». Неорганизованность, недисциплинированность, «самовольщина», равнодушие участников приводили к комическим и абсурдным ситуациям: «Случаи дезертирства и уклонения настолько часты, что их уже трудно назвать случаями. Разложение – полное. Стража в донжоне продает цивилистым у них же конфискованное спиртное»¹¹ (из отчета об игре на заседании министерства ролевых игр), игроки, как новые, так и «олдовые», прятались от гроссмейстеров по кустам, в канавах. Однако подобные действия ролевиков, «массовый и организованный саботаж» (как выразилось высокое начальство) были предусмотрены инициатором игры Петром Маркеловичем, который нашел сюжет, где такое поведение смотрелось бы естественно и логично. Им оказался сатирический роман Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»: «Я ж чувствовал, что эту игру мне нарочно подсовывают – на провал. Сам видишь, какой теперь контингент! Да еще и всех отставников армейских всучили. И отказаться нельзя, и сыграть нельзя. Напрашивался Швейк, напрашивался...»¹².

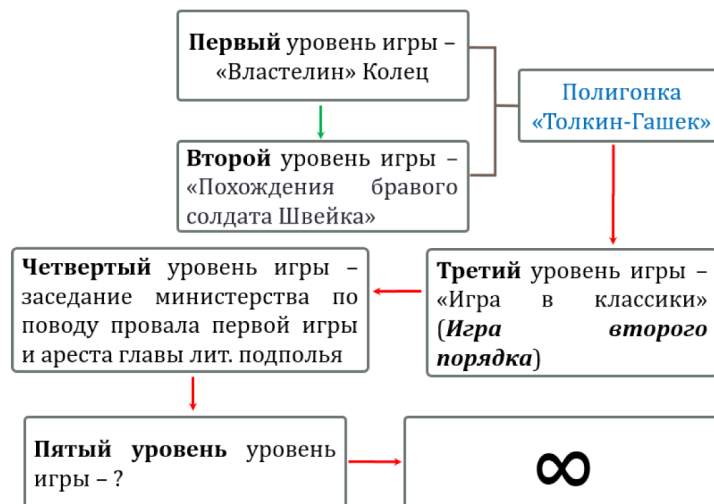

Рис. Схема трехуровневой игры, которая разрастается новыми уровнями
 Fig. The scheme of a three-level game that grows with new levels

«Властелин Колец», пропущенный через «Похождения бравого солдата Швейка», – это два уровня игры, третьим уровнем стала *игра в классики*, которую Савелий Павлович устраивал не первый год. Эта игра была призвана, по всей видимости, трансформировать телеологию чтения: способствовать переходу от чтения как способа спрятаться от реальности к чтению как способу к реальности приблизиться. Благодаря этой игре произошел возврат многих школьников и взрослых к классике, многие из них стали читать для души, а не для игры, для внутреннего развития, а не эскапизма. Иными словами, сменилась концепция

¹¹ Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 236.

¹² Там же. С. 242.

чтения. Приближает ли *классическая литература* читателя к глубокому пониманию себя и действительности, уводит ли *фэнтези* (в целом массовая литература) читателя от реальности и столкновения с собственным «Я» (бегство «из унылого вранья жизни в яркое вранье игры»¹³) – это вопросы, обсуждаемые персонажами в повести, вопросы в силу сатирической направленности произведения Е.Ю. Лукина, может быть, не слишком нуждающиеся в серьезном анализе.

«Игра в классики» неожиданно переходит к концу повести на четвертый уровень (обсуждение ареста и незапланированного освобождения главы книжного подполья Савелия Павловича). Потенциальная многоуровневость полигонной игры, таким образом, грозит обернуться дурной бесконечностью, размыванием онтологических критериев, т.е. неразличением игры и жизни. Серьезно отыгрывая квенту (в жаргоне ролевиков – это предыстория персонажа с описанием его мировоззренческих черт, целей, навыков и т.д.), человек в какой-то момент может забыть, что он участник игры, и его временная роль может срастись с личностью или даже вытеснить ее. Потенциально все может быть признано игрой, не всегда подконтрольно министерской воле развитие той или иной игры.

Выводы. Библионимы^{intra} «*Властелин колец*», «*Война и мир*», «*Похождения бравого солдата Швейка*», «*Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?*» активно участвуют в смыслообразовании повести Е.Ю. Лукина, в создании эстетических (элитарная – массовая литература, жизненная правда – художественная правда), философских оппозиций (игра – действительность, игра – искусство, игра – серьезность, власть – общество). Названные библионимы выполняют информативную, текстообразующую, сюжетообразующую функции. Среди упомянутых автором книг роман «*Властелин колец*» занимает доминирующее положение, что обусловлено ролью этой книги в формировании культа ролевых игр по мотивам художественных произведений. В повести художественными атрибутами этого романа пронизана система персонажей, система имен собственных (внутренние заголовки, топонимы и антропонимы).

Концептуальная информация художественного текста, формируемая библионимами^{intra}, касается таких проблемно-тематических областей, как жизнь и игра, реальность и виртуальность, власть и общество, идеология и искусство.

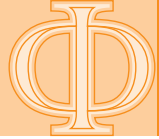
Список источников

1. Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 157–242.

Библиографический список

1. Баклужино и окрестности. Интервью с Евгением Лукиным // Сборник материалов Петербургской фантастической ассамблеи – 2017. СПб., 2018. С. 170–177.

¹³ Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 176.

2. Боборыкина Т.А. Слова, слова, слова: Книги в книгах Данте, Шекспира, Пушкина, Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 147–171. DOI: 10.22455/2619-0311-2023-4-147-171
3. Васильева Н.В. Список библионимов как «текст в тексте» в зеркале языковой игры // С любовью к слову: сб. ст. к 80-летнему юбилею проф. Людмилы Алексеевны Климковой / отв. ред. О.В. Никифорова. Арзамас: Арзамасский филиал НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 102–105.
4. Дащинский В.В. Внутренние заголовки как проблема исторической поэтики // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 3 (7). С. 103–110.
5. Климова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 17–26.
6. Лозинский С.Г. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 3–76.
7. Монтень М. Опыты: в 3 кн. / изд. подгот. А.С. Бобович, Ф.А. Коган-Бернштейн, Н.Я. Рыкова и А.А. Смирнов; отв. ред. А.А. Смирнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Кн. 3. 495 с.
8. Путило О.О. Жанровое своеобразие фантастической прозы Е. Лукина // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: кол. монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019а. С. 427–436.
9. Путило О.О. Топология вымышленного пространства «Баклужинского цикла» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019б. № 1 (134). С. 227–231.
10. Теория и мифология книги. Французская книга во Франции и России: Российско-французская конференция. Москва, 11–12 сентября 2006 г. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 200 с.
11. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1935. Т. 4: Произведения севастопольского периода. Утро помещика. 449 с.
12. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 14. Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть вторая. 445 с.
13. Улыбина Ю. На бал к сатане можно попасть в Иркутске // «СМ Номер один». 2006. № 12. URL: <https://http://www.pressa.irk.ru/sm/2006/12/003001.html> (дата обращения: 18.10.2024).
14. Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 60–63.

Сведения об авторе

Дащинский Владислав Викторович – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; e-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

THE FUNCTIONAL AND SEMANTIC ROLE OF BIBLIONYMS_{INTRA} IN E.YU. LUKIN'S NOVEL PEDAGOGICAL POEM OF THE SECOND ORDER

V.V. Dashchinsky (Volgograd, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The works of the Bakluzhinsky cycle by Volgograd science fiction writer E. Yu. Lukin are a series of socio-psychological experiments answering the question “what if?” In relation to the *Pedagogical Poem of the Second Order* (2012), the question can be formulated as follows: what will happen to the state and society if fans of role-playing games based on books turn out to be in power? The article examines biblionyms_{intra} – titles of other author's works present in the artistic world of the text (the Latin index ‘intra’ is designed to distinguish this type of a title from the title of the entire text or the titles of its parts).

The purpose of the article is to analyze the functional and semantic role of the titles of the works mentioned in the text of the story.

Review of the scientific literature on the problem. The works of O.O. Putilo were devoted to certain aspects of E.Yu. Lukin's creative works. The analysis of biblionyms in structural, semantic, typological and pragmatic aspects is reflected in the works of L.A. Klimkova, N.N. Ustinova, and N.B. Bugakova. The biblionyms of the Volgograd writer have never been the object of research.

Methodology. The main research methods are (1) descriptive-analytical, (2) aspect analysis represented by: a) functional, b) thematic, c) contextual, d) intertextual analyses.

Research results. The total ‘gamification’ of reality risks turning into a blurring of ontological criteria, the indistinguishability of play and life. E.Yu. Lukin illustrates the principle of ‘forbidden fruit is sweetest’ (using the example of the state's withdrawal of classical literature from the school curriculum) and shows what managerial decisions lead to when they forcibly introduce a certain sub-culture into the society.

Conclusions. Biblionyms_{intra} actively participate in the meaning formation of the story, the creation of aesthetic and philosophical oppositions. Biblionyms_{intra} perform informative, text-forming, plot-forming, and other functions.

Keywords: *biblionyms, literary onomastics, ‘the Barbara Streisand effect’, fantasy, ‘gamification’ of reality.*

List of sources

1. Lukin E.Y. Pedagogical poem of the second order // If. 2012. No.7. P. 157–242.

References

1. Bakluzhino and the surrounding area. Interview with Evgeny Lukin // Collection of materials of the St. Petersburg Fantastic Assembly – 2017. St. Petersburg, 2018. P. 170–177.
2. Boborykina T.A. Words, Words, Words: Books in the Books of Dante, Shakespeare, Pushkin, Dostoevsky // Dostoevsky and world culture. Philological journal. 2023. No 4 (24). P. 147–171.

3. Vasilyeva N.V. List of biblionyms as “text within text” in the mirror of the language game // With love for the word. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of prof. Lyudmila Alekseevna Klimkova / Ed. by O.V. Nikiforov. Arzamas: Arzamas branch of N.I. Lobachevsky National Research University, 2021. P. 102–105.
4. Dashchinsky V.V. Inner headings as the issue of historical poetics // Izvestiya Volgograd State Pedagogical University. Filologicheskie nauki. No. 3 (07). P. 103–110.
5. Klimkova L.A. Biblionyms in the lyrics of S.A. Esenin // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. No. 3 (38). P. 17–26.
6. Lozinsky S.G. The Fatal Book of the Middle Ages // Sprenger J., Institoris G. The Hammer of Witches. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. P. 3–76.
7. Montaigne M. Essays: in 3 books / Ed. prepared by A.C. Bobovich, F.A. Kogan-Bernstein, N.A. Smirnov; Ed. by A.A. Smirnov. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. Book 3. 495 p.
8. Putilo O.O. The genre originality of E. Lukin’s fantastic prose // Paradigmy perekhodnosti i obrazy fantasticheskogo mira v khudozhestvennom prostranstve XIX–XXI veka: kollektivnaya monografiya [The paradigm of transition and images of a fantastic world in the artistic space of the 19–21 century: monograph]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky Nizhny Novgorod State National Research University N. I. Publ., 2019. P. 427–436.
9. Putilo O.O. Topology of the fictional space of the “Bakluzhinsky cycle” // Izvestiya Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 1 (134). P. 227–231.
10. Theory and mythology of the book. French book in France and Russia: Russian-French Conference. Moscow, RSUH, September 11–12, 2006. Moscow: Russian State Humanitarian University, 2007. 200 p.
11. Tolstoy L. Collected works: in 90 vol. Moscow: Publ. House “Fiction”, 1935. Vol. 4. Works of the Sevastopol period. The morning of the landowner. 449 p.
12. Tolstoy L. Collected works: in 90 vol. Moscow: Publ. House “Fiction”, 1953. Vol. 14. War and Peace. Draft versions and variants. Part 2. 445 p.
13. Ulybina Yu. You can get to Satan’s ball in Irkutsk // “SM Number one”. 2006. No. 12. URL: <https://http://www.ppressa.irk.ru/sm/2006/12/003001.html> (access date: 18.10.2024).
14. Ustinova N.N. Aspects of studying of biblionyms // Actual issues of modern philology and journalism. 2022. No. 4 (47). P. 60–63.

About the author

Dashchinsky, Vladislav V. – PhD Candidate, Department of Russian Language and Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia); e-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

УДК 82

«БАЛЛАДА О ТОВАРИЩЕ»: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВЫХ ПРЕЛОМЛЕНИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО

К.А. Суровцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В работе рассматриваются особенности художественной структуры «Баллады о товарище» (1941) А.Т. Твардовского в перспективе политики и поэтики памяти; делается вывод о глубоком соответствии исторической поэтики баллады тем целям коммеморации, которые ставил перед собой поэт.

Цель статьи – рассмотреть «Балладу о товарище» в исторической ретроспективе жанра, сопоставить произведение XX в. с прецедентными текстами классического периода, показать преемственность Твардовского относительно канона, равно как и продиктованные раннесоветской эпохой расхождения с ним.

Методология. Работа выполнена на пересечении нескольких продуктивных аналитических подходов – исторической поэтики, жанрологии как ее слагаемого, современных исследований коммеморативного аспекта культуры.

Результаты исследования. В «Балладе о товарище» А.Т. Твардовского структура диалогово-ролевого треугольника баллады модифицирована. При сохранении функций миропорядка (фронт) и подвижного героя (раненый солдат, образ которого восходит к погибшему солдату баллад на сюжет «Леноры» Бюргера) существенно изменена позиция героя, делающего роковой выбор. В рассматриваемом случае выбор героини продиктован скорее эпико-героическим заданием и не может квалифицироваться как самоутверждение в духе трагики.

Выводы. В рассматриваемом произведении сосуществуют элементы эпоса, баллады и элегии, придающие теме памяти, столь значимой для Твардовского, глубокую историко-поэтическую ретроспективу, архитектоничность.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, тема памяти в литературе, советская литература о Великой Отечественной войне, канон, жанр, элегия, баллада.

Постановка проблемы. С.Л. Страшнов отметил важную особенность творчества А.Т. Твардовского: «Казалось бы, в военные годы писатель неотделим от литературного процесса, наиболее популярных “форм времени”: агитационной и одической лирики, стихотворного очерка, баллады. Однако общие, а подчас как будто бы и совершенно несвойственные для себя жанры Твардовский перестраивает на собственный лад. Например, баллада впервые в своей истории становится под пером этого поэта и некоторых его последователей реалистической, нравственно-психологической» [Страшнов, 2010, с. 131].

Активизацию балладности «всякий раз через несколько лет после масштабных социальных катаклизмов» [Кукулин, 2019, с. 612] подчеркивают Л.Н. Душина и И.В. Кукулин: «...баллада в русской поэзии “возрождалась” каждый раз

в эпоху как бы пограничную: на грани XVIII–XIX столетий, сентиментализма и романтизма; на переломе от романтизма к реализму, сопутствуя утверждению в поэзии нового отношения к национальной истории; на рубеже XIX–XX веков; в первые послереволюционные годы; в годы Великой Отечественной войны» [Душина¹, 1975, с. 4].

Причин такой активизации жанра в определенные эпохи может быть несколько. Во-первых, ода, элегия, баллада содержат мнемобразы, позволяющие воссоздать сложную картину памяти о важных событиях и потрясениях. Во-вторых, по точному замечанию В.И. Тюпы, система ценностей баллады опирается на поляризацию «своего» и «чужого» [Тюпа, 2013, с. 129], что также отвечает на идеологический запрос военного времени: конструирование образа врага, в том числе с помощью хтонических и онирических мотивов и образов, которым противопоставит единое отечество.

Создателем русского канона балладного жанра по праву считается В.А. Жуковский. Современные исследователи выделяют три основные функции в инвариантной композиции баллады: «1. Сила универсального Миропорядка. 2. Связанный с этой силой подвижный герой, топографически и/или символически принадлежащий “иному миру” и – часто, но не всегда – забирающий кого-то из мира “здешнего”. 3. Герой, делающий роковой выбор. Динамика сюжета сообщается балладе персонажем, расположенным на третьей ролевой позиции: его выбор запускает в действие до поры сокрытые силы Провидения, включая и типового для баллады “жениха-мертвеца”. С учетом значительной роли драматургического компонента (“балладный диалог”) распределение этих позиций можно назвать “диалогово-ролевым треугольником” [Анисимов, Анисимова, 2023, с. 44].

Твардовский в цикле «Фронтовая хроника» варьирует описанные выше функции в «Балладе об отречении» (1942), «У славной могилы» (1943), «Я убит подо Ржевом» (1945–1946), «Теркин на том свете» (1954–1963). Опираясь на выявленные признаки балладного канона, установим сходства и отличия жанра в «Балладе о товарище» (1941), проанализируем, как актуализируется в рассматриваемом тексте тема памяти.

Результаты исследования. По определению Ю.М. Лотмана, «подвижный персонаж – это лицо, имеющее право на пересечение границы» [Лотман, 1970, с. 288] потустороннего и посюстороннего мира. Баллада Твардовского начинается именно таким событием: *Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди / И всю дорогу повторял: / – Ты брось меня. Иди... / Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь. / Как трудно дух бойца беречь, / Чуть что скрываясь в тень. / Чужую, вражью слышать речь / Близ русских деревень* [Твардовский, 2008, с. 94–95].

¹ Душина Л.Н. Поэтика русской баллады в период становления жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975.

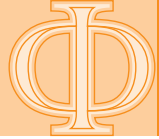
Раненый солдат – это «подвижной персонаж», находящийся на границе жизни и смерти. Сослуживец не оставляет его на поле сражения, а переносит в пространство живых. Образ умирающего бойца перекликается с «женихом-мертвецом» балладного канона, появляющегося ночью. К теме памяти обращается второй военный, и в дальнейшем именно он восстанавливает картину происходящего: *И каждый шорох, каждый хруст / Тревожит твой привал... / Да, я запомнил каждый куст, / Что нам приют давал. / Запомнил каждое крыльцо, / Куда пришлось ступать, / Запомнил женщин всех в лицо, / Как собственную мать* [Твардовский, 2008, с. 95].

В указанном отрывке появляется характерный для балладного стиля трехчастный повтор, о котором писал А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике» [Веселовский, 1989, с. 206].

Главное событие балладного канона – встреча героев потустороннего и посюстороннего миров. В балладе Твардовского это уже знакомый нам смертельно раненый солдат и женщина, принимающая солдата, как Ленора или Людмила Жуковского, встречающая гостя с того света. Между героями по законам баллады происходит драматический диалог с уже знакомым трехчастным повтором: – *Остался б, – за руку брала / Товарища она, / – Пускай бы рана зажила, / А то в ней смерть видна. / Пойдешь да сляжешь, на беду, / В пути перед зимой. / Остался б лучше. – Нет, пойду, – / Сказал товарищ мой. / – А то побудь. У нас тут глушь, / В тени мой бабий двор. / Случись что немцы, – муж и муж, / И весь тут разговор. / И хлеба в нынешнем году / Мне не поесть самой, / И сала хватит. – Нет, пойду, – / Вздохнул товарищ мой. / – Ну, что ж, иди... – И стала вдруг / Искать ему белье, / И с сердцем как-то все из рук / Металось у нее. / Гремя, на стол сковороду / Подвинула с золой. / Поели мы. – А все ж пойду, / Привстал товарищ мой. / Она взглянула на него: / – Прощайте, – говорит, – / Да не подумайте чего... – / Заплакала навзрыд. / На подоконник локотком / Так горько опершись, / Она сидела босиком / На лавке. Хоть вернись* [Твардовский, 2008, с. 96].

Диалогово-ролевой треугольник реконструируется последней функцией: силой универсального Миропорядка: по канонам это провидение/рок/судьба/норма/закон, которые должны быть исполнены. В балладе Твардовского это «фронт», ведь во время войны судьба солдата – быть на поле сражения: *Бывают всякие дела, – / Ну, что ж, в конце концов / Ведь нас не женщина ждала, / Ждал фронт своих бойцов* [Твардовский, 2008, с. 97].

Функция героя, делающего роковой выбор, усложняется, расщепляясь между женщиной, которая ставит на первое место намерение сохранить жизнь раненому солдату, а не спасение Родины – «Остался б!»; и бойцом, который останавливается на служении стране: «Нет, пойду!» – оставляя хозяйку дома. Герой обращается к Миропорядку без всякой рефлексии о выборе: ему не избежать предназначенного судьбой. Женщина решается на драматичный для своей судьбы шаг, делает не предусмотренный своим положением Поступок. Однако природа ее выбора

не трагически-самоутверждающая, как в балладах романтизма, а героическая. Так баллада Твардовского наполняется эпическими мотивами и образами, ведь «герой жизнеописания может и быть, и не быть субъектом ролевого действия (актантом), как в сказании, или субъектом этического выбора, как в притче, или субъектом инициативного самообнаружения, как в анекдоте. Все эти характеристики для него возможны. ...В основе своей жанровой герой жизнеописания является носителем самобытного смысла развертывающейся индивидуальной жизни, то есть субъектом самореализации» [Тюпа, 2013, с. 81].

Твардовский внедряет в текст лирическое «я», также меняя привычную повествовательную структуру классической баллады: товарищ-рассказчик показывает всеобщий характер происходящего, он часть Мировпорядка. Он же является двойником раненого бойца (как, например, Ахилл и Патрокл): «Прохождение героев фазы смерти и позднейшее отделение этой второй временной функции породило образ двойника, который получил мощный отклик в обряде, сказании и литературе. Сперва герой двоичен; затем его вторая часть, брат или друг, становится самостоятельной. Смертный герой остается в преисподней, а победитель смерти выходит снова на свет и живет» [Фрейденберг, 1997, с. 210]. Но раненый солдат не остается в посюстороннем мире: «роковой выбор» женщины спасает его.

Хотя Твардовский и выносит жанр баллады в заглавие, в лирическом тексте также присутствуют элементы элегии. Как отмечают В.И. Козлов и О.С. Мирошниченко, «каждый литературный жанр, как правило, неоднороден. Жанровые формы оды, элегии, баллады достаточно разнообразны, поэтому границы, за которыми один жанр переходит в другой, порой оказываются незаметными» [Козлов, Мирошниченко, 2011, с. 35–36].

Вторая часть «Баллады о товарище» начинается как классическая элегия на тему руин. Твардовский работает с «памятью жанра», используя характерные черты. Например, за основу автор берет традиционный сюжет: возвращение в родные места после долгой разлуки: *И вот теперь по всем местам / Печального пути / В обратный путь досталось нам / С дивизией идти. / ... / Но все ж знакомые места, / Как будто край родной. / – А где-то здесь деревня та? – / Сказал товарищ мой. / ... / Где хата наша и крыльцо / С ведерком на скамье? / И мокрое от слез лицо / Что снилось и мне?* [Твардовский, 2008, с. 98–99].

Но бойцов встречают лишь развалины. Твардовский использует ряд мотивов, присущих жанру элегии: ветхий дом, заброшенная дорога, запустение: *Неполный ряд домов-калек, / Покинутых с зимы. / И там на ужин и ночлег / Расположились мы. / ... / И печь с обрушенной трубой / Теперь на месте том. / Да сорванная, в стороне, / Часть крыши. Бедный хлам, / Да черная вода на дне / Оплывших круглых ям* [Твардовский, 2008, с. 99].

Симптоматично переплетение образа печи с чувством памяти о доме и его забвении, с мотивом потери домашнего очага. Оно приобретает элегический модус «настоящего в ценностном свете прошлого» [Козлов, 2013, с. 20].

В славянской культуре печь воспринималась как сакральный посредник между «живым» миром и миром «мертвых»: «Печная труба – специфический выход из дома, предназначенный в основном для контактов с иным миром» [Топорков, 2009, с. 39]. Таким образом, печь является заместителем подвижных потусторонних героев.

Мнемоническая образность в последнем отрывке связана с «амбивалентным локусом воды, символизирующей память и забвение» [Анисимов, Анисимова, 2023, с. 37]. В греческой мифологии река Лета протекала в царстве мертвых, и души умерших, испив из нее воды, забывали свою земную жизнь. Отсюда произошло выражение «кануть в Лету», то есть забыться, бесследно исчезнуть [Мифологический..., 1990, с. 310].

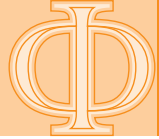
Поэтому и «черная вода» в заброшенном доме «Баллады о товарище» поглотила героиню и память о ней. Встреча подвижного героя и героя, делающего выбор, закончилась по всем правилам смертью последнего.

Жанрообразующим для элегии является мотив воспоминания: *И два бойца вокруг глядят, / Деревню узнают, / Где много дней тому назад / Нашли они приют. / Где печь для них, как для родных, / Топили в ночь тайком. / Где, уважая отдых их, / Ходили босиком. / Где ждали их потом с мольбой / И мукой день за днем...* [Твардовский, 2008, с. 99].

По замечанию Е.А. Мельниковой, «в «исторической» элегии роль навсегда утраченного мира принадлежит пространственному мотиву «руины» (замка, монастыря, гробницы). В англосаксонских героических элегиях «герой, в силу каких-то внешних обстоятельств вырванный из привычной жизни, оплакивает ее» [Мельникова, 1986, с. 21]. Элегические мотивы личного переживания, утраты, тоски об умершем вторгаются в балладу Твардовского. Герою добавляется лирический трагизм, когда он видит, что женщина и ее дом уничтожены войной: *Пусть в сердце боль тебе, как нож, / По рукоять войдет. / ... / Он плакал горестно, солдат, / О девушке своей / Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват / И не любовник ей* [Твардовский, 2008, с. 100].

Знакомые предвестники балладной потусторонности и элегической таинственности обнаруживаются и в актуализации особого хронотопа сновидения («Идти, в ночи таясь», «Чуть что скрываясь в тень», «и все во сне дрожать»), и в имплицитности образа противника, который несет в себе опасность: читателю не сообщается, кто разрушил деревню, он только догадывается, что это сделали немцы.

Четко разделяется мир на «свой» и «чужой»: *Вдоль развороченных дорог / И разоренных сел / Мы шли по звездам на восток, – / Товарища я вел. / ... / Наверно, если б ранен был / И шел в степи чужой, / Я точно так бы говорил / И не кривил душой. / ... / Быть может, кто-нибудь иной / Расскажет лучше нас, / Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь. / Как трудно дух бойца беречь, / Чуть что скрываясь в тень. / Чужую, вражью слушать речь / Близ русских деревень. / ... / И, постояв еще вдвоем, / Два друга, два бойца, / Мы с ним пошли. И мы идем / На Запад. До конца* [Твардовский, 2008, с. 94–95, 100].

Эти фрагменты, кроме того, подчеркивают свойственную жанру баллады «зеркальность» (в каноне балладного жанра зеркало связано с гаданием на жениха). У Твардовского зеркало созвучно с локусом и организацией текста: сначала солдаты отступают и идут «на восток», а потом переходят в наступление и возвращаются по пройденному пути «на запад».

За пределами баллады Твардовского остается неизбежная встреча героев, находящихся по разные стороны Миропорядка: защитников родной земли и ее незаконных захватчиков, которые нарушили границы, законы допустимого.

Баллада заканчивается приметой военной периода – пропагандистским призывом: *Вперед, за каждый дом родной, / За каждый добрый взгляд, / Что повстречался нам с тобой, / Когда мы шли назад. / И за кусок, и за глоток, / Что женщина дала, / И за любовь ее, браток, / Хоть без поры была. / Вперед – за час прощальный тот, / За память встречи той...* [Твардовский, 2008, с. 100].

Выводы. В «Балладе о товарище» А.Т. Твардовского структура диалогово-ролевого треугольника баллады модифицирована. При сохранении функций миропорядка (фронт) и подвижного героя (раненый солдат, образ которого восходит к погибшему солдату баллад на сюжет «Леноры» Бюргера) существенно изменена позиция героя, делающего роковой выбор. В рассматриваемом случае выбор героини продиктован скорее эпико-героическим заданием и не может квалифицироваться как самоутверждение в духе трагики.

Поэт внедряет в текст лирическое «я», меняя привычную повествовательную структуру классической баллады: это уже не всеведущий повествователь, а товарищ-рассказчик, демонстрирующий коллективный, всеобщий характер происходящего.

В рассматриваемом произведении сосуществуют элементы эпоса, баллады и элегии, придающие теме памяти, столь значимой для Твардовского, глубокую историко-поэтическую ретроспективу, архитектуральность.

Библиографический список

1. Анисимов К.В., Анисимова Е.Е. Очерки теории и истории русской баллады. Жанрологическое исследование: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
3. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013.
4. Козлов В.И. Мирошниченко О.С. Воспоминание как привидение: о пограничной зоне элегии и баллады // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 1. С. 35–43.
5. Кукулин И. От Сваровского к Жуковскому и обратно: О том, как метод исследования конструирует литературный канон // Кукулин И. Прорыв к невозможной связи: статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019. С. 599–614.

6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
7. Мельникова Е.А. Тема пира и дихотомия героического мира англосаксонского эпоса // Литература в контексте культуры. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 16–29.
8. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. Страшнов С.Л. Жанровый состав творчества Твардовского // А.Т. Твардовский: исследования и материалы (международная научная конференция «Творчество А.Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры» (5–7 октября 2010)) / отв. ред. Г.Н. Ермоленко. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. Вып. 1. С. 129–133.
10. Твардовский А.Т. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: СЛОВО/SLOVO, 2008. С. 94–100.
11. Топорков А.Л. Печь: словарная статья // Славянские древности: этнолингвистический словарь / ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 39–44.
12. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013.
13. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

Сведения об авторе

Суровцева Кристина Александровна – аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; e-mail: kris.surov@yandex.ru

THE BALLAD ABOUT A COMRADE: ON THE PROBLEM OF GENRE REFRACTIONS OF HISTORICAL MEMORY IN A.T. TVARDOVSKY'S POETRY

K.A. Surovtseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The paper examines the features of the artistic structure of A.T. Tvardovsky's *Ballad About a Comrade* (1941) in the perspective of politics and poetics of memory; it is concluded that the historical poetics of the ballad deeply corresponds to the goals of commemoration that the poet set for himself.

The purpose of the article is to consider the *Ballad About a Comrade* in the historical retrospective of the genre, to compare the work of the 20th century with the precedent texts of the classical period, to show the continuity of Tvardovsky in terms of the canon, as well as its discrepancies dictated by the early Soviet era.

Methodology. The work is carried out at the intersection of several productive analytical approaches – historical poetics, genre studies as its component, modern studies of the commemorative aspect of culture.

Research results. In the *Ballad About a Comrade* by A.T. Tvardovsky, the structure of the ballad's dialogue-role triangle is modified. While maintaining the functions of the world order (the war front) and the mobile hero (a wounded soldier, whose image can be traced back to the dead soldier of the ballads on the plot of Burger's *Lenore*), the position of the hero making a fatal choice has been significantly changed. In this case, the choice of the heroine is dictated rather by an epic-heroic task and cannot qualify as self-affirmation in the spirit of tragedy.

Conclusion. In the poem under consideration, elements of epic, ballad and elegy coexist, giving the theme of memory, so significant for Tvardovsky, a deep historical and poetic retrospective and architextuality.

Keywords: *A.T. Tvardovsky, theme of memory in literature, Soviet literature about the WWII of 1941–1945, canon, genre, elegy, ballad.*

References

1. Anisimov K.V., Anisimova E.E. Essays on the theory and history of the Russian ballad. Aerological research: monograph. Krasnoyarsk: SibFU, 2023.
2. Veselovsky A.N. Historical poetics. Moscow: Higher School, 1989.
3. Kozlov V.I. Russian Elegy of the Non-Canonical period: essays on typology and History. Moscow: Languages of Slavic culture, 2013.
4. Kozlov V.I. Miroshnichenko O.S. Remembrance as a ghost: on the border zone of elegy and ballads // *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Philological Sciences*, 2011. No. 1. P. 35–43.
5. Kukul'in I. From Swarovski to Zhukovsky and back: How the research method constructs the literary canon // Kukul'in I. Breakthrough to an impossible connection: articles about Russian poetry. Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scientist, 2019. P. 599–614.

6. Lotman Yu.M. The structure of a literary text. Moscow: Art, 1970.
7. Melnikova E.A. The theme of the feast and the dichotomy of the heroic world of the Anglo-Saxon epic // Literature in the context of culture. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1986. P. 16–29.
8. Mythological Dictionary / editor-in-chief E.M. Meletinsky. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990.
9. Strashnov S.L. Genre composition of Tvardovsky's creativity // A.T. Tvardovsky: research and materials (international scientific conference "Creativity of A.T. Tvardovsky in the context of Russian and world culture" (October 5–7, 2010)) / Ed. by G.N. Ermolenko. Smolensk: SmolGU Publishing House, 2010. Is. 1. P. 129–133.
10. Tvardovsky A.T. Verses. Poems. Prose. Moscow: SLOVO/SLOVO, 2008. P. 94–100.
11. Toporkov A.L. Peche: a dictionary entry // Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary / Ed. by V.V. Toporkov. N.I. Tolstoy. Moscow: International relations, 2009. Vol. 4. P. 39–44.
12. Tyupa V.I. Discourse / Genre. Moscow: Intrada, 2013.
13. Freudenberg O.M. The poetics of plot and genre. Moscow: Labyrinth, 1997.

About the author

Surovtseva, Kristina A. – PhD Candidate, Department of Russian Language, Literature and Verbal Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kris.surov@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: *постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад)*.

3. При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: *problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution*;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.С. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (дата обращения: 05.02.2021).

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.S. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.

2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2021).

About the author

Sidorova, Anna S. – Candidate of Philology, Associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2024. № 4 (29)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 27.11.24.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 17,1